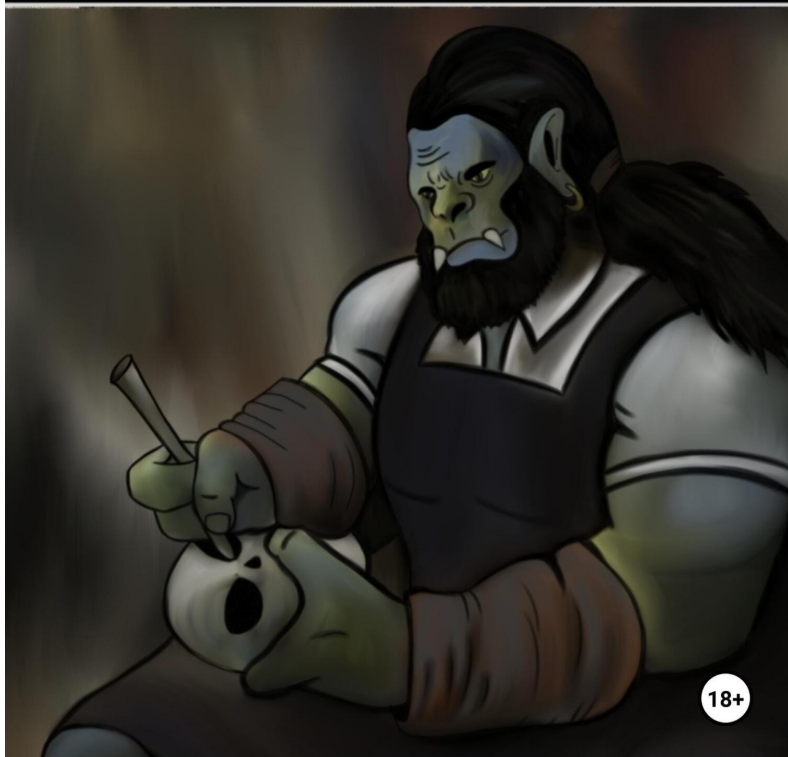


Владимир Андерсон

БОРЬБА

Пленники тьмы



18+

Владимир Андерсон
Борьба: Пленники
Тьмы (книга первая)
Серия «Борьба», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69633679

SelfPub; 2024

Аннотация

Первая часть саги "Борьба". Год: 2170. Человечество выжило после страшной катастрофы Третьей Мировой войны, но Земля превратилась в мрачное и безжалостное место. Век спустя оставшиеся в живых сталкиваются с новой угрозой. Человекоподобные чудовища, известные как чумы, возвращаются из темного прошлого, чтобы воплотить свои зловещие замыслы. Им удаётся поработить людей. Главный герой – бригадир группы шахтёров, потерявший своих близких в ужасах послевоенной реальности. Его душа наполнена горечью и стремлением к свободе. Он решает объединить вокруг себя тех, кто отказывается мириться с рабством, и возглавить отчаянное восстание против чумов. Однако чумы не просто беспощадные воины. Они обладают необъяснимой силой и сокрытым тайной древним артефактом – Чёрным Камнем, объектом поклонения и главным источником их силы.***Книга, написанная 18 лет назад (2005

год) выбрала местом действия Макеевку, пригород Донецка, что оказалось необычно актуально в наше время.

Содержание

Пролог	6
Есть то, что осталось	8
Мысли свободного раба	11
Где свои и где чужие	28
Кто о свободе, а кто о жене	46
Резиденто-диссиденто	49
Тьма кромешная	63
Резиденто ин актионис	73
Дымно и жарко	83
Где-то совсем глубоко и низко	91
Промах в нужную сторону	99
Размышления резиденто	105
Мятежники	117
Когда болит сердце	123
Меня спас чум	127
На воре и шапка горит	137
Верящий и любящий	143
Горячее сердце	149
Когда ничего другого больше нет	154
Самый счастливый на всей Земле	171
Невиданное Солнце	187
Обратная сила	190
Непроверенный опыт	199

Шестое чувство	207
Единственная должность	213
Вместе вечность	217

Владимир Андерсон

Борьба: Пленники Тьмы (книга первая)

Пролог

Никто уже не помнит того времени, когда мы были свободны. Когда-то давным-давно была война между нами, людьми. Тогда мы ещё не знали, что нам придётся столкнуться с кем-то ещё. Мы думали, что покорили природу, расщепили атом, освоили космос. А потом пришли они... И вся наша техника, все наши «искусственные умы» отказались работать... не на нас, а вообще на кого бы то ни было: они просто вышли из строя. Все наши достижения стали ничем за какой-то миг: перестали функционировать ракеты, компьютеры, системы распределения, да что там... половина всего превратилось в хлам. А шатлы и спутники... да кто знает, что с ними стало. Может, упали в океан, а, может, всё летают... собственно сейчас никому это и не интересно...

И всё это из-за какого-то кристалла. Никто из людей, разумеется, его не видел, но чумы (те самые, что считают себя нашими хозяевами) всегда пропагандировали его силу и ве-

личие, утверждая о неммыслимых размерах и разуме... Да, он живой. Более того, по их словам именно он велел им начать войну, а затем открыл портал, после чего заглушил всю нашу электронику. Господи, у нас осталось одно огнестрельное оружие да пара тысяч танков, переживших Третью Мировую Войну.

Некоторые возлагали надежду на КАЗ (комплекс активной защиты; оборона бронетехники, работающая по принципу выбрасывания металлических шариков в сторону летящего снаряда), но этого было так мало, как и сил, а врагов так много, что... Господи, ну зачем же мы воевали друг с другом?

Есть то, что осталось

Зачем мы понадобились чумам совершенно ясно – сырьё, материальное и трудовое. Сейчас они качают нашу нефть, наш газ и уголь, и всё остальное тоже наше и только нами самими. Здесь мы рабы и не имеем никаких прав, то есть не то, чтобы на свою нефть или газ, а на себя самих и своих детей. А сколько нас осталось? Не знаю... может, наберётся треть или четверть миллиарда. Кого это волнует, если хватает на добычу?

Люди наконец-то уравнились в правах. Нонсенс, но это, похоже, возможно, когда прав вообще нет. Когда все должны работать на чумов.

Есть несогласные с этим – маки (в честь когда-то бывших повстанцев). Они где-то прячутся, их мало, но они нападают, хоть и редко. Мы все с ними, но прекрасно видим, что сейчас ничего не можем сделать.

После завоевания чумы разделили всех несколько группировок по материкам, и уже там сформировали в несколько колонн. Самая крупная группировка Евразийская. Она состоит из четырёх колон: Иранской, Индийской, Китайской и Славянской (в последней все смещались, так что в некотором роде стало как прежде).

Гавриил Железнов (для чумов он 643075A2) являлся ко-

мандиrom 381-ой рабочей сомы (на их языке «сома» – раб). В соме его звали не иначе, как «Гора». Иногда даже на прямую. Прозвище оправдывалось целым рядом причин: во-первых, его указание давалось всегда чётко и однозначно, во-вторых, его решение, по крайней мере внешне, нельзя было поколебать никаким доводами, в-третьих, сам внешний вид (выше двух метров, тяжелее сотни килограммов, а лицо.. лицо – сочетание морщин и складок, однако, не напряжённых мышцами), и, наконец, самое главное, постоянство его должности. На этом он стал легендой. Дело в том, что на должности А (командир, что пишется в конце порядкового номера) продержаться в течение пятнадцати лет было невозможно: в случае невыполнения плана убивали чумы, в случае выполнения – маки или те, кто с ними сотрудничал, а такие, почему-то всегда находились. Но Гавриил делал и то и другое с поразительно правильным чередованием. Одни оставляли его в живых, потому что считали, что он порой способен перевыполнить план. Другие, наоборот, надеялись на целенаправленную «халтуру».

Осталось отметить его «кровь». Его прадед участвовал в войне (название её дед отцу говорить не хотел), и дед участвовал в войне (название ей никто не давал), и отец участвовал в войне (конца её никто не видел). Несмотря на такой список, чумам было это неизвестно. Им было также неизвестно, что люди ещё носят имена и фамилии, заключают браки, хоть и всего лишь в умах, помнят прошлое и предков,

верят в Бога и в глубине души не могут жить без свободы. Их интересовал только результат, а изучение людей они считали недостойным их власти.

Работа. Теперь это значило буквально всё, и существовало это всё в понимании чумов, того, как они решат кормить и сколько разрешат поспать.

Рудник, буровая, шахта – все места обитания невольного человека.

381-ая сома трудилась на угольной шахте города Макеевка, Донбасс, вместе с 420-ой, 647-ой и 253-ей. Что из себя представляет работа на шахте объяснить нельзя, можно только почувствовать.

Мысли свободного раба

25-ое марта 2170 года.

Сегодня 381-ой коме досталась сортировка и очистка.

«Ну, что, выспался?» – пошутил Гавриил, подойдя к своему заместителю Константину Богатому (номер 5396413Б2; разряд «б» – заместители). Тот обрадовался такой шутке, потому что все остальные, какие он слышал, касались его фамилии.

«Знаешь... Как хочется полезть с тобой в драку», – ответил он двояко: за драку чумы убивали на месте, но это была лёгкая смерть.

«Мне воспринять это с положительной стороны?»

«И только с неё. Целыми днями думаю о смерти...»

«Хорошо. Даже отлично для начала рабочей недели. Что у нас планом».

Константин открыл свою дряхлую тетрадочку жёлто-чёрного (половина угля, половина глины) цвета и попытался что-то прочесть.

«Так. Если 420-ые осият 11-ать, а 647-ые 13-ать, то нам придётся чистить все 24».

«По поводу «выхода» договорились?»

«Выход» – это «левый» груз, о котором чумы не знали.

То есть его добывали, но нигде не прописывали – отдавали «чёрным» (по-другому «обречённые» рабочие, которых сажали в отдельные ямы с незначительным пластом угля и в трёх случаях из четырёх уже не вынимали оттуда; по настоящему спаслось лишь двое).

«Нет», – возвестил зам.

«Хорошо, я сам разберусь. Проследи за всем здесь. Я вернусь через двенадцать минут».

«Есть».

Гора двинулся в сторону 2-его пути.

Сортировочная представляла собой здоровенный зал общей площадью в 30000 квадратных метров (100х300) и высотой в 3 метра, чтобы чума было удобнее наблюдать. Кроме того, имелось электрическое (хоть и слабое) освещение в виде лампочек, прикрытых тонкой решёткой. Несмотря на эти «удобства» работать в очистительной было сложнее всего: чумы слишком хорошо видны. Каждый раз смотреть на эту ужравшуюся рожу, дышащую свежим воздухом через маску, слушать этот отвратительный смех, извергаемый жёлтой глоткой и бледно-зелёного змеиного языка и понимать, то это будет продолжаться бесконечно – это настоящая пытка.

Заходя за угол, командир оглядел помещение – пока пусто, лишь две будки чумов по сторонам; группы «А» и «Б» будятся раньше на пять минут для изучения плана.

Войдя в «зал угольного забоя» (помещение, где производилась непосредственная добыча), взору открылись две фи-

гуры: Доминик Бражик (номер 572644А2) и Петр Дожик (номер 323372Б2). Лица у них не мрачнели от тяжести поставленной задачи, но косились ото сна.

«Что, не спалось?» – поприветствовал шахтёров Гавриил. Он любил воодушевлять народ подобными репликами, пробуждая гнев и злобу в строго ограниченных количествах (и не важно было, на кого она выльется, главное то, что это поможет выжить). Сегодня чумы дали поспать всего 4-ре часа, в отличие от обычных 8-ми; вообще говоря, это единственное, с чем повезло людям – чумам сна требовалось 16-ать часов, и они считали об аналогии в этом с людьми, поэтому урезали время всего до 8-ми.

«Спалось. – шепнул Доминик подошедшему командиру – Эти сволочи помешали. Не в курсе, с чего сегодня такие сюрпризы?»

«Да тут не мудрено понять, – отозвался заместитель. – Осволочели они».

«Два сапога пара. Как им повезло работать вместе. – думал Гора. – Даже глаза одинаковые... Тёмно-голубые с искрой и ненавистью. И как это их до сих пор не поймали?»

«Что думаешь Гора?»

«Да что тут говорить... Козлы...»

Все дружно рассмеялись.

«От слов к делу. – продолжил Гавриил. – Я вот по какому вопросу...»

Их лбы напряглись, глаза засверкали, рты слегка приот-

крылись – словом задействовались все части лица, будто в ожидании удара молнии в чистом поле, где стоит лишь один человек.

«Выход».

«Ну, я-то думал», – мышцы расслабились.

«О том, о чём ты подумал, никому не говори. Ещё не время даже думать... А вот мечтать, в самый раз».

«Об этом все думают, и ты прекрасно знаешь».

«И чумы тоже», – тут Гавриила осветила. Он и раньше говорил эту фразу, но только теперь понял, какую силу даёт её осознание. Это шанс.

«Ну Выход...» – сказал Дожик.

«Это шанс. Это действительно шанс», – думал Гора.

«Килограммов 125, а...»

«Что?» – опомнился командир.

«Ты спросил про Выход».

«Ах, да. И?»

«Мы – 125, 647-ая – 80. Я уже поговорил, так что можешь не пробовать, говорят их сегодня сильно секут».

«Ещё не закончили работу и уже секут... – по наказаниям у чумов был целый устав – Хорошо. Мы организуем передачу», – ответил Гора и снова подумал: «Это ведь и правда шанс».

По возвращении командира на место сортировки сома начала работу. Но Гору сейчас это как-то не интересовало: впервые за свои сорок пять лет он увидел реальный шанс

освободить людей.

«Гора», – позвал Константин своего командира.

Тот в свою очередь «очнулся» уже в третий раз за день:
«Что?»

«Рафаил. Он решил выйти сегодня».

«Где он?»

Зам показал куда-то в середину зала, где за спинами и лицами, а так же, конечно, метановой пылью, которой был забит каждый уголок шахты, нельзя было разглядеть ровным счётом ничего.

После десятиминутного поиска молодой парень Рафаил (номер 97899213В2; категория «В2» – «серый» рабочий) был найден.

«Ты что, специально?»

Пять дней назад взорвался метан, и 381-ая сома потеряла троих убитыми и одного раненым. Этим раненым и был Рафаил: ожог второй степени на полруки. Гора выдал ему «отпуск» (за теми, кто не работал, чумы не следили, пока план выполнялся).

«Я уже здоров», – ответил парень, продолжая отмывать землю от угольков, не поднимая головы. Пузырёк от ожога лопнул, затем лопнул ещё один: прозрачная жидкость потекла в воду. Рафаил вздрогнул, затем затряслась рука, но головы он всё же не поднял.

«Перестань. Это приказ», – скомандовал Гавриил.

Рафаил остановился и поднял голову. Серые непроница-

емы глаза выражали спокойствие и сдержанность. Высокий лоб и поразительно белая кожа. Она казалась белой, несмотря на очевидную угольную грязь, покрывавшую её почти везде; и даже отдавала синеватым цветом. Гавриил видел в нём потомка ариев, которых считали удивительно развитой и гармоничной цивилизацией.

«Я не могу не работать. Ты же понимаешь это», – ответил парень и впился командиру в глаза своим тяжёлым стеклянным взглядом. Единственным человеком, способным «переводить» это взгляд, являлся Гора. Он часто наблюдал своим самым уравновешенным подчинённым и всегда видел в первую очередь печаль. Его глаза часто смотрели не на чумов, а на людей, занятых работой; они изливались кровью от того, что все трудности, пройденные людьми не приносят никакого толку. Глаза смотрели и страдали от чужого рабства. И сейчас Гавриил видел эти глаза; они хотели, во что бы то ни стало покончить со страданиями людей, в том числе и путём собственной жертвы – за это Гора очень любил своего сына, но смотреть на такой альтруизм было не в его силах.

«Рафаил, слушай мою команду. – перешёл командир на совершенно деловой лад. – Иди в сектор 1 (что-то вроде «людского дома» место отдыха после работы; тоже в шахте, на поверхность чумы выводили два раза в месяц примерно на полчаса) и спи. Не выходи оттуда неделю. Это приказ».

Сын Горы отвернул глаза и посмотрел на женщину лет пятидесяти, отмывающую уголь, в двух метрах от него: глаза

залились кровью, а на руке лопнул ещё одни пузырь.

«Есть», – ответил Рафаил и пошёл к 1-ому пути, ещё более, нежели раньше наклонив голову. Он никогда не хотел, чтобы о нём думали, как о ленивом или боящимся смерти человеке. И, хотя никто так и не думал – наоборот, негласно за сильный характер его называли «Скалой», а не «сыном Горы», как бы отделяя его, пусть ещё и не столь большие, заслуги от отцовских – даже его отец не имел такого стремления работать.

«И не забудь забинтовать руку», крикнул вдогонку Гавриил. Вдобавок к тому, что бинтов не хватало до ужаса (так мало, что приходилось мыть старые по несколько раз, пока они полностью не стирались), чумы ещё и запрещали их носить вне 1-ого сектора. Это входило как приложение к «Уставу об одежде», в котором нельзя было носить любые вещи, не имеющие отношение к работе, и шло перечисление этих предметов. А если что-то забывалось (так было в случае со Станиславом Лещинским, который надел цепочку с крестиком много лет назад; вообще говоря, их многие носили, лишь бы был, но заметили за этим именно его), то тут же вводилось, включая «первый случай» (Лещинскому отрезали голову, ведь именно на ней держался крест).

«Отличный у вас сын», – обратилась к Гавриилу та самая женщина.

«Да... Да...»

«Его невеста такая же, правда? Будто созданы друг для

друга...»

«Что? – Гора повернулся к женщине и, увидев её искренние и радостные глаза, спросил. – Какая невеста? Елизавета Михайловна, вы ничего не путаете?»

«Гавриил Владимирович. Как же я могу путать? Марией её зовут. Вы её знаете... Светленькая такая... ОН сам хотел вам сказать, но, очевидно, не успел...»

«Вот это да... А сколько они уже вместе?»

«Ооо... Давно. Она из 253-ей сомы. Когда мы сюда «переехали»? Три года назад, по-моему. Вот с тех пор они и вместе...»

«Вот это да», – удивился командир ещё раз, и не от того, что сын не сказал ему о такой вещи (это было нередким явлением), а о том, как долго он смог скрывать сам факт их любви.

«Что такое? Вы не рады?» – спросила Елизавета Михайловна.

«Да нет, скорее наоборот. И очень сильно... А как вы говорите её зовут?»

«Мария».

Гора уставился на неё выжидающим взглядом – нужна фамилия.

«Мария Волина».

«Понятно... Спасибо, Елизавета Михайловна. Здоровья вам», – вывел Гавриил и пошёл в сторону транспортного узла (4-ого, 5-ого и 6-ого путей), где происходила погрузка угля

253-ей сомой.

Теперь все мысли Горы ушли в семью. Он вспомнил, как познакомился со своей женой Еленой двадцать один год назад. Она тоже была не из его сомы, тем не менее, скрывать это от своего отца ему не удалось больше двух месяцев (это весьма ощутимый результат для ситуации, когда «свободное» передвижение таковым вовсе не является – чумы пропускают на работу, затем обратно, а ещё иногда наружу – вот и всё передвижение). Но три года?! Это настоящая конспирация... Хотя главным фактором обнаружения Гавриила в его связях с Еленой были сильные чувства – он жить ней не мог (именно прошедшее время, теперь приходится: Елена погибла от взрыва четыре года назад). Насколько это сравнимо с отношениями между его сыном и Марией Гора не мог определить – для этого необходимо было увидеть её своими глазами.

Войдя в сектор транспортного узла, Гавриил обозначил себе обозначил себе одну из сегодняшних проблем и рассчитал, с вопросом какого рода сейчас к нему подойдёт командир этого мероприятия – работа у 253-ей сомы сегодня уже не заладилась. Ясно почему: народ не выспался, да в придачу к этому вчера они непосредственную добычу; просто не осталось сил.

Гора двинулся немного от входа к углу помещения: оттуда открывался широкий обзор, собственно, на этой точке он

сам часто стоял во время смены своей группы.

Милая девушка на мгновение сверкнула глазами в его сторону, затем отвернулась, продолжив заполнять углём контейнер. Несмотря на свои блестящие золотистые волосы и довольно высокий рост она, в общем-то, не выделялась на общем фоне, но её взгляд уже всё выдал. Она посмотрела на него как на человека совершенно не знакомого ей лично, но в то же время знакомого вообще. Хорошо разглядеть её лицо с такого расстояния Гавриилу было сложно, и всё же оно казалось каким-то знакомым.

«Гора!» – послышался крик откуда-то с краю, сегодня все почему-то именно так его встречают: Георгий Волин, заместитель начальника 253-ей сом (номер 2536484Б2), заискрился от радости.

«Волин, ну конечно! – вскричал мыслями Гавриил. – Вот, чья она дочь. Что ж хорошо. У неё отличный отец. Настоящий актёр».

Через три секунды зам уже был рядом. «Аааа... – радовался он, обнимая Гавриила. – Рад тебя видеть».

Волин расслабил руки, отклонился суть назад, продолжая держаться теперь за предплечья Гавриила: «А мой шеф тебя заискался. У нас тут ража нет – явно недовыполним план».

«Я думаю, это никому не в диковинку», – ответил Гора, пытаясь успокоить коллегу.

№Да-да. – Волин не переставал играть бровями. – Только вот сегодня мы всех удивим. Ха-Ха-Ха».

«Мне нравится твой здоровый оптимизм».

«Кто здесь может ещё быть здоровым?... Раз тебе нравится, бери меня к себе вместе с семьёй».

«И он, что тоже знает, – подумал Гавриил. – что мой сын скоро женится на его дочери?»

«Да я шучу! – он и правда шутил. – Без таких, как я, здесь люди умрут от потери чувства юмора... Правда, таких как я, здесь почти вся сома. Не находишь?»

«Вся наша колонна этим отличается».

«Вот, кстати, новый анекдот: «Шахтёр спрашивает другого: «Кого можно считать трусом?» Ответ: «Того, кто идёт добровольцем к маки».*1 Ха-Ха-Ха-Ха-Ха. И правда, здесь же только и дохнуть: дышать нечем, всё вокруг взрывается, а про еду и воду и говорить нечего», – в конце фразы он перешёл на серьёзный разговор и отрицательно помотал головой.

«Так вам чем-нибудь помочь?»

«Конечно, дружище, конечно. Вот и командир идёт. Поговори с ним, а я пойду подбодрю народ», – Волин отступил и, развернувшись, ринулся в сторону локомотива, нагружаемого минералами.

Гора повернул голову в сторону – командир сомы №235 Иван Дубровский (номер 547137A2) не излучал и половины оптимизма своего зама (хороший и действенный метод в контрасте руководства). Подойдя, он протянул и пожал руку, затем отвернул свои печальные глаза и проговорил: «Гавриил. Я тебя с начала дня ищу. Жора, тебе, наверное, уже ска-

зал... да и сам видишь. Работа сегодня ну просто не в гору... Извини за каламбур, но это так». Он тяжело вздохнул: «Гавриил, я слышал вашей команде сегодня чистить двадцать четыре тонны...»

«Верно».

«Сегодня мы больше восьми не осилим», – эти слова вырывались у него из сердца: что чумы делали с теми, кто выполнял план на одну треть можно себе представить (их норма – 75 процентов, за каждый невыполненный ниже этого процент два процента из состава сомы подвергалось наказанию в пять ударов камнями, с возрастанием несделанной работы число ударов доходило до десяти, и критическим уровнем были 25 процентов). Глаза Ивана уже наполнялись предстоящими смертями и осознанием того, что ни в его силах было это исправить.

«Не стоит преуменьшать свои возможности. Уверен, ваш результат от 8 до 10... Но неважно. Мы всё равно вам поможем. 14 тонн. Меньше нельзя».

«Четырнадцать?»

«Да, именно. Это максимум того, что до вас дойдёт сегодня. Даже, если они добудут все 24».

«Гора... Господи, ты просто нас всех спас».

«Поблаговаришь позднее. И не меня, а моих людей. Двадцати семи процентам из них получать по пять ударов каждый. Всего в моей команде сто восемьдесят три человека. Двадцать семь процентов это пятьдесят человек, то есть 250

ударов. Из них мои всего пять. Чего они стоят?»

«Да-да, Гавриил. Ну вы нас просто спасли...»

«Хорошо, хорошо. Об этом потом, иди лучше выжми максимум, в том числе и ради нас».

«Ещё раз большое спасибо, Гавриил...» – Иван тут же бросился вперёд, в труд.

Теперь представилась великолепная возможность пообщаться с Марией.

«Мария? – спросил Гора милую девушку.

Она повернулась: «Да... А вы, я думаю, Гавриил Владимирович».

«Да-да, совершенно верно. Могу я у вас кое-что спросить?» – Гора, как и любой уважающий себя начальник, умел и любил разбираться в формулировке предложения, как, например, сейчас. Распространено выражение «Могу я с вами поговорить» и производные от него, но он заметил, что слово «поговорить» не редко настораживает собеседника, поэтому в его интерпретации это обращение включают именно слово «спросить», которое, в частности, очень применимо к женщинам, любящим рассказывать о себе.

«Конечно можете. Только не хотелось бы отрываться от работы, – глаза её переполняла искренность. – Вы, скорее всего, уже знаете о том, что мы не укладываемся сегодня...»

«Альтруистка, но частично. Это хорошо. Будет превосходной мамой... и женой, конечно, тоже», – подумал Гавриил и сказал: «Ничего, по поводу этого вопроса вы можете не

беспокоиться. Наша команда поможет вашей... Вы понимаете, что я имею в виду».

«Честно говоря, не важно, кем бы вы были по рангу, но не знай я ваш авторитет – не поверила бы», – призналась девушка и прыгнула с вагона на землю.

Наконец, она стояла в шаге от Горы, и свет целиком освещал её. Ещё более милая девушка нежели раньше. Даже немного похожа на своего жениха, а глаза так вообще почти такие же: в них виднелась воля (причём внутренняя, до глубины души, хотя и другого характера), определённая непроницаемость (гораздо меньше, чем у Рафаила, и закрывала она чётко личные места, а не всё, что вообще интересовало), а так же отсутствие слабости (конечно, слабости есть у каждого, но и Рафаил, и Мария не показывали их, он по причине неуступчивости самому себе, она – нежелания показывать это другим, а, если что-то не получалось, у всех имелись «свои» выходы: У Рафаила – это молитва и самоубеждение, у Марии – злоба до определённых границ; она злилась, в принципе, по каждому поводу, при этом всегда исключительно на себя, что двигало вперёд, к достижению поставленной цели, которой она не могла не добиться). Кроме глаз примечательна была в ней мимика, при удачном «переводе» показывавшая её настроение, в том числе и к себе самой.

«Так, что вы хотели у меня спросить?»

«Вы не знаете одного парня... светлые волосы, вот вроде ваших, кожа такая белая, ну совсем былая, и ещё рука у него

в ожогах... левая?» – «коварно» спросил будущий зять.

«Рафаил? Вы о своём сыне говорите?»

«Да-да... А вы хорошо его знаете?»

«Ну, я почти всех здесь уже знаю... А насколько хорошо... ну, это уже не мне судить».

Гора чуть не свалился – Рафаил, что специально готовил её для подобных разговоров? Или она настолько восхитительно соображает? Да нет. Очевидно, и то, и другое.

Гавриил решил, что пора спросить напрямую: «Мария, вы любите моего сына?»

«Да... Очень люблю».

«Вы давно встречаетесь?»

«Нет, я бы так не сказала, но это не мешает мне его любить».

«А по времени уточните...»

«Три года... Чуть больше».

«Вы считаете, что в наших условиях, это «не давно»?»

«Я не знаю точно, о каких именно условиях вы говорите, но людям требуется много времени, чтобы понять друг друга... Особенно в таких условиях».

«Вообще говоря, вы правы. Я прожил с женой семнадцать лет и так и не успел до конца понять её. Вы правы. Здесь нужно много времени. Своего дома-то нет».

«Я рада, что вы меня поняли».

«Да... насколько я знаю, у вас скоро свадьба...»

«Да. Рафаил вам собирался сегодня сказать».

«значит... вам достаточно отношений для свадьбы».

«Я его люблю... И он меня тоже... Для меня этого более, чем «достаточно»».

«Тогда можете считать, что моё благославление у вас есть... Я желаю вам счастья...»

«Спасибо. Это лучшее, что я надеялась услышать от вас. Спасибо, Гавриил Владимирович».

«Да и... хотелось бы...» – Гавриил хотел сказать слово «внуков», как Марию вдруг вырвало. Легко, ни с того, ни сего. У Гавриила у самого была жена, ему не надо было объяснять, от чего бывают такие вещи – вопрос отпал сам собой.

Мария сразу встала на ноги, так что Гора только успел помочь ей, поддержав за локоть.

«Маша, родная, что с тобой?»

«Ничего, ничего. Всё хорошо».

«Можешь меня и не пытаться обманывать. У самого есть ребёнок. Так сколько это у тебя?»

«Месяц, вернее почти четыре недели».

«Ничего, не волнуйся. Это обычное дело... Я пойду, скажу Ване, чтоб освободил тебя...»

«Не надо. Всё в порядке».

«Надо. Ещё как. Я хочу здоровых внуков, так что никаких разговоров».

«Спасибо, Гавриил Владимирович. Я рада, что у меня такой свёкор».

«Я тоже тобой доволен... И одна просьба...»

«Какая?»

«Люби его всегда как сейчас».

Где свои и где чужие

Пока под землёй сомы вели работу прямо над шахтой восседало мнимое и фактическое начальства. Фактическим был чум Манхр. В его распоряжении находился весь Донецк и Макеевка в составе 24 сом, разрабатывавших 7 месторождений. Плюс 12 бур охраны и две буры специального назначения (главным образом против маки). Всего 3728 людей и 560 чумов. Как ни странно, но несмотря на всю брезгливость чумов к людям, они знали точное количество и раз в неделю проверяли их наличие. Помню как-то раз к маки перебежало аж целых тридцать восемь человек, так Манхр сам полез в шахту избивать сому, лишившейся тогда двадцати двух своих шахтёров, вместе с заместителем. После наказания она потеряла ещё восемь убитыми. Это был единственный раз, когда карак («карак» – заведующий группой в колонне) спускался под землю.

Сам Манхр от всех остальных в его должности ничем не отличался, кроме своего веса: подобные ему заедались до двухсот килограммов, он же всего до девяноста. Чумы это активно пропагандировали, объясняя симпатией Манхра и его желанием помочь людям путём постоянной, в том числе собственной работы. Правдой здесь был лишь вес (реальную причину знал весьма узкий круг руководства колонной, за-

ключавшейся в какой-то страшной и весьма редкой у чумов болезни; что касается «помощи», то говорили, что он воровывал у своих, да в таких количествах, что можно было уже купить собственную шахту не меньших размеров).

Теперь власть мнимая. В её лице представлялся Павел Пожарин (номер 726629А1). Под землёй этого человека ненавидели больше, чем чумов, несмотря на то, что не от него исходили приказы бить их камнями. Маки ненавидели этого человека больше, чем кого бы то ни было, несмотря на то, что не от него исходили приказы на рейды по «дикому полю». И даже чумы, включая и самого Манхра, ненавидели его больше, и чем маки, и чем шахтёров, несмотря на то, что не он их убивал и заставлял находится на этом месте. Его ненавидел тот, кто не знал, а тот, кто знал, понимал, что он нужен. До него на этом посту не держались более полутора лет, он сидел уже целых десять.

В задачу номера с окончанием «А1» входил «основной» отчёт перед караком о проделанной работе, а также некоторые нюансы в бухгалтерии. Манхр при его помощи воровал. Шахтёры и маки видели в этом выгоду – раз он ворует себе, значит в империю идёт меньше.

Пожарин за свой «труд» получал привилегии: Во-первых, практически всё время А1 находился на поверхности земли, а не в её недрах, что позволяло ему, по крайней мере, дышать воздухом, а не пылью, переполняемой метаном, во-вторых, у него имелась возможность выбрать себе семерых

помощников из шахты, хоть он не брал ни одного, и, в-третьих, особые условия жизни: хорошая еда, больше времени на сон и так далее.

Всё это Манхр терпел, но в силу своих причин. Он ненавидел его за то, что то позволял ему слишком много воровать. Ведь Манхр – чум дворянского происхождения, и учили его с самого рождения любить и превозносить силу «Тёмного камня», Чумную Империю, свой вид, а он воровал у своих же. Стыд и алчность постоянно сталкивались в нём, и победу всегда одерживало второе чувство.

Всем этим за него восхищался Пожарин: структурой общества Империи, сверхъестественными способностями, преодолевшими некогда человеческую цивилизацию, физиологическим строением, и даже безгливостью к людям. Он пренебрегал людьми, хотя и был одним из них.

25-ого марта обстановка в группе Донецк-Макеевка изменилась: из центра прибыло сообщение (благо телефоны работали):

«Лично караку Донецка-Макеевки Манхру от броза Славянской колонны Блуха:

С отвращением сообщаю, что некоторое время ранее мне доложили, что вы, карак Манхр, занимаетесь казнокрадством и тайно перевозите добытое сырьё в дарованные вам территории Кубани, сектор 7. Свою причастность к этому отрицать не пытайтесь. От вас требуется в течение двух недель

возвратить Империи Тёмного Камня 264 тонны угля. Кроме того, уплатить 36 тысяч роков в качестве штрафа. В случае невыполнения данных требований у вас будут отняты звание, должность, земли и прочее имущество, а сами вы помещены на работу, к своим бывшим подчинённым, где и останетесь до конца дней».

Броз Славянской колонны Блук

После прочтения этого послания у Манхра задёргалось веко, затряслись пальцы на обеих руках, а зелёный змеиный язык вылез наружу и стал неподвижным.

Через полминуты в кабинет карака явился Пожарин. По правилам человеку нельзя было сидеть в присутствии чума – для категории А1 часто делалось исключение. Но в этот раз Пожарин, когда он увидел гримасу на морде своего покровителя, мысли об этом выпрыгнули прочь из его головы.

«Я точно должен тебя поблагодарить! Раб!» – взревел чум.

Пожарин опустил свою широкую голову и уставился в пол.

«Не знаешь, за что?!»

«Не, господин, не знаю».

«Ааа... Не знаешь... А, что мне грозит за это, знаешь?» –

Манхр встал из-за стола и подошёл к «своему виновному».

«Нет, господин, не знаю».

С широкого мерзкого размаха Манхр засадил ладонью в «противника». Пожарин отлетел в сторону, к стенке, и, согнувшись, свалился на пол; он хорошо знал, что попробуй он

встать, получил бы ещё раз. Спорить с чумов бесполезно – они не способны признать свои ошибки.

«Голову мне скрутят, вот что сделают! Мне! Мне, Манхру, скрутят голову! Слышишь, раб?! Мне! Манхру! Слышишь?!» – Манхр подошёл к лежащему и, что было сил, пнул его ногой. Затем ещё раз. И ещё раз.

«Слышишь, раб? Слышишь?» – карак вошёл в истерику. Он не мог поверить, что такое вообще происходит. Это же просто невозможно. Не его должны судить – другого. Тридцать пятый год он заведует этой областью, к нему никаких претензий, и тут вдруг вот тебе.

После ряда ударов различной силы и эмоциональной окраски Манхр отошёл от полумёртвого всеми ненавистного номера 726629A1 в сторону окна и устремил свои взоры вдаль. И в первый раз в своей разрушительной лживой жизни он объективно взглянул на небо. Имперская пропаганда без тени сомнения изображала Земное Небо как какую-то природную ошибку: в их мире Небо фиолетовое. Теперь это не казалось догматом или вообще весомым утверждением. Манхр впервые смог почувствовать своё «я», уже отделимое, хоть и на незначительное расстояние, от Империи. У него сформировалось собственное мнение.

«Собственное мнение? – подумал карак. – Что оно представляет без всего остального? Ничего. Нет... Представляет. Это ведь я. Манхр. Но теперь я отдельно... Чушь. Как кто-то может быть отдельно? Это невозможно... Возможно. Так

живут, например, маки... Да нет. Это люди. У людей всё не так. Они ведь люди. НЕ мы. Мы лучше... А почему?.. Почему мы лучше?»

В голове у Манхра что-то застряло, потом остановилось и всё остальное. Встал весь механизм. И всего-то из-за одного банального вопроса «Почему?».

Чум обернулся и посмотрел на всё ещё лежащего Пожарина: «Чем я лучше него? Да это бред! Это кусок отбросов ни на что неспособный. Конечно, я лучше его!... Его да, но людей-то ещё миллионы... Сейчас они работают. Спят всего восемь часов. Они переносят такие условия... Я бы так не смог... Но почему мы тогда победили их, если они сильнее?»

Манхр уселся за стол и, наклонившись вперёд, зажал голову руками: раньше размышлять ему не приходилось, раньше он думал только о деньгах. Перед ним встала дилемма: с одной стороны пришла мысль о превосходстве людей над чумами, с другой – он точно знал, что люди проиграли войну. Совместить две эти вещи Манхр не мог, а отменить какой-либо тезис просто не представлялось возможным. Второй тезис являлся чуть ли не неопровержимым фактом. А первый настолько запал в душу, настолько казался очевидным, что заставлял в прямом смысле подбирать аргументы в свою пользу.

«Слышишь, раб?» – не отодвигая рук от головы, спросил Манхр.

Тяжело переворачиваясь с живота на бок, Пожарин от-

крыл рот и попытался издать какой-то звук, но не смог – не позволило дыхание, оно было слишком тяжёлым. Манхр сломал ему три ребра.

«Говори!» – руки у карака оставались в прежнем положении.

Номер А1 что-то промямлил и сразу закашлял.

«Кто сильней? – Манхр говорил громко и грозно, как обычно. – Скажи мне, кто сильней? Мы или люди?»

Не видя вариантов, Пожарин открыл рот и, согласно кивая, попробовал ответить.

«Не смей мне врать! Подумай, прежде, чем ответить. Подумай! И скажи, кто сильней?»

Ответ вылетел быстро чётко и из последних сил: «Чум!!!»

Глаза Манхра отвернулись в сторону, руки убралась с головы и поместились на подоконнике: «Ты врёшь мне. Я знаю. Вы все вдали мне, всё это время... Но ничего. Я не буду тебя убивать... Ладно. Иди и заставь всех работать. Сегодня план надо перевыполнить в два раза. Иди и скажи это всем».

Чум развернулся в сторону окна и снова посмотрел на Небо: «Не знаю, насколько сильнее люди, но Небо их в сто раз красивее нашего».

То же 25 марта.

После разъяснения всех дел: семейных и рабочих, Гавриил, наконец, приступил к руководству очисткой. Задача состояла на редкость сложная – очистить не больше 12 тонн.

Ах, какое сложное слово «не больше», и что оно значило для шахтёров. Им необходимо попасть именно в эту цифру: больше – и 253-я сома всем прикажет долго жить, меньше – всем прикажут долго жить они сами; остальные идут по немного другому расчёту, но всё же им, скорее всего, тоже достанется.

Раньше уголь очищали автоматически – выкладывали на конвейер, вдоль которого располагались распылители с водой, это нужно, чтобы не сгущался метан: он проникает в лёгкие, а может и взорваться. Сейчас использовали руки. Всё долго, и дышать нечем, и работали все, и умирали со временем от этого все.

Командир находился где-то в середине зала, когда к нему подошёл зам Богатый: «Командир, срочное дело».

«Что ещё? Кто-то из чумов рискует не выполнить план по побитию нас камнями – надо помочь?» – Гора посмотрел на своего помощника взглядом, характеризующимся фразой «надо будет помочь в этом – поможем в этом, лишь бы наших стариков не трогали» (только старики держали их от «перебегания» к маки).

«Коля. Чёрный рабочий. Мне сказали, что у него есть, что сказать...»

«А у кого из нас нет?»

Николай Земляков (номер 52436483С3) один из всего лишь двух чёрных рабочих 381-ой сомы, вторым был Сергей Черноусов (номер 77242388С3).

Чего он мог сказать – «выход» ему подготовили царский – 20 килограммов. Ему много?

Тем не менее спустя семнадцать минут Гавриил стоял у ямы: «Звал, дружище?»

Яма глубиной в шесть метров казалась каким-то бесконечным пространством, что туда можно было закидать весь добытый за месяц уголь, на самом деле оттуда несло гнилыми разлагающимися трупами бывших рабочих: и сколько там ни погибало их, места меньше не становилось – трудно поверить в то, что тела мёртвых могут так легко складываться в ничто..., но это так. Внутри шахтёры привыкали довольно быстро, но те, кто выходил оттуда живым, рассказывали, что даже после целого трудового дня первой недели невозможно заснуть, а потом страшно просыпаться, в костях своих товарищей и дальше продолжать работу.

На деле «выход» им «закидывали» по десять-пятнадцать килограммов в день, а затем почётно вытаскивали перед чумами, записывающими «плюс» себе в тетрадочку. Но сколько мы они ни записывали в день, еды всё равно почти не давали, так что в случае спасения такового, труда достать его и вовсе не составляло. Одни кожа да кости; рёбра видны настолько сильно, что кожа, покрывающая их, складывалась между ними; руки после этого почти не двигались в течение пары дней, болезнь эту называли «синдром Жизни», оттого что больной не совсем осознавал, что он жив, он словно рождался заново; лицо выпирало скулами вперёд и особен-

но в подбородке из-за почти обессилевших мышц. Но всегда присутствовал один неувядающий до смерти фактор – глаза. Они блестели огненным блеском, и никто не понимал, то ли от радости, то ли от горя невозможности умереть.

Сейчас эти глаза блестели, но тем огнём, который возникает так резко и хочет так много, а при неполучении этого быстро затухание уходит, забирая с собой того, кто его носил. Это Огонь Свободы.

«Командир, ты не поверишь...» – Николай смотрел вверх, раскрыв рот. Внутрь летела пыль, но похоже это не имело никакого значения.

Гора заметил то, что он видел только у тех, кого сейчас не было в живых, кто уже погиб: «Раз ты так думаешь, спорить я не буду...»

«Командир, это..»

«Угу».

«Что я нашёл..»

«Ох, что же ты нашёл», – Гавриилу уже нравилась эта тягомотина.

«Оружие».

«Что?»

«Оружие. Командир, здесь куча оружия... Просто, даже не знаю, как сказать...»

«Хорошо. Закинь что-нибудь на подъёмник, я подниму», – командир готов был увидеть что угодно; люди в этой яме с ума сходили десятками.

Внизу что-то загремело, после чего Гавриил начал крутить лебёдку.

Спустя полминуты верёвка поднялась до нужного уровня: на подъёмнике лежал АК-74.

Гавриил осмотрелся по сторонам: чумов нет.

«И много у тебя такого?» – спросил он внизу.

«Сам не знаю... Но, похоже, целый склад», – послышался ответ несколько задумавшегося человека – видно, и правда не знал.

«Подожди, я скоро», – бросил вниз Гора и, отложив автомат в тень, пошёл в очистительную.

Через три минуты командир, придерживаемый Константином, опускался на дно ямы. Теперь ему уже казалось, что там не так темно и сыро, но разложениями воняет сильнее, и мнение по поводу пищи изменилось: как бы это ни странно, но здесь в яме, почему-то захотелось есть.

В самом низу стоял Николай, уже успокоившийся, но всё же столь же желающий «свободного воздуха», с киркой в левой руке и ещё одним АК-74 в правой.

«Они же ведь жаждут этого. – подумал Гавриил. – Они устали быть рабами... Э то не один измученный человек, это все мы... все мы сейчас в его лице... Здесь все уже просто-таки бредят войной... Да мне же самому уже всё это снится... Вот, например, сегодня. Сон о том, что к нам спускается Манхр. Подходит ко мне. Смотрит прямо в глаза. А потом падает на колени со словами: «Прости нас, мой гос-

подин. Сохрани нам жизни». И все, все чумы делают тоже самое... Боже, мы ведь должны быть свободными».

«Командир?» – спросил Николай, подойдя к Гавриилу. Тот сразу пришёл в себя, признавая себе самому, что это вошло в привычку, и ответил: «Ну, Коль. Давай, показывай, что у тебя тут».

Тот помахал автоматом назад и отошёл в сторону... Куча, просто куча оружия виднелась из проделанной в грунте дыре.

«Гхмг... – сказал Гора. – Ладно, возьмём пять штук с собой. Остальные оставим здесь – чумы сюда всё равно не спустятся...»

«И всё?» – Николай обалдел и, очевидно, многое напланировал, так что такой ответ его сваливал наповал. Теперь его можно было обмануть, либо убить – что он задумал, он уже не мог не сделать.

Гавриил выбрал первое: «Нужно подготовиться. Я обещаю, мы восстанем, но для этого нужно время. Потерпишь? Ради меня».

Авторитет настолько сильный харизматический, с таким никто поспорить не мог, а, если уж он что попросил, уважение заставит сделать. Гора, он как отец.

«Командир», – слышалось сверху от Константина.

«Что?» – голос принял обычные не столь «харизматические» формы.

«К нам пожаловал А1. Сам».

Пять минут, в течение которых Гора добирался до второго сектора, вылились в глубокие раздумья: народ и правда нуждается в свободе как в солнечном свете, который тоже не разрешают видеть вдоволь, и самое главное – когда-нибудь он это получит. Гавриил, не переставая, привязывал ко всему этому сына и невестку: так хочется, чтобы они были свободны, а его внук и вовсе не знал рабства.

Сектор номер два – это канцелярия. Здесь всё считают, всё докладывают, а для отдельных совещаний, коих было ну совсем мало (А1 действительно редко спускался вниз – дышать трудно для непривыкшего), было отдельное помещение, хотя и целиком пустое.

К приходу Гавриила со своим замом все остальные были уже на месте, включая и самого Павла Пожарина. Все, кроме А1, уважительно кивнули, Волин даже, улыбаясь: всё-таки приятный мужик.

«Ну вот, когда все собрались, я могу сказать, в чём дело... – всем было видно, насколько трудно ему говорить, и как он жадно хватает воздух. – Я готов взять с собой наверх десятерых ваших людей. Я ошибался в них. Чумы – сволочи, они должны умереть. Они...»

Первым не выдержал болтовни Доминик: «Ты бы лучше объяснил, что сегодня происходит. Мои пашут как проклятые, а на ночь им не дают поспать и выгоняют на работу. Нам нужен отдых. Это что, нужно письменно объяснять?»

Разумеется, масла подлил его зам Петр: «Им не письменно надо объяснять, а в практической форме. Меж глаз бить надо!»

Голушко и Прескович, командир и зам сомы №647, дружно матернулись, но по делу.

«А нам сколько грузить прикажешь? Двадцать четыре тонны? – недоумевал Дубровский. – Ты эту цифру понимаешь? Или это кто-то пошутил?»

«Не... Они лишены чувства юмора. – вмешался Георгий. – Я им уже пытался потравить пару анекдотов. Подумали, что я спятил... А анекдот про Штирлица, могу сейчас рассказать».

«Это Манхр. – попытался остановить натиск в свой адрес Пожарин. – Всё он».

Волин рассмеялся от чистой души: «Да нет, Штирлица звали Макс фон. Только он русский... В общем, тебе не привыкать к таким тонкостям. Только вот он был русским от рождения. А ты стал чумом уже в процессе». Остальные, кроме Горы, высказали Пожарину в кратце всё, что о нём думают. «Кратца» хватило, что тот пожелал испариться – правду можно долго не пускать, но, если она уж вылезла, обратно не вернётся.

«Поясни, чем он виноват?» – после слов Горы все замолчали.

«Ему... Ах, ему... – Пожарин застрял от колен до шеи. – Ему пришло сообщение от броза. С обвинением».

Поскольку каждое слово выдавливалось как признание, а ждать мало кто хотел, Доминик начал подбадривать его возгласами «Молодец», «Ну», «Давай ещё», «Не сдавайся», «Вперёд».

Получилось вот так: «Ну, ну, вперёд. – В коррупции. – Молодец. Давай ещё. – Ему сказали, чтобы... эээ... – Давай ещё. Не сдавайся. – Чтобы он вернул. Всё вернул. – Ещё. Ещё! – Вот и всё. – Ну, нет».

Под конец безумной речи Доминик изобразил крайнее недовольство, а Петр, сложив губы, сочувственно покивал головой.

«Да надо его замочить», – как бы делая вывод, из своей части диалога, сказал Доминик.

«Да он не жидец», – вывел его зам.

«Мне он тоже надоел», – подтвердил Дубровский.

«А может...» – начал было говорить А1, но тут ему помешал Голушко: «Заткнись. Тебя не спрашивают», – по-другому, как не стыдно признаться, язык не поворачивался сказать.

Пожарин заткнулся. Посмотрел на свою нашивку, где белым по чёрному был вырисован номер, в конце которого стояли символы «А1», и вот так вот заткнулся. Он мог прямо сейчас вызвать охрану, как он раньше уже делал, и сказать им расстрелять любого за неподчинение ему, неследование иерархии, что в чумной империи было сродни ереси, мыслях об убийстве карака, которые, хоть и он подал – чём угодно;

ведь его послушают, он «А1», выше их. Но он не сделал этого. Не смог. Он видел их лица: исчерневшие, грязные, напряжённые от беспокойства за своих подчинённых и знал, что его лицо не измучено, не испачкано и на самом деле не заслуживает таким быть. Пожарина никогда и не любили, а он, зная это, восторгался чумами, которые его ненавидели, даже больше других людей. А когда чумы отвернулись от него, показали, что он для них инструмент, он решил «поменять сторону». Но кому такой человек, кроме мамы, нужен.

Сейчас в кабинете почти все были недовольные, полусонные и злые от этого. После тяжёлой работы они поспали всего три часа.

Попробуйте разбудить человека, а потом спросить о его отношении к вам в данный момент времени – если это не ваш ближайший родственник, то, скорее всего, ответ последует «негативный». Разбуди медведя раньше времени, и он станет ходить по округе и убивать всех, кто попадётся, и не потому, что он такой плохой, а потому что нарушили его режим. Нарушили режим – нарушили систему. Нарушили систему в одном месте – нарушили везде.

Присутствующие же заведовали ещё и несколькими сотнями людей, о каждом из которых они не переставая думали.

Пожарин отлично чувствовал всё это, особенно сейчас, когда оказался с ними наедине. Наедине реальность сама, без вызова, лезет наружу.

После двухминутного восклицания всех, кроме Гаврии-

ла , по поводу происходящего всё приостановил Волин вопросом: «Гора, а ты что молчишь?»

Гавриил взглянул на Доминика: «Ты прав. Его надо убить».

Командира 381-ой сомы здесь все знали прекрасно, и ещё лучше знали его наставления по поводу того, что чумов сейчас убивать нельзя, ведь за каждого из них убьют десяток наших, ужесточат режим и ещё Бог знает чего; такого ответа никто не ждал.

«Ты что, решил сменить свои позиции. Или это волинский юмор», – спросил Дубровский.

«Нет. Позиции те же. – продолжил говорить Гавриил. – Но Манхр сейчас для нас опасен. Потому что он один, без империи. Но только сейчас. Пока не расплатится с долгами. И только сейчас его можно убить».

Как ни удивительно, но противить ему стал самый ярый сторонник «убийства врагов без разбора»: «Он же чум. Он один из них. Когда мы убьём одного из них, они убьют десяток нас. Ты же сам говорил».

«Говорил. И не отказываюсь от этого... Но сейчас он не один из них. Сейчас он один. А когда мы убьём его, они заберут его имущество и упокоятся на этом. Он же вор. Кто захочет за такого мстить. А чтобы к нам уж совсем не было вопросов, привлечём к этому маки».

«Всё бы хорошо. – продолжил спрашивать Петр. – Но как ты убедишь ещё и их. Если бы им было это надо – давно бы

сделали».

«Это уже моя проблема... Сейчас мне нужно трёх человек на поверхность, а Манхр к 27-ому числу будет мёртв».

Кто о свободе, а кто о жене

Вернувшись в первый сектор, Мария помимо восьми престарелых людей заметила своего жениха с уже замотанной бинтами рукой. Рафаил в это время читал что-то коричневатого цвета.

Мария медленно подошла к нему сзади и, сев на колени, прикрыла его глаза ладонями.

Рафаил не стал высчитывать варианты вероятности возвращения кого-либо в «зал отдыха» (или просто «спальню», как его все называли), вдыхать и распознавать запах и нежность рук, а просто сказал «Мария». Любимые чувствуются сердцем, а не органами чувств.

Они обнялись и на мгновение забыли о том, что вокруг ещё что-то есть. Но лишь на мгновение, больше не смогли: вокруг всё слишком мерзко и противно.

«Как твоя рука?» – спросила Мария, поглаживая ряд бинтов, намотанных от локтя до пальцев.

«В порядке», – ответил Рафаил и погладил её по косе, свисавшей с головы и до середины спины.

«Да знаю я твоё «в порядке»... Болит?»

«Да нет, любимая, не болит?.. Тебя сюда мой батя отправил?»

«Да».

«Ты ему сказала?»

«Он уже знал, когда пришёл ко мне. Я только подтвердила. Не надо было?»

«Надо, надо, Маш... Про ребёнка сказала?»

«он сам понял... Меня прямо перед ним вырвало...»

«О, а ещё меня спрашиваешь о здоровье».

«Любимый. При беременности это обычное дело...»

«Да я знаю, но всё равно».

«Вот всё равно, Гавриил Владимирович меня сюда и отправил».

«Дошла без приключений? Из вышки не интересовались?»

«Нет. Они там спали».

Рафаил немного посмеялся, потом ответил: «Это ж надо, кому мы проиграли».

«Знаешь, я подумала... По-моему, ты слишком много об этом думаешь...»

«Маш, об этом все думают».

«Да, но ты по-особенному... Вот, что ты сейчас читал?»

«Рафаил не хотя протянул ей книгу. «Терроризм XX века».

«Ну и что это?»

«Тут же написано».

«Да я вижу... Любимый».

«Что?»

«Я боюсь за тебя».

«И я боюсь за тебя и не хочу, чтобы ты жила здесь».

«И что ты предлагаешь?.. Мы же не виноваты, что всё так.

Нам просто надо это пережить».

«Нет. Хватит это переживать. Мы уже четвёртое поколение только это и делаем. Пора всё изменить».

«Любимый, пожалуйста, не делай этого. Ты же знаешь, чем заканчиваются восстания. Пожалуйста, любимый, не оставляй меня... У нас же скоро будет ребёнок. Подумай о нём. Пожалуйста... Не иди умирать», – Мария говорила это от той части сердца, которым можно говорить только с тем, кто дорог тебе больше, чем любой другой на свете; вот уже пять дней она видела его как-то по-другому, не знала как, но точно по-другому, и не было ничего, что было бы страшней этой формы.

Резиденто-диссиденто

Что из себя представляет «несогласны» с чем-то человек, проживающий у себя «дома», представить нет проблем – как правило, внешне от «согласного» он ничем не отличается; может, он даже мыслит так же, только в «другую» сторону.

А вот, если этот «несогласный» взял в руки оружие, и не потому, что он так привык, а потому что его довели до этого, облик его меняется до «неопределённой узнаваемости». А значит это следующее:

Первое – сбежавшие рабы (причём из совершенно разных мест: лесопилка, шахта, буровая – всё, что угодно), становящиеся самими собой в рамках свободного бегства;

Второе – люди из разных мест, в основном прибывшие по одиночке, входящие в состоявшуюся там субкультуру, при этом приобретая те качества, о которых они раньше могли и не думать;

Третье – убежав из рабства, люди, попадающие под воздействие нового себе незнакомого харизматичного лидера, стремящегося к одной единственно верной, в первую очередь для него самого, цели – свободе всего без исключения человечества.

В целом, все отдельно взятые группы маки объединены на энергетиках определённых лиц – лидерах. Не мало было слу-

чаев, когда по смерти лидера группа разваливалась, и уже отдельные частички вливались в те, где находился «похожий» лидер: собственно, в основном, народу, если он народ, а не развязная на политике масса, всё равно какого роста глава, и какие у него взгляды на устройство Мира, лишь бы вёл к той цели, которая для них жизненно важна – освободить Землю от чумов.

Так было с группой «Волк», которая не так давно вошла в группу «Богдан Хмельницкий». Теперь общая территория давления этого объединения распространялась на всю бывшую Восточную Украину плюс Курская, Белгородская, Воронежская и Ростовская области.

По поводу их лидера Виктора Хмельницкого разговоров ходило не мало. Во-первых, был ли он потомком национального героя Украины, в честь которого и назвали группу. Во-вторых, откуда он сам, то есть из какой зоны добычи и какого рода занятия. В-третьих, какие контакты у него налажены и существуют ли они вообще.

Ни по каким поводам Виктор диалогов не вёл, а третий пункт и вовсе вызывал у него недоумение. «Да каким же я буду дураком, – резко, но спокойно отвечал он. – если расскажу про свои связи. Или вы считаете чумов откровенными бездарями, неспособными подкинуть в нашу группу агента? Нет... Даже, если бы это и было так, говорить об этом всё равно было бы глупо».

Выступал он перед повстанцами часто, каждый раз прида-

вая им сил одним только своим выдержанным и твёрдым голосом, отлично сочетавшимся с его рослой фигурой и невозмутимым лицом.

Вот краткий пример его речи (2 июля 2168 года, после нападения на ж/д состав, перевозивший 22-ую имперскую буру чумов):

«Три часа назад я отдал приказ атаковать состав чумов, направляющийся из Волгограда в Донецк. Спустя час я наблюдал, как тридцать пять наших братьев дрались за свободу. Сейчас они мертвы. Мертвы все до одного. Но свободны... Господь дал на эту возможность. Так или иначе, оставаясь в живых или погибая, но сражаясь мы всё равно будем свободны.

Наши братья погибли как герои, сражаясь за свободу... наших родных, умирающих сейчас на шахтах и рудниках. Я никогда не скрывал от вас правду. Не сделаю этого и сейчас... В результате нападения погибло всего два чума. Всего лишь два... Да, кто-то скажет: «Наши братья умерли за ерунду. Они убили всего двоих». Но это не так. Потому что это война. И на войне без потерь не победить. И без больших потерь не будет больших побед – в прошлую атаку, потеряв троих, мы уничтожили сорок. И это не единственный пример.

Преуменьшать цену сегодняшних потерь значит быть слепым. Одним из убитых чумов был Руминхр. Все его знают? В первую задачу этой группы я поставил его уничтожение.

И они сделали его. Владимир Краснов, забравшись в состав, подорвал его вместе с собой. Наш брат погиб, но выполнил задачу. Кто теперь скажет, что подвиг тридцати пяти сынов Земли ничего не значит? Мне, как и всем вам, жаль погибших. Но эта операция была нужна как воздух... Наше время скоро придёт. Погибшие дети Земли приблизили её как никогда близко, и мы не забудем как их жизни, так и их смерти.

Не смотрите на цифры. Они ничего не значат, когда свобода так близка».

После этой речи повстанцы поверили в Победу не только из-за харизматичной личности Хмельницкого. В его речи прозвучало имя Руминхр. Это один из лучших специалистов Империи Чёрного Камня по организации безопасности и обороны. Таких чумов по пальцам одной руки пересчитать можно. Если бы он прибыл в Донецк, сектор превратился бы в крепость.

Вечером 25 марта 2170 года Виктору прибыло послание от одного из командиров сомы, работающей в группе Донецк-7 по новому ещё, только что созданному каналу («нитка»).

После приказа изучить «нитку» Виктор принялся за сообщение:

«Лично и строго секретно Виктору Хмельницкому.

Я, командир сомы, решил довести до вашего сведения ряд следующих факторов.

Первое. Активное казнокрадство карака нашей группы

Манхра раскрыто, и к нему пришло требование возвратить украдено сырьё и выплатить штраф. По нашим данным средств у него не хватает, поэтому вместо штрафа он намерен уничтожить группу маки, по всей видимости вашу.

Далее. Для увеличения добычи угля Манхр сократил время отдыха всем нам до четырёх часов.

И, наконец, самое главное. Он предвидит восстание, поэтому, по сведениям наших источников, вызывает в группу Донецк несколько дополнительных бур.

Своё имя я назвать не могу по понятным причинам возможности перехвата данного письма».

«Саня!» -позвал лидер своего помощника. Тот явился спустя пятнадцать секунд.

«Саня, завтра к утру мне нужна вся информация о Манхре. В том числе и о его разногласии с Центром. Второе. Вызови мне Орлова».

Василий Орлов, командир спецотряда ликвидации, прибыл спустя сорок шесть секунд.

«Вася, тебе особое задание. Собственно, как всегда. Завтра у тебя весь день на подготовку. Если после завтра я отдам тебе приказ, Манхр должен быть мёртв».

Наверх из 381-ой сомы отправили троих: Евгения Севера, Сергея Большакова и Ивана Тихомирова. Особую надежду Гора возлагал на последнего. Этого человека он готовил уже довольно давно (порядка семи лет) и особенно тщательно.

Именно через него и прошло то письмо Хмельницкому.

26 марта Тихомирову поручили работу в качестве уборщика главного коридора. С одной стороны вроде ерунда, с другой – коридор-то главный, и, если взять в расчёт содержимое, например, всего лишь мусорок, картина меняется на противоположную.

Сам коридор оказался настолько длинным, что к середине дня отмыть его удалось только на три четверти.

В 15:32 проходящий по коридору человек остановился в двух шагах от Ивана и шепнул в сторону, словно и не ему: «Я от маки. Хмельницкого. Надо связаться с вашими».

Время для подобных разговоров смотрелось как нельзя лучше – ровно полчетвёртого дня чумы шли уходили на обед вплоть до пяти.

На самом деле этот человек мог оказаться аж одним из четырёх, и это минимум.

Вариант номер 1.

Самый что ни на есть простой и провальный. Он служит имперской службе по защите Чёрного Камня (СЧК).

Вариант номер 2.

Он занимается самодеятельностью, то есть хочет сдать кого-нибудь чумам за возможную помощь или вознаграждение (мало кто знал, но таких чумы после получения информации, как правило, расстреливали вместе с обвинённым;

исключения были в тех случаях, когда их использовали по несколько раз, но потом всё равно убивали – ну у кого же предатель может вызвать симпатию?)

Вариант номер 3.

Его послал кто-нибудь вроде Горы из шахты, чтобы проверить подготовку или что-либо в этом роде.

Вариант номер 4.

Он и правда является тем за кого себя выдаёт.

Первое, чему учил Гавриил своего ученика при возникновении контакта, так это ни в каком случае не «играть свою роль» сразу, то есть проверить и определиться, прежде чем выполнять истинную задачу.

«Лучше упустить какую-нибудь информацию, чем завалить полсети на пустыке», – говорил Гавриил.

Так Тихомиров и поступил.

«По-моему, – ответил Иван. – ты обратился не по адресу».

«Да как не по адресу? Слышь, там все зашумели. Говорят тяжело будет...»

Гавриил не вылезал из головы со своими наставлениями: «Постоянно. Постоянно пытайся определить, с кем ты говоришь. Порой даже не важно, на чьей он стороне, главное каков он сам. Может, он слабак... Ну что стоит заставить слабака поменять сторону? А, если он силён духом, смотри, на-

сколько он твёрд в своих собственных убеждениях. Какова его степень доверительности. Где его черты предела... Всё это, конечно, придётся чувствовать, иногда на анализ нет времени».

С первого вида незнакомец весьма неконтролирующим себя человеком и не знающим свои собственные желания. Но после второй фразы почувствовалась его натренированное умение оказывать давление путём постановки собеседника перед немедленным выбором.

Единственно, что безошибочно сейчас мог Тихомиров, так это уходить от ответа благодаря занижению собственной значимости: «Я же сказал. Я ничего не могу. На шахте я никого не знаю... Знаю чумов и их беспокоить уж точно не хочу. Спроси кого-нибудь ещё».

«Да кого ещё-то? У меня срочное дело».

«Ну у тебя срочное дело, а мне надо пол мыть. Ещё куча работы. Дай Бог справиться».

«Короче, да или нет?»

СЧК. Он оттуда и это точно. Во-первых, он совершенно не беспокоится в данный момент времени, как будто это игра, а не вопрос жизни и смерти. Он под носом у чумов, которые разорвут его, если что, а чувствует себя раскованно и непринуждённо. Главное именно раскованно, словно знает, что из-за угла сейчас никто не выйдет, его не убьёт или ещё чего похуже, словно он делает то, что ему официально разрешено. Иван на своей работе должен мыть пол, а он вести

разговоры о восстании.

Тихомиров теперь даже ощутил тот падальный тусклый запах, который от него исходит, и решил наконец полностью избавить врага от подозрений: «Нет, я уже сказал. Хочешь быть расстрелянным, можешь им быть, но без меня».

Незнакомец усмехнулся и, плюнув в сторону, пошёл прочь.

В середине дня Гавриил Железнов получил письмо от Хмельницкого по наружному каналу, а именно через Большакова. Ему не стали, как Тихомирову, задавать наводящие вопросы, а сразу сунули посылку. У маки есть свои хорошо осведомлённые люди в самой шахте, и кому можно доверять им известно заранее.

Гора распечатал конверт без записей на лицевой стороне и увидел отнюдь не чисто оформленный документ (маки специально пачкали подобные вещи, чтобы сбить с толку чумов; в этот раз он был заляпан коричневой землёй и немного опилками, совсем чуть-чуть, и экспертиза показала бы, документ писали в районе города Красный Луч, на самом деле землю из разных мест носили с собой, надо-то немного – хоть малый, но всё равно обман противника).

«Секретно. От маки.

До меня дошло ваше письмо. Не буду скрывать, его содержание меня очень заинтересовало и даже взволновало. Поэтому я думаю, вы поймёте мою к вам просьбу предоставить

конкретные подтверждения.

Надеюсь на вашу поддержку.»

Комбинация Горы и заключалась в том, чтобы не предоставлять никаких доказательств своей версии. «Пусть там испугаются до смерти. – думал он. – Обычно в таких ситуациях всплывают такие факты, которые по своей сути ничего не значат, но в совокупности приобретают ясную и ощутимую форму».

В ответном письме Гавриил сослался на сложность получения «дополнительных» подтверждений, а отказ в предоставлении уже имеющихся у него мотивировал возможностью раскрытия своих людей. Разумеется, всё это ерунда: никаких фактов толком нет, а «своих людей» всего трое, да и они совсем не глубоко в системе.

В 16:48 Тихомиров, продолжая мыть пол, снова заметил приближающегося к себе незнакомца. На этот раз он не смог не взглянуть ему в глаза.

Мелькнув взглядом, Иван чётко рассмотрел одну выпирающую наружную черту – надменность. Такая наглая и высокомерная надменность. Она светилась совсем непонятным серым самолюбивым цветом.

Из остальных особенностей строения лица выделялась его абсолютно треугольного вида форма.

Иван решил, что в этот раз его убьют, и, продолжая выполнять свою обязанность, вспомнил Гавриила: «Много. Очень

много раз тебе будет казаться, что это конец. Что всё конечно. Тебя просто убьют, и на этом всё кончится. Вспоминай, как своих товарищей. Вспоминай, как они трудятся под землёй, как они живут здесь, как они здесь страдают. Вспоминай своих родителей. Вспоминай, как они растли тебя, как голодали неделями для того, чтобы ты мог жить. А главное, вспоминай Землю. Ты же не раз был на поверхности, видел как там красиво, как там хорошо. Когда тебе станет тяжело, думай о плохом, о хорошем, но главное, самое главное о том, что всё, что ты ни делал, всё к лучшему».

«Помнишь меня?» – спросил незнакомец с треугольным лицом.

«Я не закончил работу», – ответил Тихомиров, неустанно продолжая водить тряпку из стороны в сторону.

«Так ты собираешься помогать маки?»

«Нет, не собираюсь».

«Вот и молодец».

Последние слова громом обрушились на сердце Тихомирова. Он был готов к ним, он знал, что возможно что-то подобное, но в сам момент его сердце стукнуло с такой силой, что в глазах потемнело.

Словно по сигналу двое чумов вышли из-за угла и направились к людям, а надменный эсчекист окончательно раскрылся: «Ты молодец, что не стал помогать маки. Теперь будешь помогать СЧК. Меня, кстати, зовут Дмитрий».

Иван остановил уборку и целиком развернулся к предате-

лю: «Я буду с СЧК?.. Только, если мне дадут еды... сверх нормы».

Дмитрий рассмеялся: «Будь уверен, поесть тебе дадут. И сверх нормы. И сколько хочешь». Затем он перешёл на более серьёзный и деловой тон: «Только сдай пару своих друзей. И всё получишь».

Тихомиров первый раз в жизни настолько возненавидел человека. Он стоял и смотрел на него, на его жадные смеющиеся глаза, его аморальную беспощадную рожу, и вспоминал тех, кто сейчас задыхается от пыли под землёй на глубине в полкилометра, тех, кто мечтает о том, чтобы, если уж не самим себе, то своим детям дать нормальную, возможную жизнь.

Тихомиров второй раз в жизни видел этого человека и уже хотел впиться ему когтями в горло, разбить его голову о стенку и разодрать тело на части.

И этого было бы мало!

«Господи! – вскричал в уме Иван. – Да как его Земля носит?!»

К этому времени чумы подошли и устались напрямиком на Тихомирова.

«Ну так что? – громким голосом спросил один из них. – Ты будешь сотрудничать?»

Тихомиров взглянул им в глаза, пытаясь показать процесс обдумывания выбора (который был сделан ещё вчера), и, открыв рот, кашельнул.

«Что ты думаешь? – недоумевал Дмитрий. – Соглашайся».

«Мне точно дадут поесть сверх нормы?» – подняв брови, спросил шахтёр.

Тут вместе с предателем рассмеялись и чумы, затем дружно покивали головами: «Да-дут. Дадут, не волнуйся за это».

«Тогда согласен. Кого надо сдать? Я никого пока не знаю...»

Чум положил ему мерзкую ленивую руку на плечо: «На самом деле ты не заслуживаешь того, чтобы дотронуться до меня, но я хочу, чтобы ты почувствовал нашу силу».

Чум сжал свою лапу, как только смог. Зверь, который спит восемнадцать часов в сутки, весит в среднем сто пятьдесят килограммов, ест по сорок килограммов мяса в день, считал, что он всесилен и способен на всё.

Ногти впились в плечо, и кровь плеснула во все стороны. Иван чуть выдохнул воздух, но тут же захлопнул рот и, согнувшись, сквозь зубы издал слабый звук.

«Видишь, кто здесь сильный?» – улыбаясь, спросил зверь. Другой ухмыльнулся, а Дмитрий нехотя заулыбался: в глазах предателя мерцал страх, что, если он сделает что-нибудь не так или, наоборот, слишком так, как надо, ему не придётся испытать то же.

Тихомиров же в этот раз действительно сделал всё «слишком так»; за колебание его наказали, но именно благодаря этому, ему будут доверять особенные вещи – чумы подума-

ли, что этот человек согласился из-за алчности, а не из-за страха, как большинство.

Тьма кромешная

26 марта 381 сома отработывала у угольного пласта. Вчера им порядком досталось (впрочем, всё прошло по плану), но никто не погиб.

Опасность смены у забоя заключается в «мастерстве» сохранения инвентаря в ходе добычи: чумы любили попинать пару раз за сломанную лопату или кирку (официально 5 ударов за кирку, 3 – за лопату), поэтому наблюдали за этим с совсем близкого расстояния, хотя и было их там немного. А некоторые даже утверждали как видели чумов специально подпиливающих инвентарь.

Но присутствовал также и плюс. За самими инструментами они не следили – только за процессом их порчи. Ярким примером этому был Евгений Романин, который за свою жизнь разбил три кирки и две лопаты и замечен при этом не был, соответственно и наказания удачно избежал.

После вчерашнего вся сома сбилась с толку (ощущение боли перемешалось пополам с усталостью, и, в частности, руки отказывались слушать «до конца»).

Основа успешной работы в правильных взаимоотношениях в коллективе. В подавляющем большинстве сом так и было: впереди волевой и целеустремлённый командир, а

остальные, не отставая, за ним.

Гора стоял в самом центре добычи, то есть и справа и слева от него ровно одинаковое количество горняков (представителей его сомы остальные только так и называли) и долбил киркой по минералам.

Сильно, эффективно, со всего размаха инструмент, пронзая воздух, летел сверху вниз по красивой дуге, потом мягко отлетал и не сваливался вниз, как у уставшего или отчаявшегося человека, а снова поднимался в высь – нижней точки просто не существовало.

И все поочерёдно повторяли это за ним – весь ряд, вся сома играла как оркестр, причём предыдущая «волна» ещё не успевала дойти до конца, как последующая начиналась снова.

И так до бесконечности, и каждый боялся приостановиться или вообще встать: не сбиться с ритма, войти в темп – вот до чего дошла работа.

Все мышцы буквально разом забыли о том, что где-то ещё есть слабость и утомление: есть только сила и скорость и отставать от Горы горняк не должен. Просто не должен.

Подвести его значило бы не просто подвести себя, нет это ещё было бы нормально; подвести его, значило бы плюнуть во всё, что было «до». В 381-ой соме таких не нашлось ни одного.

Каждый думал о каждом из этих слов, но Владислав Светлевский как-то незаметно для самого себя погрузился в раз-

мышления чересчур далеко от действительности.

Ему казалось, что сейчас он делает что-то, что отзовётся в веках, что примет новую неведомую силы, способную на всё, и именно эта сила решит всё.

Владислав как никогда захотел почувствовать себя лично-стью, выделиться из толпы, хотя и сделать это исключительно из идей самореализации и желанной помощи людям.

Он собирался помочь, но сделать это по-своему и только. Раздался треск звонкий и протяжный, заедающий в ушах и продолжающий там бегать ещё некоторое время после того, как всё уже вроде бы кончилось.

Ударник кирки вместе с куском палки отлетел назад и, несколько раз провернувшись вокруг своей оси, упал прямо к ногам чума.

Никто не хотел смотреть на того, кто это сделал, никто и работу не хотел заканчивать, но что сделаешь, когда всё настолько очевидно.

Все оглянулись на Владислава – он стоял на месте, склонив голову и не поворачиваясь, и не мог понять, что же произошло; затем на чума – им был молодой командир 45-ой буры Чёрного Камня Зунхр, не жестокий – бесчеловечный.

Такому как он было наплевать на все уставы и правила: всё, что он знал, так это то, что чум – хозяин, а человек – раб, и отсюда все остальные выводы.

Первое, что появилось на его лице после неожиданности, так это удовлетворение. Удовлетворение возможности само-

утверждения.

Зунхр поднял часть кирки и направился в сторону виновного.

Гора снова вдарил инструментом по пласту: ждать больше было нельзя, а то вся сома окажется в подобном Светлевскому положении.

Горняки снова застучали, снова помещение наполнилось звуком, и Владислав чуть пришёл в себя, но продолжая слышать тот треска в застенках своего разума: «Что... Случилось?»

Он обернулся и увидел идущего на него метрах в десяти командира буры.

Владислав сжал кирку в руках и, почувствовав небывалую лёгкость, взглянул вниз: сломанный кусок палки – теперь это только палка.

«Господи, да что же это?» – спросил себя Светлевский, когда враг был уже в пяти метрах.

Чум улыбнулся, но как-то не по-настоящему: для него это было естественным с точки зрения его садистских наклонностей.

«Ты, кажется, это уронил?» – подойдя, задал вопрос он и пару раз помахал вверх-вниз непригодным для работы предметом.

«Я... я просто работал...» – ответил виновный сквозь шум всего окружающего и содрогнулся собственным словам: он же говорит с этим животным, которое считает свои права на

управление людьми непоколебимыми – Бог знает, за что он примет это высказывание.

Для Зунхра было не важно, как воспринимать этот ответ: «Ну, вот больше я тебе такой возможности не дам...»

Он размахнулся обломком кирки и всадил его Владиславу прямо в плечо.

По всему помещению раздался треск, глухой и мрачный. Металлическая часть кирки проломила кость насквозь и встала прямо на её место, пройдя через руку.

Кровь брызнула, она выбила фонтаном из этих мест.

Светлевкий вытянулся и согнулся назад и испустил достаточно тихий пронзающий звук.

«Тебе не легче, нет?» – поинтересовался изверг и тут же ударил виноватого в челюсть. Тот, отлетел назад, распластался на стене угля, которую он ещё пять минут назад из последних сил обрабатывал.

Чум развернулся к своим и, изобразив страдающее выражение лица, что-то пробурчал на своём языке: охранники рассмеялись как над философским анекдотом.

Заметив, что Владислав уже валяется на земле и выплёвывает кровь, Зунхр пнул его ногой, брезгливо и сильно. Затем, улыбнувшись, сделал это ещё раз и ещё... и ещё...

«Работать!» – заорал Гавриил, чувствуя как горняки начинают звереть от ярости – командир только и делал, что направлял этот поток на уголь: восставить нельзя, сейчас мы слишком слабы, сейчас мы проиграем.

От каждого последующего удара Светлевский стал стонать, он уже не чувствовал юли, ему просто было обидно за то, что он больше не сможет помочь людям, разделить с ними то, что ему суждено, почти безрезультатно покинуть этот мир.

Чумы хохотали ещё сильнее: их смех уже заглушал удары инструментов об уголь и принял характер истерики, чумной аморальной истерики.

Стоявший в шаге справа от помирающего Владислава Константин Зацепин заплакал. Он продолжал вбивать металлический клин в угольный пласт, а по его щекам катились слёзы. Он хотел убить этого чума, другого, всех их, но не мог, потому что знал, что придут другие и не только он и все восставшие (это было бы ещё терпимо), но и остальные шахтёры будут казнены без всяких разбирательств.

Это ещё один чумной устав, который они «срисовали» с одного древнейшего документа*, созданного завоевателем многих восточных и западных земель. Согласно ему в случае восстания человека смерти подвергалась семья (10-15 человек), восстания семьи – бригада (40-60 человек), восстания бригады – сома (150-300 человек), восстания сомы – группа (500-2000 человек).

В данной ситуации из сомы вряд ли бы хоть кто-нибудь не восстал, если бы не командир. Это произошло бы стихийно, без осознания последствий, такое всегда случается, когда людей достают до последнего, когда терпеть уже нет воз-

возможности.

Терпеть и правда уже никто не мог – все дрались, но благодаря Горе делали это с углём, а не с врагом, которого ещё нельзя победить.

В этот день независимо от всего остального сома добыла 34 тонны (по плану 17). Сегодня Гавриил не хотел перевыполнять работу, но «сильные чувства» надо было куда-то девать.

Напряжения для остальных не было, тем более что 253-я тоже на добыче с выполнением на 76 процентов, то есть 13 тонн (по плану те же 17).

Главное, что сейчас нужно было Горе, так это убавить чувства разъярённых шахтёров; уже второй день он думал о своей новой идее, о том, как можно победить чумов и получить не то чтобы свободу, а жизнь, просто жизнь, которую заслуживает человек.

Мысль и сложна и проста одновременно. Надо заставить чумов поверить людям в их беспрекословной преданности, ослабить режим, а затем, набравшись сил и объединившись с другими группировками, ударить со всей мощью и получить свою Землю обратно.

Но для того, чтобы чумы поверили в покорность людей, надо её показать хоть в какой-то мере, а для этого надо убедить в этом самих людей. А как это сделать, если они убивают нас за то, что мы время от времени ломаем инструменты (кто же не знает, что ничто не существует вечно, а уж тем

более материя), не выполняем план (человек – не машина, ему свойственно иметь большой разброс в результатах работы) и ещё Бог знает какие менее значительные вещи?

Вечер закончился, началась ночь – время сна и отдыха.

Гавриил как всегда последним вернулся в 1-ый сектор после расчёта во 2-ом.. 1-сектор состоит из большого прямоугольного зала размером в 100x60 метров с прибавлением четверти этого прямоугольника, то есть 50x30, с боку и делится на пять частей: по одной на каждую сому и коридор.

381-ой принадлежит тот самый дальний уголок.

Прибыв в отделение (каждое было огорожено от другого стенкой земли и камня) и устроившись на «своёи» месте (поближе к выходу, чтобы не будить всех с утра раньше времени) Гавриил заметил очевидное изменение обычной ситуации: Рафаил и Мария, обнявшись, лежали в полуметре от него и тихо спали.

«Во романтики! – подумал Гора. – Думают, раз здесь ничего не видно, и сюда никто не ходит, значит можно делать, что хочешь... Я был такой же...»

Командир устроился по-удобнее и снова задумался о дальнейшем развитии событий: «Помню великого китайского полководца, жившего ещё до рождения Иисуса Христа. Его звали Сунь-Цзы. Так он говорил, что в основу войны кладут пять явлений: первое – Путь, второе – Небо, третье – Земля, четвёртое – Полководец, пятое – Закон.

«Путь – это когда достигают того, что мысли народа

одинаковы с мыслями правителя, когда народ готов вместе с ним умереть, готов вместе с ним жить, когда он не знает ни страха, ни сомнений».

Так говорил Сунь-Цзы, живший в конце VI – начале V веков. За это время изменилось многое, но война осталась, а значит и остались способы её выигрывать.

Сейчас мне верит только одна сома, и этого, разумеется, мало. Для победы нужно гораздо больше.

Так, пойдём по порядку. Мысли у нас с ними, действительно, одинаковы. Дальше. Они готовы вместе со мной и жить, и умереть. Да. Как и я с ними. Хорошо, но последнее...

Ну, допустим, страха они и лишены, но вот сомнений... Их в данный момент не лишён и я.

Для этого надо объединиться. И поэтому нужно облегчить режим.

Аххх... Снова я приехал к этому...

Хорошо, попробуем скакнуть немного вперёд.

Сунь-Цзы сказал:

«Полководец – это ум, беспристрастность, гуманность, мужество, строгость.

Закон – это воинский строй, командование и снабжение».

Итак, что по этим явлениям?

Насчёт Полководца всё в порядке, а вот Закон придётся подровнять. Это означает, что не только *правила и приказы выполняются*. Если бы дело заканчивалось этим, это не было бы проблемой. Главное, это правильно ли *награждают и*

наказывают.

Люди должны видеть справедливость. Разве они видели её сегодня? Разве заслужил Светлевский себе смерть в награду?

В коме никого не найдётся, кто ответит на этот вопрос положительно.

Для того, чтобы исправить это положение необходимо, чтобы такие вещи больше не повторялись...

Надеюсь мне удастся поговорить с новым караком нашей группы...»

Гавриил открыл глаза, и вдруг всё ему показалось совершенно и точно видимым.

Вокруг не было ни лучинки света, ничего, что помогло бы показать обитающее в этих глубинах, но Гавриил всё видел, абсолютно всё. Как, если бы он был на поверхности ярким днём.

«Вот то, что называется человеческим феноменом. Человек – единственное существо на Земле, способное делать невозможное. Ни животные, ни растения... ни тем более эти дикие неземные звери не способны делать это в такой мере. Нам это дал Господь Бог, и мы должны оправдать его ожидания», – подумал командир и, повернувшись на бок, заснул.

Резиденто ин актионис

27 марта.

Где-то за два часа до обеда, как обычно, Манхр прибыл в свой кабинет; там его уже ждал Пожарин.

Посидев немного в кресле, карак встал и повернулся к окну, расположенному позади его рабочего места, затем всё глубже и интереснее стал вглядываться в Небо: сегодня оно было, как и всегда, ярко-голубого цвета.

Медленно и великолепно плыли перисто-кучевые облака, называемые «барашками».

Пожарин, сильно утомлённый и избитый всем вчерашним днём, сидел и наслаждался молчанием и бездействием.

Теперь Манхр не мог смотреть на Небо субъективно-пропагандистским глазами Империи. Одного раза ему хватило, чтобы окончательно научиться видеть хоть какую-то действительность. Ведь если прикрывать правду политикой пропаганды, то делать это надо особо тщательно и умело, так чтобы не было проблесков, потому что, если они будут, глаза уже не закрыть.

Вопреки Империи, вопреки наставлениям своего прошлого Манхр наслаждался Земным Небом.

Оно же прекрасно!

Чум видел в нём вечность. Не ту, к которой стремились

те, что сидят на всех оккупационных должностях и на его родной планет. Ту вечность, какую можно получить только добром, тяжёлым кропотливым добром.

Облака плыли вперёд. Вот оно, ключевое слово вперёд. Они могут двигаться в любом направлении, но всегда это будет именно вперёд. Это и есть вечность!

Такое громоздкое и всесильное оно может быть и спокойным и тревожным, и быстрым и медленным, и знойно сухим и беспечно дождливым, и это при всей его мощи – оно управляет собой, оно заставляет нас менять свои взгляды, одежду, настроение. Оно влияет на всех. На него не влияет никто.

«Оно влияет на всех. На него не влияет никто», – вслух сказал Манхр и подумал: «Это же надо всё-таки. Раньше я так думал о себе... Какая нелепость... Здесь всё вечно, а я песчинка. И сам себя остановить не могу».

Входная дверь распахнулась, и внутрь проникла рука, сжимающая пистолет ВИС-35. Она направилась на карака и несколько раз чётко сжалась и разжалась.

Раздались жадные звуки выстрела, забирающие жизнь чума. Руки убирались из помещения; ноги уже быстро бежали.

Падающий в последний раз Манахр не хватал воздух коррумпированными губами, не думал о деньгах, украденных им у всех, кроме себя, не мучился от того, что не смог их потратить, а просто жалел о том, что прожил настолько недостойную жизнь.

«Они выиграют... Они умирают за красоту» – прошептал

умирающий чум и ушёл из жизни.

Сидящий в углу Пожарин забыл всё; в момент всё стало неизвестным. Он не видел стрелявшего, а первое, что будет требовать охрана – его лицо. Описать он не сможет. Не сможет и выдумать. Теперь он понял, почему маки оставили его в живых: за них то, что нужно, сделают его хозяева.

Стрелявшим был Владимир из отряда ликвидации маки, группы Богдана Хмельницкого. Он получил приказ и выполнил его, а сейчас исчезал обратно к свои.

У северо-восточного угла здания, в трёх сотнях метров от южного выхода, его ждал напарник Никита вместе с двумя лошадьми: с той стороны чумы, как специально, ничего не просматривали, поэтому и пройти незамеченным и уйти таким же маки удавалось уже много раз.

Владимир бежал, не останавливаясь и не оглядываясь, и уже отчётливо видел своего товарища, но он почему-то был повёрнут спиной. Напарник просто стоял и удерживал ни с ого, ни сего нервничающих лошадей.

Этот факт смутил повстанца, но было слишком поздно, он подошёл уже на двадцать метров и только тогда заметил, что его напарник Никита валяется у копыт без чувств, а человек, удерживающий лошадей заодно удерживает и М-16: у Никиты был ППШ-41.

Владимир оглянулся назад: там, метрах в двухстах, медленно, но целенаправленно бежали вперёд чумы.

Человек у лошадей развернулся и, указав дулом в грудь,

заговорил: «Брось оружие. Нам нужен не ты, а твоя информация. Скажи, где сейчас саки, и присоединяйся к нам».

Владимир взгляделся в лицо предателю: треугольное, глаза голубые и слабые, кожа не то, чтобы жёлтая, а какая-то обтёртая до желтизны.

Мыслей было немного, а инстинкт и вовсе один – зубы ухватили щёку и укусили её.

«Как раз, когда надо, я забыл яд», – подумал повстанец и, приставив пистолет к голове, надавил на спусковой крючок – ВИС-35 не сдвинулся и с места; заклинило.

«Господи, это я что-то сделал не так, или ты решил меня испытать до самой последней сомневающейся мысли?» – тихо сказал Владимир, поняв, что сейчас ему умереть не суждено.

27 марта. Для кого-то это день труда: 381-ой коме пришла очередь вести погрузку. А для кого-то – день последних испытаний: свободный человек из отряда ликвидации маки должен был пройти ряд процедур перед смертью.

За такими вещами они далеко не ходят: утроили место для допросов прямо в кабинете у мёртвого карака, где уже также мёртв был и Пожарин (я уже говорил, что таких людей терпеть никто не может).

Владимира привязали на кресле руководителя спиной к окну и для удобств убрали впереди стоящий стол. Где-то справа поставили группу инструментов, где-то слева – набор

съедобных предметов: спирт, апельсины и много соли.

Повстанец уже знал предназначение каждой вещи; единственное, что осталось сделать, так это подготовиться к противостоянию. Он чётко знал, что им нужно узнать – где сейчас находить их лидер Виктор Хмельницкий, потому что без него группировка развалиться, а остатки, если уж и выживут, будут представлять весьма незначительную силу.

Владимир закрыл глаза и задумался: «Хорошо говорил Александр Васильевич, что врать нельзя. Это же правда... А я всегда к этому добавлял, что у нас, славян, ничего нельзя, но, в принципе, всё можно... Мне надо их обмануть. И сделать это ловко... Так, для начала выберем место... Сейчас Виктор у Кривого Рога, а вернее в городке Зализничное. То есть там, где раньше это так называлось... Хорошо, направим их, скажем в Краснодар... Нет, слишком похоже, могу оговориться и сказать правильно. Нет, лучше Луганск. Да, точно, так, кажется, ребята недавно минировали. Пусть там его ищут на свою смерть... Так место я придумал, теперь осталось...»

Повстанец не успел додумать, как сзади стоявший чум сжал ему плечо до перелома: это был Рунхр, тот самый, что сделал это с Тихомировым.

«Нравится?» – спросил зверь и тут же, вырвав источающий кровью клочок плоти, насыпал внутрь соль.

Владимир поморщился и издал в сторону тяжёлый стон, одновременно вдавливая пальцами рук в кресло.

Такой реакции ожидали немногие, но задумываться над этим ни у кого желания не появилось.

Пока допрашивающие изучали его поведение, повстанец снова замыслил и сильнее предыдущего: «Главное. Главное убедить себя в этом. Виктор в Луганске. Виктор в Луганске. Луганск. Луганск. Луганск. Луганск. Луганск.»

Другой чум подошёл и с размаху треснул вольному человеку в челюсть. Перелом, страшный перелом. Пол-лица в момент стало чем-то иным, не жизненным.

Принхр, бывший главным у этих зверей, сквозь смех сумел выдавить несколько слов на своём ядовитом языке: «Ну, ты не торопись... Ему ещё говорить надо. А то пользы от него... Чанхр отойди».

Чанхр отошёл, подошёл Принхр. Он нагнулся к вытalkingующему из себя кровяную жижу повстанцу и ехидно спросил: «Где Виктор Хмельницкий? Скажи. Скажи мне, где он?»

«Луганск. Луганск. Луганск», – повторял про себя Владимир, пытаясь забыть совершенно обо всём, кроме этого.

«Он не хочет... Не готов ещё. Надо его разогреть», – вывел главарь и взял прозрачную бутылку, частично вылил её содержимое на раненое плечо. Жидкость расплылась по крови и начала впитываться, тогда чум достал коробок и, вынув и воспламенив одну спичку, небрежно бросил её в человека.

Спирт загорелся, человек тоже, но больше внутри, чем снаружи – «Луганск. Луганск. Луганск». – до бесконечности

повторял он, продолжая корчиться от боли.

Трое чумов уже помирали со смеху.

«Я не могу подвести их. Ребята надеются на меня... Они в Луганске. Да всё в Луганске. Луганск. Вот! Точно! Луганск!» – Владимир рассуждал теперь только одним «случайно» выбранным городом.

Совсем не сдерживая смех, Принхр брезгливо оторвал кусок ткани с другого плеча повстанца и пару раз потыкал им на месте воспламенения: огонь тут же потух.

Чум снова взгляделся в глаза обречённого и весьма сильного человека: «Говори... Где находится Виктор Хмельницкий?»

Слова шли одно за другим с интервалом в полсекунды, маняще и противно.

Владимир не мог нормально смотреть на вещи: всё в глазах куда-то поплыло, в ушах куда-то затрещало, мышцы заработали в хаотичном состоянии – осталась одна мысль: «Луганск».

Принхр вытаращил глаза, поджал губы и вытянул подбородок вперёд, выражая оценку бесполезного сопротивления, затем чуть отошёл назад, заложил лапы за спину и, посмотрев на Чанхра, кивнул головой.

Чанхр резко двинулся вперёд и с упором ударил повстанца в живот, той же правой лапой и настолько же омерзительно.

Вольный человек, согнувшись, выплюнул вперёд, прямо

на чума, глоток крови. Принхр и Рунхп взорвались смехом, частично хлопая в ладоши, Чанхр озверел до того, что его зелёная кожа приняла красный оттенок. Он ударил ещё раз, но с левого бока, собрался повторить это, но главарь остановил его. «Чанхр, стой. Он нам ещё нужен. Скажет, что надо, можешь его бить как хочешь, но пока только так, как я скажу. Ясно?!»

«Ясно», – плюнул в лицо вольному человеку, Чанхр подчинился и отошёл.

Принхр приблизился к повстанцу, посмотрел на него сверху вниз, как только мог, и сделал вывод: «Знаешь, что, человек... Мне надоело, что смотришь ты здесь двумя глазами. Это слишком для тебя».

Чум взял стальной нож, зазубренный уголками с двух сторон, и неожиданно воткнул его в левый глаз повстанца: кровь брызнула, но стоны не последовало. Принхр повернул нож в сторону и, вытащив его, спросил прочь, «Один инструмент опробован», – сказал он, развернувшись к своим, и взорвался смехом.

Владимир даже и не понял, что произошло. В этот момент он вспомнил маму, которая причёсывала ему волосы после каждого рабочего, папу, который учил его смотреть на деревья, как на высшие и мудрые существа, друга Станислава, который любил строить рожи и показывать всякие фокусы, озвучивая их весьма своеобразно, командира сомы Вячеслава Владимировича, который нередко хвалил его за упорный

и волевой характер, священника Андрея, который всегда говорил, что в самые сложные минуты Господь Бог совсем рядом, поэтому глубоко верующий человек непобедим.

Владимир вспоминал о них всех, о том, что они остались на лесопильне группы Красный Луч, о том, что они все советовали ему идти к маки. Владимир вспоминал это и понимал, что всё это верно, что никто не заставит его отказаться от этого, что он сделал то, что должен был делать, что последнее, что ему осталось, это умереть смертью, достойной его жизни.

Принхр повернулся к повстанцу и ничего не понял: тот находился в непонятном состоянии между всё ещё существующей жизнью и вот-вот наступающей смертью.

«Рунхр. Оторви ему руку. Он что-то засыпает», – приказал главарь и, отойдя в сторону, отвернулся.

Чум подошёл и вырвал левую ободранную, избитую, обожжённую руку вольного человека и бросил её в сторону.

Сразу же подошедший Принхр налил на рану немного спирта и поджёг. Кровь остановилась. Главарь потушил огонь и наклонился к повстанцу.

Владимир не чувствовал боли, а просто шептал, ровно и спокойно: «Луганск. Луганск. Луганск».

Тройка чумов мгновенно приникла – по комнате раздавалось всего лишь одно слово: «Луганск. Луганск».

От радости звери запрыгали и в очередной раз засмеялись, кто-то из них задел кресло, и вольный человек развер-

нулся в сторону окна.

«Небо... Небо – это свобода. Рядом, совсем рядом свет... – Владимир глядел ввысь и поражался красоте и миру. – На Небе всегда мир. На небе всегда свобода... Как красиво. Господи, спасибо за такую красоту. Ты дал возможность нам видеть это чудо, сделанное Твоими собственными руками, чтобы мы Верили... Небо – это прекрасно».

Наблюдая за Вечностью, глаз меньше и меньше моргал, спустя полминуты он престал моргать вовсе – вольный человек умер*.

Дымно и жарко

На погрузке угля и мужчины и женщины выполняют одну и ту же работу, хотя для чумов, как ни странно, существует различие в поле человека.

Например, тот же устав об одежде. Ниже пояса женщины носят юбки, и их заменять чем-нибудь запрещено. Так же волосы. Женщины, в случае, если длина их волос превышает тридцать сантиметров, обязаны заплетать их в косичку.

С какой же стати чумы проявили во всём этом такую деликатность неизвестно.

Во время этой смены Гора исключительно командовал, помогая в отдельно взятых случаях.

Работа текла без особого энтузиазма, но это и не требовалось: на этот раз план не слишком был наполнен амбициями.

«Хорошо, ребята. Мы в графике. Порядок», – в очередной раз крикнул Гавриил на весь зал, но этот раз стал совсем не таким, как предыдущие. После него раздался быстрый хлопок, и земля под ногами содрогнулась.

«Владимиров, Лесин и Багратионова за мной, остальные продолжать работу. Богатый за главного», – скомандовал Гора и кинулся в проход, ведущий в сектор очистки, откуда по потолку стремительно повалил дым.

Чумы на посту и не сдвинулись с места: прекрасно знали,

что сейчас произошло и почему.

Вбежав в очистительную, горняки увидели то, что и должны были – кровь и смерть.

Атмосфера на шахте очень концентрированная и наполненная метаном часто приводит к произвольным взрывам. Давным-давно, чтобы избежать этого, на протяжении всего пути конвейера шли полив и обрызгивание добытого сырья.

Сейчас нет ни конвейера, ни полива: воздух никак не очищается, поэтому взрывы – дело не то чтобы частое, а регулярное.

В этом случае метан сдетанировал ни протяжении всего помещения, и работа остановилась сама по себе.

«Лена посмотри его, Стас... – его... – раздавая всем приказы командир побежал к лежащему в десяти метрах от него слева мужчине. – Коля, за мной».

Он сам не знал, почему его тянуло именно туда – крови в той месте было немного, так что и первую помощь в общем-то никак не окажешь.

Приблизившись к нему, Гавриил заметил фазы дыхания реже обычного, а также то, что этим человеком был Георгий Волин.

«С тем всё в порядке, Коля, смотри другого», – приказал Гора, а сам склонился к заместителю 253-ей сомы и развернул его с живота на спину: дыхание хоть и замедленное, но ровное, так что беспокоится не о чём.

Георгий открыл глаза и уставился куда-то вверх, туда, от-

куда, не переставая, сыпались песок, камни и нескончаемая чёрная пыль.

«Жора, ты как?» – спросил Гавриил, вспоминая свою невестку и счастливые глаза своего сына.

Волин проморгался, вздохнул и, опёршись на локоть, слегка приподнялся: «Полный порядок, рекорд мы всё-таки побили... правда по другим правилам».

Гавриил приподнял голову и метрах в двух впереди от себя увидел валяющуюся в крови руку. Кисть была согнута, а в ладони лежал мокрый уголёк, тоже красного цвета.

Командир огляделся по помещению: кроме его помощников, живых не было.

Где-то вдалеке, у 1-ого и 3-его выходов в невысоких башенках сидели чумы, рядом с ними всегда били несколько струй воды, а от эпицентра находились они достаточно далеко, так что никакие взрывы им не грозили.

«Ты полежи пока, а я помогу кому-нибудь ещё», – похлопав по плечу Георгия, сказал Гавриил и рванул спасать других.

Чуть справа лежал мёртвый, но верный своему делу священник отец Фёдор. Его лицо было также спокойно, в его правой руке также обитал маленький деревянный крест. Он работал наравне со всеми, несмотря на проблемы с позвоночником, он постоянно говорил о Божьем Мире, о том, что Мир – это то, что дал Бог, а чумы пришли, потому что мы неправильно в нём жили, но мы снова станем свободными,

когда поймём и исправим свои ошибки.

Совсем рядом с отцом Фёдором находились чьи-то ноги, оторванные взрывом почти до пояса.

Это Лев Башмаков. Большой юморист. Особенно любил сатирически поражаться своей фамилии, отчего цеплял на обувь красные нитки с привязанными к ним уголками. Лев наполнял всех присутствующих радостью и оптимизмом, во-первых, потому что его слова никогда не касались чумов и всего вроде этого; люди могли почувствовать себя раскрепощёнными и хоть немного радостными.

За Львом шли кучи крови и плоти, растерзанной случившимся, а потом часть шеи и голова. Голова Яна Вышнеградского. Очень серьёзный и правильный человек. Он стремился поддерживать дисциплину и порядок, наверное, потому что, прожив пятьдесят семь лет сам ни разу их не нарушил и ни разу не был наказан (не считая тех случаев, когда приходилось «платить» за неотработку плана сомы). И правда, те, кто находился рядом с ним никогда не нарушали правил.

Левее от Вынеградского тихо умирал серб Синиша Кжинжич. Только Гавриил успел подбежать, как смотрящие в потолок глаза Синиши потеряли жизнь.

Кжинжич был молчуном. Он говорил только по важнейшим поводам. Он работал. Работал тогда, года говорили работать и тогда, когда мог и делать. У него с рождения не было родственников, кроме мамы, которая, скорее всего, сейчас лежала рядом с ним. Он старался для неё и для сомы

– для людей, которые не заслуживали того, чтобы так страдать. Его окликали «Стахановцем»*, в честь одного древнего «движения рабочего энтузиазма». И не просто так: если бы кто-то решил провести опрос и узнать, кто же самый производительный рабочий всей группы Донецк-Макеевка, то ему присудили бы одно из первых мест чуть ли ни авансом.

Ещё левее от серба погиб сам командир 253-ей сомы Иван Дубровский. Всегда переживал проблемы подчинённых своим хрупким сердцем – раза три его уносили на отдых в первый сектор после приступов, но спустя пару десятков минут он возвращался. На его теле не было живого места ещё до трагедии: когда шахтёров били камнями за «неуспеваемость», он стоял в ряду первый, а также последний. В некотором оде эта забота ему мешала, потому что размышления в его голове чаще уходили в прошлое, нежели в будущее, где его людям ещё предстояло жить.

«Гора, мы не можем найти живого! – крикнул Станислав. Живого нет ни одного!»

Командир обернулся к Владимирову – с его рук капала кровь, словно он их специально так обмазал.

Гавриил взглянул на свои руки: они тоже вымочены красным цветом, и с них тоже падают капли.

«Красный – цвет Победы. Подумал командир. – У чумов кровь тёмно-багрового, почти чёрного цвета, как их жестокость и бессмысленность».

«Есть! Есть живой!» – во весь голос заорала Лена, опус-

каясь на землю, к надвигающемуся телу.

Но вот зашевелилась рука, затем задвигалась шея: это Анастасия Некрасова, совсем молодая девушка.

«Как ни парадоксально, – опять задумался Гавриил. – хорошо когда выживают молодые... Старики отлично понимают это. Старики пожилы, и с них хватит, а них, молодых, ещё вся жизнь впереди... Господи, Слава тебе! Слава тебе, что Мария сейчас не здесь... Рафаил бы не вынес этого...»

Парадоксально, но Настя уже поднималась: её совсем не задело, только оглушило.

Её спас Сергей Лисицин, загородивший собой от смерти. Старик, такой же как Вышнеградский. Видно тоже посчитал, что молодым нужнее жизнь, чем старым... наверное потому что сам имел дочь.

Его спину прожгло до такой степени, что рёбра выпирали наружу.

Настя поднялась и, еле стоя на ногах, стала всматриваться в держащую её Лену.

Зрачки ходили из стороны в сторону, останавливаясь в каждой точке на несколько секунд и пробуя хоть что-то найти в рассматриваемом предмете.

Лена потрясла её немного, пытаясь хоть насколько-нибудь привести в чувства, но глаза продолжали беспорядочно мелькать.

«Уведи её, уведи её в первый сектор», – приказал Гавриил и повернул голову – Виктор Земляков.

Он иногда кричал на молодёжь за ошибки, невольные совершаемые ими по неопытности, но все знали, что он просто сильно переживает за них. Пять лет назад, в свои тридцать семь, он потерял сына, которого чумы забили камнями за «умышленные падения при переноске груза». Виктор бы погиб тогда вместе с ним, но в тот момент его приписали к «чёрным» рабочим («Устав Чёрного Рабочего» гласил, что в составе группы должен быть «обязательный набор», то есть двадцать человек; если не хватало, кого-то приписывали). Именно поэтому он так и относился к молодёжи.

Пламя обожгло ему половину тела.

Чуть справа от него лежала девушка лет двадцати, дочь Вышнеградского Анна.

Она очень любила моду и заслуженно являлась признанным в этом специалистом. Аня прочитала по несколько раз всю литературу, которая содержала хотя бы каплю материала из мира моды. Ей казалось, что мода – это проявление человеческой индивидуальности в том, что существует со временем обретения человеком разума – одежды. По её словам одежда – это самый доступный способ мирного самовыражения. Она мечтала открыть хотя бы «лавочку моды» хоть где-нибудь.

Её от смерти никто отгородить не успел.

По потолку всё носился дым, а вокруг до сих пор было жарко. Помимо Волина и Анастасии выжил ещё Роман Плотников, наш местный звездочёт; он как будто знал обо всём и

в момент взрыва держался в дальнем углу.

Это всё, что осталось от ста восьмидесяти трёх человек
253-ей сомы.

Где-то совсем глубоко и низко

Манхр – карак группы Донецк-Макеевка. «Карак» – чиновник звена чуть выше среднего.

Наивысший титул – «рох». Он один и принадлежит Кринхру. Этот ранг позволяет встречаться с Черным Камнем; он единственный, кроме жрецов-выроников, кто может это делать.

Далее, в пределах Земли, идёт «прох». Они расписаны по континентам, то есть всего их трое.

Европейская группировка, где главным является прох Бринхр, делится на три колонии: Восточно-Славянскую, Центрально-Славянскую и Западно-Европейскую.

После «проха» стоит «броз». В Центрально-Славянской колонии обязанности броза временно исполняет Блух. Ключевым словом выступает слово «временно». Дело в том, что прошлый броз Кринхр заболел чем-то особенно тяжёлым, и его отстранили от работы, назначив в замен его заместителя.

Для того, чтобы остаться на этом месте Блух и стал искать всякие недочёты в предыдущей работе, среди которых и нашёл воровство Манхра. Не то, чтобы ему было так это мерзко, он и сам приворовывал, но чтобы «показаться» перед центром можно «накрыть» другого. Он послал ему ультиматум, а спустя день узнал о его убийстве.

Новому брозу эта ситуация показалась серьёзным шансом для установления своего влияния в Восточно-Малоросском регионе, и он, действуя согласно «Кодексу Броза» созвал совещание по причине «убийства имперского чиновника».

Зал совещаний дворян-примов «Чёрного Камня» за время восьмилетнего руководства Кринхра собирался два раза, оба в первый год – похоже Блух решил пойти точно по его стопам (хорошо видно, как чумы отказывались от поддержки со временем получая власть и укрепляя её).

Совет дворян-примов всегда включал в себя начальника имперской армии колонны (Донхр), начальника СЧК колонны (Закинхр), начальника по транспорту колонны (Ненхр), начальника по материальному обеспечению колонны (Окинхр), начальника по добыче колонны (Венхр) и начальника финансов колонны (Убинхр).

За исключением начальника СЧК, все остальные назначались действующим брозом. Правило не действовало в случае болезни броза, тогда изменений происходить не могло (только по приказу роха).

Заседание Блух начал с пессимистичных громких слов: «Над нами нависла угроза, братья-чумы».

Никто, кроме Ненхра, и глазом не моргнул – фраза большая, а смысла мало. Ненхр же был тихим, но очевидным союзником Блуха, потому что над ним самим нависла некоторая угроза: Кринхр как раз перед болезнью собирался уволить его и отправить под трибунал за неумелое управление

железными дорогами – мало того что графики соблюдались крайне редко, так ещё и перестала работать комиссия по проверке состояния дорог (ПСД) (на бумаге она ещё была, а на самом деле средства, выделяемые ей не доходили по причине откровенного казнокрадства*).

Начальник транспорта, сидящий рядом с брозом, демонстративно покивал головой и пододвинул стул к столу поближе, как бы предвкушая серьёзную работу.

«Сегодня мне доложили, что на карака группы Донецк-Макеевка Манхра совершено покушение. К сожалению, успешное... Братья-чумы, надо действовать!» – восклицая, продолжил Блух, но в конце был прерван начальником СЧК Закинхром: «Позавчера вы направили ему ультиматум с требованием отдать то, что он украл. Позавчера вы обвиняли его в воровстве, кстати, вполне верно. А сегодня вы говорите слово «к сожалению»... Что там у вас «к сожалению», брат-чум Блух?»

Больше всего из всех присутствующих Блух ненавидел именно его, и только потому что с ним ничего нельзя было сделать – он назначен из центра, а значит лишь центр способен его убрать.

«Эээ... Поймите меня правильно, я сам не люблю воров... нет, я ненавижу их. – в момент этой речи броза Ненхр нервно поёрзал на стуле. – Но это не значит, что какие-то люди могут их отстреливать! Жаль, что вам это непонятно. Лучше коррумпированный чум, чем трудолюбивый человек! И вам,

брат-чум Закинхр, особенно это скажу, у нас не должны работать люди».

«Замечу, специально для вас, – ответил начальник СЧК – что именно люди раскрыли воровство Манхра».

«Во! А с чего вы взяли, что они не врут?!»

«Мы проверили другими источниками... Не будьте дураком, из людей модно вытащить много пользы».

«Они рабы!»

«А кто с этим спорит? Они рабы, но это не значит, что они не могут быть нам полезны. Мы же используем их при добыче», – в конце реплики эсчекист кивнул на Венхра.

«Знаете, брат-чум Закинхр... – Блух уже было собрался сказать, что тот может показаться предателем, но очень вовремя посчитал это для себя чересчур вызывающим и опасным – нельзя забывать, кто здесь ставленник центра.

«Что, брат чум Блух?» – понимая, происходящее спросил начальник СЧК.

«Мне иногда может показаться, что вы церемонитесь с нами».

«Напрасно. Это проверенная тактика СЧК».

Блух уже отлично понял, что с этим диалогом пора заканчивать и вернуться к сути: «Ну, ладно, это не имеет значения... Нам надо решить, что делать в сложившейся ситуации... Брат-чум Ненхр, вы что думаете?»

Начальник транспорта словно с цепи сорвался после длительных ожиданий: «Я считаю, пора действовать! Люди от-

крыто делают нам вызов. Я считаю, они знают о болезни нашего достопочтеневшего брата-чума броза Кринхра. Они хотят дестабилизировать и десбалансировать текущую ситуацию наглыми выступлениями в ключевых районах и точках! Братья-чумы! Они уничтожили более трёхсот километров пути! И это только за прошлый месяц. Уверен, комиссия ПСД порвёт моё сердце в этом месяце своей статистикой!»

Наблюдающий весь этот спектакль, как жалкое зрелище, Закинхр получил возможность обозначить границы дозволенного скрытыми обвинениями: «Комиссия ПСД смогла узнать о таком количестве уничтоженных путей? Насколько мне известно за весь прошлый месяц туда в общей сложности поступило 11 килограммов золота, то есть пять процентов от положенного... Вы мне не расскажете, каким образом они смогли показать такие результаты при таком финансировании?»

«Мои люди работают не покладая рук. Они ожидают зарплату, а пока честно выполняют свой долг ради Империи».

«А, по-моему, ваши люди приписывают себе не свои заслуги. По мои данным, в прошлом месяце уничтожено пятьдесят три километра путей. Плюс-минус пять километров».

«Ну, это долгий разговор, брат-чум Закинхр... Мы, скорее всего, говорим о разных местах проверки...» – сразу же попытался уйти из неудобного положения Ненхр.

«Я говорю обо всей Центрально-Славянской колонне».

Видя, что обстоятельства идут не в верную пользу, Блух

снова сменил тему: «Братья-чумы, давайте вы решите свои служебные вопросы где-нибудь в другом месте. У нас здесь серьёзный вопрос... Брат-чум Донхр, лично вас я попрошу заняться местной группой маки».

При любом удобном случае Блук обвинил бы его в предательстве, а потом, ссылаясь на сложность обстоятельств, расстрелял бы, но суть дела в том, что действующий броз всё ещё Кринхр, а обстоятельства не настолько сложны, так что в случае обвинения начальника имперской армии его повезли бы под Главный Имперский Трибунал, где расстрел выдали бы не ему, а Блуку.

«Возражаю, брат-чум Блук. – начальник СЧК заговорил как нельзя белее твёрдо. – Там действует группа Богдана Хмельницкого. Она недостаточно крупная для серьёзного сопротивления, кроме того мои люди как раз сейчас получили точные данные о её местонахождении. В течение четырёх дней мы способны с ними покончить, если получим такой приказ. Предлагаю отдать это дело в ведение СЧК».

Сказал своё слово долго молчавший начальник финансов Уринхр: «Одобряю. Армейская операция снова вдарит по финансам, которое за последние полгода и без того не показывает утешительных результатов».

Этого чума Блук мечтал расстрелять за какую-нибудь несуществующую ерунду ещё больше чем начальника имперской армии: Уринхр активнее поддерживал Кринхра и ещё более был предан ему. Всё из-за того, что тот прикрыл

его во время одного происшествия: в отдел финансов поступило три четвёртых тонны золота, которые бесследно исчезли (на самом деле они и не прибывали – начальник транспорта изменил маршрут, и состав ушёл в другое место).

«А вы, что думаете, брат-чум Окинхр?» – использовал свой последний шанс исполняющий обязанности броза.

Начальник материального обеспечения не был Блуху ни другом, ни врагом; он просто выполнял свою работу, считая главным имперские интересы: «Сектор Донецк-Макеевка мы можем снабдить всем необходимым в течение восьми дней. Но для этого нам понадобится содействие службы транспорта».

Начальник транспорта тут же ощутил на себе выжидающий взгляд шефа СЧК, и то что следует от него ожидать в случае удручающего ответа. «Мне очень жаль, но службе транспорта сейчас лишняя нагрузка не нужна», – не удручил Ненхр.

«Предлагаю отдать дело в ведение СЧК, – окончательно сделал свой выбор начальник имперской армии. – и покончить с этим вопросом».

Блуху ничего не оставалось, кроме как согласиться: «Ну, раз, брат-чум Закинхр так хочет заняться этим вопросом, не станем ему мешать... Осталось решить вопрос о назначении нового карака в сектор Донецк-Макеевка».

«Чтобы не осложнять дело, я временно назначу туда своего человека», – решил Закинхр.

«Вы же знаете «Устав». Вы должны назвать конкретного чума», – Блук не совсем ожидал такой настойчивости от своего главного соперника, потому что подобный ход разламывал все его надежды на обретение влияния в том регионе. Он считал, что чум, служащий в СЧК не способен на столь поспешные действия.

Но у Закинхра всё было готово: «Сестра-чум Анахр. Она отлично знает эту группу. Сама там работала на протяжении шести месяцев. У меня нет сомнений в её компетентности. Она поставит там всё под контроль».

Из присутствующих, кроме эсчекиста, Анахр никто не знал, а Закинхр говорил без тени сомнения, так что и спорить было не с чем.

«Если все согласны...» – почти смирился Блук.

Все были согласны.

«Тогда совещание закончено», – окончательно смирился Блук и подумал о том, что противника можно победить не только за столом, но и вне его пределов.

Промак в нужную сторону

У чумов выявилась какая-то чумовая болезнь на кабинет карака Манхра: там убили карака, там они устроили пытку над вольным человеком, и там же они произошёл «особый» разговор с Тихомировым.

Двое чумов схватили его во время работы и, ничего не спрашивая и не объясняя, приволокли туда. Его посадили на стул, на котором ещё совсем недавно сидел Владимир, и задали один простой короткий вопрос: «Ты будешь на нас работать?»

Отвечать на подобные вопросы Гавриил учил не сразу: он хоть и простой, но неожиданный.

Вокруг стояли двое чумов, Принхр и Чанхр, и один предатель, Дмитрий. Все смотрели на Тихомирова, но думали друг о друге, причём в крайне отрицательных тонах: Чанхр хотел убить Принхра за то, что тот мешает ему «держат людей в узде», Принхр хотел убить Дмитрия за то, что тот предатель, и ему не важно было, кого он предаёт, Принхр ненавидел это качество, а Дмитрий хотел убить Чанхра за то, что тот недооценивает его важность.

«Буду. – ответил Иван. – За «свехр-норму» питания».

«Хорошо... Вот твой шеф», – Принхр помахал большим пальцем левой лапы в сторону Дмитрия и подумал о том,

можно было бы найти «шефа» и получше, хоть это и только слово.

Тихомиров кивнул.

«Тебе не интересно, куда делся Пожарин?»

Иван отлично понял, что, если он сейчас ответит положительно, самое меньшее, что ему сделают, так это скажут, что с ним случилось: «Нет. Не интересно».

«Мы казнили его. Он нас предал», – в конце этой фразы Принхр снова подумал о Дмитрие: «С кем же мне приходится иметь дело».

Тихомиров сидел на стуле, заляпанном кровью вольного человека, и ждал, когда ему дадут полномочия, хоть какие-то, когда ему дадут повышенную норму еды, чтобы он смог отнести её голодающим в шахте, он ждал, потому что знал, что это лучшее, что он может сделать.

«Так что первое правило, – продолжил чум. – никогда нас не предавай. Никогда. Или с тобой случится тоже самое».

Тихомиров кивнул и опять вспомнил командира: «когда тебе начнут рассказывать, что можно и что нельзя, кивай головой... задумывайся, медленно крути глазами и кивай. Они могут попробовать тебя сбить с толку какой-нибудь фразой вроде «... обо всём докладывай своему шефу...». Ты невольно можешь вспомнить меня и выпустить из себя правду. Запомни главное правило. Когда ты разговариваешь с тем, кто может тебя сдать и особенно с чумом, никогда не расслабляйся... Расслабишься и сболтнёшь чего-нибудь лишнего...

Можешь в некотором роде показывать, что ты расслаблен, но никогда не делай этого».

«Второе. Не обманывай нас», Принхр говорил настолько серьёзно, что можно было подумать, что он сам живёт по этим правилам.

Тихомиров кивнул в очередной раз, а Гавриил намертво засел в голове: «Не смотри подолгу им в глаза. Они примут это за наглость и могут просто убить. Сам их знаешь. Лучше мелькай по углам, но не много, и особенно когда говорят они».

В реальности Иван и не стал бы пристально в них вглядываться. Когда он смотрел на чума, его начинало трясти и немного тошнить: зелёная кожа, стекающие сопли с головы до ног, какая-то отвратительная слизь, выделяемая во множестве мест в произвольном порядке – картина для привыкших и только.

«Теперь то, что тебе нужно делать... Во-первых, если внизу ты услышишь хотя бы слово про восстание, немедленно сообщай нам. Поговори с кем-нибудь на вышке или ещё что-нибудь... как хочешь, но информация должна быть у нас... Второе. Если услышишь от кого-нибудь что-нибудь про нас или наш великий камень, немедленно сообщай нам. Нечего этим людям нас обсуждать. И третье. Маки. О них особый разговор. Информацию о них сообщай нам своевременно. Если срочно, сообщай срочно. Нет, так нет. Прوماхнёшься, получишь камнем под рёбра. Всё понятно?»

Тихомиров, задумавшись ненадолго, твёрдо кивнул головой.

«Хорошо. Дмитрий объяснит тебе остальное», – под конец вывел Принхр и, мрачно шагая, поплёлся к двери. Чанхр точно также вслед за ним.

В походке чумов было что-то неестественно. Словно их тела кто-то долго делал, а потом бросил незаконченным.. Они показывали себя твёрдыми, решительными и бескомпромиссными. А походка была прямо противоположной: лапы будто боялись делать следующий шаг из-за того, что за это их кто-то накажет, голова раскачивалась как подрубленная, а спина то сгибалась, то выпрямлялась обратно.

Когда звери ушли, Дмитрий подошёл к Ивану и присел на стоящий рядом с ним стул – пару часов назад на нём лежали «инструменты для допроса».

«Я Дмитрий», – возвышенно возвестил предатель и величественно устоялся на Тихомирова.

«Иван», – ответил Иван.

«Значит так, Ваня. – Дмитрий откинулся на спинке и забросил ногу на ногу. – Делать ты будешь то, что я скажу. Я говорю идти, ты идёшь. Я говорю ползти, ты ползёшь. Это понятно?»

Тихомиров спокойно кивнул: с ним разговаривал уже не чум, а его жалкий слуга.

«Дальше. Кроме еды, они тебе ничего не дадут, если не попросишь. Так что... Скажи им, что тебе нужен героин».

«Я даже не знаю, что это».

«Ты разве не понял мою предыдущую фразу?» – Дмитрий хотел было ударить его по щеке, как он это делал со всеми предыдущими, но не смог: ощутил какую-то опасную для себя силу, что-то большее, чем просто желание выжить.

Иван увидел это, увидел, с кем имеет дело, чего стоит его собеседник, и почему он здесь до сих пор находится.

Дмитрий – слабый человек, и именно поэтому чумы держат его возле себя. Он всегда будет подчиняться им, или тем, кто окажется сильнее их, а сильнее их вокруг никого нет.

«Так ты понял меня?» – злостно спросил предатель.

Тихомиров уже всё решил и начал действовать. «Да», – ответил он и со всех своих сил, со всех сил шахтёров, которые сделали бы это за него, ударил Дмитрия в челюсть своим окаменевшим от вырасти кулаком.

Предатель не свалился, а отлетел назад, будто знал, что этого недостаточно, для всего того, что он сделал.

Иван медленно встал, поднял валяющийся стул «инструментов допроса» и уверенно подошёл к Дмитрию: «Да. Я понял. Я очень хорошо понял, что ты сказал». Тот лежал, не двигаясь, и бешеными глазами глядел на стоявшего.

«Я здесь не на тебя пришёл работать, – Иван говорил грозно, но не кричал. – Я не буду ничего для тебя делать. Чумы сказали, что ты мой шеф... Ты с этим согласен?»

Дмитрий лежал и молчал.

Согнувшись и присев на корточки, Иван жестоко взял его

за одежду: «Ты согласен?»»

Дмитрий отрицательно закачал головой, совсем как чумы при ходьбе, только быстро.

«Вот и хорошо», – Тихомиров поднялся на ноги и вышел из помещения.

Дмитрий остался лежать на полу; он не вставал, он не мог встать, он не мог даже поверить в возможность это сделать.

Размышления резиденто

Три года назад группа Богдана Хмельницкого собиралась (вернее собирались командующие отдельных подразделений и, конечно, Виктор Хмельницкий) в Харькове для разработки новой тактики войны против чумов. Один из повстанцев во время этого нашёл здание Харьковского Университета, включая библиотеку.

Практически все из маки любят изучать историю человечества ещё до нашествия чумов, и данное событие стало настоящим подарком не только для участников собрания, но и для большинства «несогласных», получивших часть, разумеется, хоть и совсем малую из того, что было, в своё распоряжение.

Сейчас Виктор Хмельницкий находился в городке Зализничное, близ Кривого Рога. Вместе с ним его сопровождение численностью порядка трёхсот человек именуемое «Отряд 14».

В городке для них был оборудовано нечто вроде ДЗОТа. Вечер. 11:38. На дозоре десять человек. Связками по двое. Михаилу Живенко и Александру Ручьёву достался дозор пути, ведущего на юго-восток, в Радужное.

Кроме как о прошлом на дозоре не было принято разговаривать.

«Сегодня морозит, – после небольшого затишья сказал Михаил, посматривая на сугробы, завалившие дорогу. – Интересно, а раньше... сто лет назад... люди не научились обогревать всю Землю, а не отдельные здания?»

В отличие от Михаила Александр был в Харькове.

«Научились», – ответил он.

«Серьёзно?»

«Да. Они загрязняли воздух углекислым газом, и температура поднималась».

«А летом? Они что? Уменьшали его содержание?»

«Миш... Не обольщайся древними. Они управляли большинством процессов только в одну сторону... Ты думаешь, они так уж хотели сменить климат? Да ничего подобного. Просто не могли не загрязнять и всё тут. А то, что это поднимало температуру, стало занимать их уж потом. Когда стало видно, что это».

«Не понял. Как это? Хотели, но не могли. Не делали бы это и хватит с них».

«Коротко говоря. Одни люди дальновидные, другие нет. Одни считают, что надо жить так, чтобы не получилось во вред окружающим, другие – что надо так, чтобы было как можно лучше себе, а остальные обойдутся».

«Это Соединённые Штаты?»

«Можно конечно и всё на них свалить, но они далеко не первые. До них такими была Великобритания. Ещё раньше Хазария. Ещё раньше Карфаген. Это такое дело, «самого ви-

новатого» не найдёшь. Есть тот, кто придумал. Есть тот, кто развил. Есть тот, кто добился наибольших результатов».

«Я про них больше всего из всех этих читал...»

«Я тоже», – грустно ответил Александр и вздохнул.

«Чего?»

«Знаешь фраза «наибольшие результаты» не должна значить такой перебор, что глаза на лоб лезут... Карфаген проводил свою политику в Средиземном Море. Хазария паразитировала на Волге. Великобритания колонизировала весомую часть мира. И никто из них не заставлял жить по своим правилам. Но эти... Припираются в чужую страну, которая вообще в другом полушарии Земли и мало того, что разваливают, что ни попади под руку, так ещё живи ты, как они скажут. Вот не хотят те жить так. Так нет их заставляют. Объясняют, выводят всякие формулы, показывают на многолетнем развитии Западной Европы, что это так, как они говорят, и снова заставляют. Вот неужели трудно понять, что если человек хочет жить в юрте, а не тридцатиэтажном блочном доме, не стоит его от этого отговаривать. Захочет – сам переедет, не захочет – не переедет. Это его дело, тем более, что он сам никого не заставляет селиться в юртах. Так нет. Им надо поселить всех в эти свои блочные дома, чтобы потом снимать с них плату за свет, воду и отопление».

«Что всё прям так и было?»

«Если говорить по существу, то да».

«А я читал, что США – бывшая колония... Великобри-

тании. Потом они отсоединились и... им же никто не помогал... они сами и развивались...»

«Это всё так и было, но, к сожалению, только вначале. У них был лидер. Монро. Он провозгласил доктрину, согласно которой они не вмешивались в дела Восточного полушария, а Старый Свет – в дела Западного».

«Ну, так же ведь и было?..»

«Было. Понимаешь... У них, в Западном полушарии, конкурентов, в принципе не было. Они и починили там себе всё. Только сделали это так, чтобы никто не видел. Экономикой. Сначала они заключили с властями остальных стран выгодные только себе договоры. А потом, чтобы эти договоры никуда не делись, они начали влиять на эти власти, менять их. Выбирать только тех, кто будет делать то, что им нужно».

«Но это же ведь только способ ведения международной политики и не более того».

«Вот именно более того. Они обворовывали не просто какие-то власти. Они обворовывали целые народы, которым нечего было есть, которым нечего было носить, которые заслуживали нормальной жизни не меньше, чем те, что жили в Соединённых Штатах».

«Но ведь их «отцы-основатели» не предполагали ничего такого, когда создавали всё это. А последствия – лишь амбиции отдельных правителей».

«Вообще говоря термин «отцы-основатели» никак для подобных людей не подходит. Это насочиняли те, кто пытался

отмыть своё прошлое и прошлое своей страны. Нет, это, конечно, все делали. И мы в том числе. Скажем в отношении Владимира «Красное Солнышко», когда принимали во внимание его заслуги и потом законизировали, но всё же здесь есть принципиальные различия. Наши «редакторы» никогда не касались политики в этих вопросах, либо это была настолько внутренняя и сугубо личная вещь, что её можно было простить. Ты никогда не наёдешь о Владимире или Ярославе что-то вроде того, что они стремились для мирового счастья, распространения высших моральных ценностей по всей Земле нашей и ещё чего-нибудь в этом роде. Они выступают в роли нужных правителей для своей собственной страны и не более того. А вот, если в какой-нибудь американской прессе зайдёт речь о Джордже Вашингтоне, сразу добавят, как много он сделал для развития демократии во всём мире и так далее и тому подобное. Если они скажут об Александре Гамильтоне, то тут же влепят, какой он превосходный мыслитель капиталистического развития страны, что он чуть ли ни «родоначальник» «подобной мудрейшей» системы распределения продуктов производства. Когда упомянут Томаса Джефферсона, за одно напомним о его способности сформулировать права человека в составе государства и то, что благодаря ему образовалась совершенная юридическая база, позволившая людям легче реализовывать их законные возможности. И про Мэдисона, и про Адамсов, и про Франклина ты услышишь не меньше всего хорошего. И ни-

кто вспомнит, что все они были рабовладельцами, что после восстания в 1776* году военные чины раздавались в соответствии с величиной имущества, что Вашингтон стал главнокомандующим исключительно потому что, кроме него среди плантаторов никогда из военных толком и не было, что Гамильтон был его адъютантом и стал состоятельным женившись на дочке одного из крупнейших плантаторов, что его способ обогащения никак не вяжется с капитализмом, что Конституция Джефферсона плевала на всех негров и простых американцев, защищая права имущества и незаконности его *отъятия* даже в том случае, если оно добыто нелегально, но этот факт не доказан, что давало плантаторам возможность прикрываться тем политическим объединением, которое они сами создадут, что и само-то восстание было из-за плантаций, и войну-то за них выиграла Франция. Где они нашли здесь «отцов» или «основателей», я не знаю. Чем здесь можно восхищаться, я тоже не знаю. Можно признать их ум, способность зарабатывать деньги, возможность действовать дипломатично, когда это понадобится – да. Это, конечно, всё очень хорошо и признать можно. Но те же качества я могу признать и в Гитлере, и в Наполеоне, и даже в целом ряде террористов, которые умеют и то, и это. Вот только это не значит, что все эти их способности послужили на благо планете. Более того, лучше бы и Гитлер, и Наполеон, и тот ряд террористов были бы полными дураками, и тогда бы не было много чего такого, о чём и подумать-то дорогого

стоит. И пока мы восхищаемся их боевыми качествами кто-то с таким же успехом ставит их в пример. И ещё кто-то может с них взять этот пример, а поскольку и умным и способным в торговле и дипломатии, и ещё многом другом, быть тяжело, они начинают брать всю «дурь», какая у них только была, потому что её-то уж повторить не сложно. В процессе учёбы в людях всегда надо разделять две принципиально важные вещи: что хорошего было в человеке, и что он хорошего сделал для *всех*. Вот, на мой взгляд, «отцы-основатели» для *всех* сделали гораздо меньше, чем для *своих*».

«Ладно, допустим. А чего ещё плохого они сделали? Во Вторую Мировую они же воевали за нас...»

«Нет, ну во Вторую Мировую они, разумеется, воевали за себя. Чего там говорить... Правда, меня здесь больше интересует их тогдашняя оценка всего этого...»

«А что там такого интересного?»

«Мне как-то случайно попался их учебник истории. Не знаю, уж как он попал в Харьков... Ну так вот. Суть дела в том, что там написано, что именно они победили во Второй Мировой Войне, то есть внесли самый большой вклад... И именно им мир обязан в спасении от фашизма».

«Как это так?»

«Так там было написано».

«Не пойму... Ну сравнили бы, сколько, где погибло. Сравнили бы силы. Да что там сравнивать? Советский Союз только потерял тридцать миллионов!»

«Им не надо ничего сравнивать. Просто им надо было убедить своих собственных граждан, что они лучше.

Они это и делали. А так ли это на самом деле, их уже не волновало. И переспаривать их бесполезно: когда человек в чём-то фанатичен, никакие аргументы тебе не помогут – пусть там будет хоть сто миллионов, тебя и слушать не станут».

«А у тебя кто-нибудь там погиб?»

«У кого из нас там кто-нибудь не погиб? Папа говорил мне, один мой родственник погиб под Курском, другой – дошёл до Берлина... Если бы не дошёл, меня бы здесь не было».

«А мой в самом начале попал в окружение под Вязьмой. Вот... Потом его, наверное, расстреляли... Точно не знаю, но живым он не остался».

«Если бы Россия воевала бы только во Второй Мировой Войне, это ещё было бы хорошо... А то у нас здесь всё разваливали десятками раз... Войн больше, чем мира».

«А Украина? Мне папа говорил, что я украинец».

«Миш... Ну что Украина?.. Россия, Украина, Беларусь – всё одна страна. У нас всегда были одни и те же враги. И воевали мы всегда вместе... Вот у нас группа названа в честь кого?»

«Богдана Хмельницкого».

«Да, а кто это?»

«Сань, ну что ты думаешь, я не знаю?»

«Ты скажи, кем ты его считаешь».

«Героем».

«Почему?»

«Ну, он погиб за свою страну».

«Он являлся подданным Речи Посполитой. Выходит, он повстанец?»

«Нет. Нет. За Украину он умер».

«Так вот не было её тогда. Получается он из состава одной страны эту территорию вместе с людьми вывел и ввёл в другую. Своей страны-то не было».

«Но люди же были, которые там жили. Он ради них это и сделал».

«Вот. Молодец. Он умер за людей. Он понимал, что лучше для этих людей. Это уже цивилизационные ценности. Запад и Восток... Украинцы же славяне, при том восточные, как и русские, как и белорусы. А для того, чтобы их приняли в Запад, для того, чтобы в Речи Посполитой и король, и магнаты признали их, как равноправных подданных, им, украинцам надо стать именно такими, как все на Западе... Это же невозможно. Невозможно взять и переделать сознание целого народа, нельзя переделать все обычаи и традиции, нельзя забыть всё то, что было «до». Нельзя забыть, сколько голов было сложено за эту землю. Такие вещи делают из нас людей, пропитывая собой. Именно поэтому Богдан Хмельницкий – национальный герой. Национальный герой – это тот, кто спасает нацию от исчезновения, растворения в слоях других на-

ций... Если бы, того, к чему он стремился, не произошло бы, Украина просто исчезла бы. Её бы просто не стало, потому что не может быть нации без лица».

Финал речи определил заместитель лидера группы Александр Зубрилов: «Вы тут всё о прошлом беседуете...»

Его голос звучал ещё громче шагов, продавливавших растаявший днём и заледеневший вечером снег. Такой снег сверкал под Луной ни чуть не хуже, чем под Солнцем, а при его проламывании производился шум чуть ли ни на километр. Вот и сильнее этого разносился его голос.

Через полминуты заместитель уже стоял у пункта дозора – небольшая возвышенность с тремя тополями и кучей кустов: место не идеально, но, по крайней мере, дорогу видно на десяток километров.

«Сань, я понимаю, что ты зам, – тихо сказал Ручьёв. – но это не значит, что чумы сделают вид, что ничего не было».

Зубрилов был и грустный и радостный одновременно: голос довольный, лицо – нет: «Сейчас они никого не услышат. Они все не здесь».

«А где? Все домой поехали? Им всё надоело?»

«Нет. Нет... Они просто все в другом месте, не здесь... У командира к вам персональное задание... Город Никополь знаете, где находится?»

«Тот, который у водохранилища? У которого N разбросал свои слюни и сопли?»

«Да. Так вот вам надо добратся туда и передать вот

это», – Зубрилов вручил Ручьёву конверт и продолжил: «Место ты знаешь. Сейчас там должны быть 77-ые».

«А голуби. Я знаю, у нас есть один, который туда летает».

«Эхх... Разобрался бы я с этим делом, откуда ты это знаешь... Нет, уже у нас его... Умер две недели назад».

«Что-нибудь особенное?»

«Да. Именно для тебя. Помнишь мы отправляли Никиту и Владимира в Макеевку?»

«Угу».

«Они мертвы».

Ручьёв отвернулся в сторону и, посмотрев на снег, взял его немного и растёр по лицу.

«Они геройски погибли... Судя по всему Владимир направил их по ложному следу. Всё в порядке, но чтобы было ещё лучше, надо доставить это письмо. К утру завтрашнего дня».

Ручьёв кивнул: «Да... Хорошо... Мы сделаем это».

Ручьёв был учителем Владимира; именно он учил его двигаться быстро и незаметно, стрелять точно и сразу, верить сильно и навсегда. Никого, кроме Владимира, у Александра не было, и них обоих была одна общая цель – Победа.

«Сань», – сказал Ручьёв уходящему Зубрилову.

«Что?» – не поворачиваясь, ответил тот.

«А куда нам идти потом?»

Заместитель понял, куда тот клонит и, не медля, ответил: «Если хочешь, иди к своим... Я бы на твоём месте тоже сде-

лал это».

Маки – люди свободные, вольные. Лидер только руководит ими; для того, чтобы делать атаки сильнее и организованнее; для того, чтобы собрать мощь в единый кулак; для того, чтобы победить.

Когда повстанцы действовали таким группами, они невольно обретали новых друзей, а потом их теряли, в бою, от холода, от всего, чего угодно. Когда повстанцу становилось совсем тяжело, он мог уйти в бой один. Просто напасть на чумов и погибнуть.

Это и называлось «идти к своим».

Мятежники

Шахта. Темно и сыро.

253-ей сомы больше нет. Остались только Георгий и Мария Волины, Анастасия Некрасова, Ирина Чахнова и Ирма Солнцева (последние две женщины из-за болезни отдыхали в 1-ом сеторе). Их добавили к 381-ой.

Группа Донецк-Макеевка – стратегический сектор, поэтому на замену погибшей сомы должны были прислать новую.

По внешнему каналу Гавриил узнал, что это 443-я сома с лесопилки группы Мелитополь. Ещё доложили, что они как раз собирались восставать.

У Горы была куча времени на обдумывание, но резервов не было вовсе. Не было возможности проводить комбинации: просто не из чего.

«443-я сома... Там же одни болгары... Нет, чумы всё-таки дураки... Надо ими быть, чтобы отправить болгар в стратегический для себя сектор... Если бы они хотя бы знали, что значит «болгарин»... Мятежник... Да, они мятежники, когда у них нет собственной страны, а сейчас её нет ни у кого... Фраза из записей о Русско-Турецкой войне 1877-1878 годов: «Болгары шли в бой как на праздник»... Нет, чумы всё-таки дураки... Ну прислали бы их после восстания??? Нет. Надо сейчас. Пусть восстанут здесь. Рядом с братьями-славянами.

Рядом с тем, кому они не безразличны. А после восстания шахта развалиться вместе со всем остальным... Нет, болгары, конечно, правы. И я бы с ними. И все бы с ними. Тем более, что не в первый раз... Но у нас здесь ещё ничего не готово. Ну восстанем мы, ну перебьём две-три буры... а потом что? Ничего... Может, переубедить их? Скажу: «Мы же братья. Вы нас любите. И мы вас любим». Это же правда... А они ответят: «Да, и мы все вместе ненавидим чумов». И это тоже правда... Они же не переубедятся. Они восстанут. А когда они восстанут, восстанет кто-то из наших, а, может, и все. И весь мой план на этом закончится. Нет, нельзя, чтобы они восставали...

Ладно... Что Сунь-Цзы? Из пяти явлений я ещё не рассмотрел *Небо и Землю**...

Болгары. Нет, невозможно рассуждать, когда на следующий день приедут те, кто хочет... Они просто хотят убить побольше чумов. Им всё равно, выиграем мы или нет. Получим свободу или не получим. Им просто хочется убить побольше чумов.

Сунь-Цзы сказал:

По правилам ведения войны наилучшее – сохранить государство противника в целостности, на втором месте – сокрушить это государство. Наилучшее – сохранить армия противника в целостности, на втором месте – разбить её. Поэтому сто раз сразиться и сто раз победить – это не лучшее из лучшего; лучшее из лучшего – покорить чужую

армию, не сражаясь.

Если бы болгары знали эту мысль Сунь-Цзы, они, наверное, задумались бы, стоит ли «восставать из принципа»... Правда после обдумывания этой мысли всё равно восстали бы.

Так, ладно... *Небо и Земля.*

Небо – это свет и мрак, холод и жар; это порядок времени. Тот самый порядок времени, который надо объяснить болгарам. Восстать мы восстанем, но тогда, когда будем способны победить. Способны получить свободу.

Земля – это далёкое и близкое, неровное и ровное, широкое и узкое, смерть и жизнь.

Иначе говоря, это все обстоятельства. И их все надо знать: сколько бур находится в каждой колонне, какова их общая численность, сколько времени им необходимо для того, чтобы добраться до всевозможных мест, каков состав их вооружения и так далее. Понятно, что это работа для Тихомирова, но ему нужно время.

Застряли мы на месте... Они пришлют вместо Манхра какого-нибудь головореза. И он накроет всю нашу компанию, все тайники, все выкрутасы с «выходом». Всё накроют, не задумываясь...

Хотя, если мы будем выглядеть как рабы. То есть как должны выглядеть в их глазах, они заменят его на лояльного. У них ведь и так куча мест, где ещё более беспокойно. Значит нам надо выглядеть как можно более спокойными...

Болгары... Опять упёрся в это: как можно выглядеть спокойно, если случается восстание. Да я бы сам на месте чумов после этого переубивал бы всех, кто есть на шахте и прислал бы других из разных мест... И это ещё я так думаю... Как же тогда думают чумы?..

Нет. Если мы восстанем, всё дело накроется».

Гавриил закрыл глаза и, как ни странно, тут же заснул.

И подобного сна он в жизни не видел.

Во сне движения казались неземными и на удивление управляемыми: мощными и точными.

Гавриил вошёл в очистительную – там с улыбками на лице работала его сома. Он пошёл в сектор погрузки и увидел только что прибывших болгар, таких довольных и жизнерадостных, словно этого момента они ждали всю свою жизнь. Все они были в красных одеждах и с автоматами Калашникова на ремнях за плечом. Все, как один, кроме командира. Тот в чёрном берете с золотистой звездой, и лицо его словно в тумане, и зам его такой же. И все кричат, все радуются.

Всё замелькало красно-золотистым цветом. И все замахали правой рукой – стальным кулаком, вверх: вольно и сильно.

Кто-то обстрелял вышку чумов. Противник поражён: болгары двинулись дальше, в тоннель, как раз мимо Гавриила.

А он не знает, что делать: так хочется присоединиться к восставшим. Одеть красные одежды, берет со звездой и, выбрасив мысли из головы, ринуться в бой. Пусть даже с голы-

ми руками, но в бой.

Нельзя. Нельзя. Поражение очевидно. Победа ещё не готова.

Гавриил так и остался у входа в тоннель. Все убежали – ни души. Но нет, слышен чей-то шёпот. Там, в углу.

Гавриил медленно обернулся. В двух метрах от него... прямо за ним стоит тот командир болгар, что мутным лицом и золотистой звездой.

Он жмёт руку чуму! Он улыбается! Но не так, как болгары. Не радостно и сильно. А жалко и слабо.

«Спасибо, – говорит чум. – Ты дал нам повод убить их всех. Убить Гору. Он опасен для нас. Он страшный человек. Из-за него мы могли проиграть».

Грохот из конца тоннеля и сразу тишина. Нет ни мерцания красного цвета, ни радостных криков болгар. И эта тишина сверлит, давит на уши. Она давит своей неизвестностью. Ничего нет, и нет сил терпеть это.

Большая фигура; фигура в тоннеле. Она постепенно приближается и несёт в левой руке что-то похожее на шар. Что-то странной формы. С него что-то капает.

Фигура ближе и ближе...

Это голова... Этот шар – чья-то голова. И с неё капает кровь.

«Мы достали его. Теперь Гора сам к нам придёт. Теперь он забудет все свои мысли. Теперь он проиграет», – тихо сказал чум своим и бросил голову вперёд...

Рафаил.

Сон закончился. Он просто не смог продолжаться дольше.

Гавриил лежал и пытался почувствовать красный мелькающий свет.

Ничего. Только темень.

Командир раскрыл глаза – почти та же темень, но с серым оттенком. Он повернулся к Рафаилу.

Спит вместе с Марией. В метре от них Волин. Все на месте. Ещё никто не восставал.

Когда болит сердце

Ручьёву не давали задание. Ему дали возможность сбросить гору с плеч; успокоить свою душу.

И он рвался это сделать. Ему и Михаилу надо было добраться до Никополя за день, а это 75 километров. Можно было бы попробовать по дороге через Радушное – Апостолово – Чертомлык, но там, очевидно, пара-тройка блокпостов и засад, так что посылка не дойдёт. Поэтому лучше по прямой, пересекая реки Каменку и Солёную. Времени немного, но на лошадях это, по крайней мере, возможно.

Ночь. 28-ое марта. Мороз вдарил под пятнадцать градусов. Метель сносит с седла. Странная погода для весны.

И, как ни странно, чистое, без облачка, Небо. Видны звёзды. Они мерцают и будят Небесную темноту. Время, когда не спит ночное Небо.

В звёздах есть что-то особенное. Их мерцание как-то давит на нас. Они смотрят на нас и влияют. И каждая двигает что-то своё внутри нас. И их там тысячи и больше.

Чёрная материя, а среди неё маленькие пятнышки золотистого света. Ни светятся до бесконечности, светят вокруг и везде. Это главная особенность звёзд. Они светят на всех. Каждому показывая своё свет, свою силу, каждому заглядывая в глаза и в душу, каждому проталкивая путь в нужном

направлении. И лишь немногие верят им.

Лошадь Александра не обращала внимания ни на звёзды, ни на их давление. Её не интересовало ни то, ни другое. Хотя какая-то звезда, возможно, сейчас тянула её то направо, то налево. Лошадь мчалась, думая только о дороге. Александр, думая о звёздах: «Володь, ты, наверное, уже где-то среди них. Теперь они светят тебе прямо в глаза, и тебе не надо отворачиваться в сторону, чтобы не ослепнуть. Теперь ты можешь задать им любой вопрос и не сомневаться в том, что тебе могут не ответить. Теперь они обязательно ответят. Ты, конечно, спросишь, станем ли мы когда-нибудь свободными. Они, конечно, ответят тебе. Но зачем тебе их ответ. Ты ведь его и так знаешь. Ты сам теперь знаешь, чего могут люди... Звёзды скажут тебе, чего могут люди. Конечно, они скажут. И Ты, конечно, поверишь им. Звёзды не врут. Звёзды могут не отвечать, но они всегда говорят правду. Они же звёзды. Они здесь всё придумали».

Раздался ржач, а затем топот копыт по сухому, только что выпавшему снегу прекратился.

Александр остановил движение и обернулся назад: Миша всё ещё катился вперёд, слетев с подвернувшей ногу лошади.

Несмотря на мороз, задание таяло на глазах.

«Миша, как ты?» – сквозь бурю крикнул повстанец.

«Нормально», – поднимаясь, ответил тот – его скакун барахтался как обречённая на смерть.

«Назад доберёшься?» – минуя целые ряд вопросов спро-

сил Алекчандр.

«Сань, ты один не справишься!»

«Счастливо», – он не стал дожидаться, пока Михаил по-прощается с ним, пока он помашет ему в дорогу, пока по-просит поменяться с ним местами (Михаил хоть и моложе, но легче переносит морозы), а сразу рванул вперёд – теперь он один.

Звёздное Небо. Метель усилилась; снег мчался уже сплошным потоком – стеной. А звёзды светили ещё сильнее. В их свете есть что-то уникальное и не поддающееся человеческому восприятию.

Одни светлее, другие темнее. А иногда одна и та же звезда и светлее, и темнее в разных промежутках времени. Смотришь на одну звезду сегодня. Завтра смотришь на неё же, на то же самое место, совершенно точно знаешь, что это то место. Но звезда другая. Как это объяснить?

Должно же там быть что-то такое, не поддающееся восприятию человека.

Древнейшие думали, что Земля плоская, а Небесный свод прочно крепится наверху. За ним горит огромный костёр, но его не видно из-за прочной и непроницаемой материи свода. Лишь через дырочки свет от костра проходит на Землю. Эти дырочки и есть звёзды.

Древние поняли, что из себя представляют и Земля, и Солнце, и Луна, и звёзды. Изучили множество космических тел. Даже побывали кое-где.

Но лишь малая часть и из тех, и из других осознавала важность всех этих вещей.

Хотим мы или нет. Знаем или не знаем. Видим или не видим. Звёзды оказывают на нас влияние. И сейчас Александр точно знал: звёзды помогают ему.

Степь. Когда снег покрывает её, кажется, что это бесконечное белое море. Когда снег носится по ней, кажется, что это «бесконечнобушующее» белое море.

Лошадь лезла через это море, пробивая встречные потоки ветра и ровную белую гладь.

Это ночь, и если к рассвету добраться до Каменки, можно считать, что всё идёт как должно.

Меня спас чум

Сестра-чум Ананхр прибыла в сектор Донецк-Макеевка поздно ночью. Её появление ничем не отличалось от обычного приезда новой буры. Чумы успешно пользовались железными дорогами, но для того, чтобы развить этот транспорт им (вернее людям, которые выполняли эту работу) потребовалось семьдесят шесть лет. Дело в том, что чумы по своей природе боялись Солнца, и почти сразу после завоевания у них начала развиваться аллергия.

В случае долгого (более двух часов) нахождения на открытом пространстве без специальной защиты (уплотнённый костюм, созданный на основе ОЗК* времён Холодной войны), у них начинались припадки, затем прекращалась выработка слизи (той самой, которая выделяет жуткий запах), после чего наступала смерть. И в общем, с момента появления на открытом воздухе чуму оставалось жить примерно три с половиной часа.

Сама же аллергия развивалась лишь у тех, кто хоть иногда появлялся на поверхности. И в первый период рабства людей их тоже не выпускали на поверхность, чтобы не приходилось и выходить самим. Выяснилось, что уже человек без Солнца не может, что он просто умирает. Поэтому пришлось выделять время для вывода людей наружу, так что победить

аллергию чумам так и не удалось.

Но, как бы то ни было, в транспорте особое значение придавалось тоннелям. Они считали, что убивают двух зайцев сразу: нет ни Солнца, ни маки.

Что касается добывающей промышленности, располагающейся под землёй, то их тоннели не соединялись с теми, что соединяли поверхность – каждая группа было изолирована от всего остального. И сделано это исключительно из интересов безопасности Империи. Для того, чтобы засекретить данный факт, чумы решили пожертвовать скоростью доставки, ведь для того, чтобы переправить груз, его надо было поднимать на поверхность, затем перегружать на надземную ветку, которая в свою очередь перевозила его к основным путям, где груз перегружали ещё раз.

Сотрудницу СЧК, приехавшую на составе из четырёх вагонов, встречали Принхр, руководивший группой до неё (завербован СЧК три года назад), и Рунхр (завербован СЧК полгода назад, в связи с угрозой расшифровки предыдущего агента), его помощник, а также пятеро тяжеловооружённых чумов из 43-ей буры Чёрного Камня.

Стоило Ананхр выйти из вагона, как все пообалдевали: для чумов она была просто красавица. Понять красоту чумов сложно, но у встречающих появилась куча задних мыслей ярко выраженного характера.

Она спустилась на землю, и тут же подошедший Принхр, приложив левую руку к правому локтю, склонил голову и

выразил доброжелательность: «Сестра-чум, мы рады вас видеть».

Анахр ничего не ответила, а двинулась к входу в здание: обычно в таких ситуациях она спрашивала, где кабинет карака (здания хоть и типовые, но внутренняя расстановка редко соответствует стандарту – так им легче воровать), но здесь ей было всё известно.

Взгляды за ней устремили все. Стандартная кожаная форма эсчекиста-женщины в любом её варианте (будь то повседневная или парадная) обязательно включала юбку (у чумов давно не помнили, отчего пошёл этот закон, но невыполнение его каралось смертью независимо от ранга, собственно, как и наоборот, мужчине носить это запрещалось так же строго, как разрешалось женщинам), и её длинные ноги привлекли внимание не меньше, чем то, что было сверху.

За ней из вагона последовала целая группа охраны – 9-ая, 18-ая и 42-ая буры СЧК: 90 чумов.

Принхр осторожно пристроился к ним, Рунхр попробовал сделать то же, но его чуть не сбили с дороги: подразделения СЧК отличались особой невежестью к своим, ведь наказать их мог лишь вышестоящий сотрудник СЧК. А вышестоящий сотрудник СЧК вытворял иногда вещи и похлеще (например, один из таких начал шантажировать не особо влиятельного карака; это продолжалось довольно долго, пока тот не сообщил ещё более высокому эсчекисту; тот всё узнал о шантажисте, затем убил его, получил награду за это, и занял

его место; тем самым карак получил ещё более опасного «хозяина»). Сама возможность у чумов значила всё.

Войдя в кабинет, Ананхр немного возмутилась, во-первых, тому что кресло карак всё в красной человеческой крови, и, во-вторых, что рядом с окном валялся несдвинутый с места Манхр.

Она подошла к столу и порылась в нескольких ящиках. В первом, самом верхнем, оказался пистолет «Гюрза» (конструкция Алексея Юрьева) с выгравированным на нём именем «Манхр» – наградной, такой давали только за исключительную преданность перед Империей. Во втором вовсе ничего. А при открытии третьего в проёме показался Принхр. Перед ним стояли двое чумов, но, поскольку дверь давно была выбита, всё было видно и так.

«Он украл все документы», – возвестил Принхр.

Ананхр подняла свои тёмно-фиолетовые глаза и стала ожидать продолжения.

Которого не последовало.

«Так, где же они?» – спросила Ананхр.

Тот незнающе пожал плечами: «Я же уже сказал, он украл их».

«Вы поймали его?»

«Да».

Сотрудница СЧК снова каверзно впиалась в глаза собеседнику, мимикой задавая свой первый вопрос.

Ответа снова не было.

«Дайте ему войти», – спокойно приказала она охране.

Принхр наконец вошёл внутрь. Его движения шли уверенно, но с учётом субординации. Глаза хитрили, но старались это не показывать.

Ананхр приблизилась к нему и, улыбнувшись и подмигнув, всадила пощёчину. Тот чуть не свалился, шокированный раскрытием собственного «я».

«Ты долго собираешься держать меня за дуру?» – продолжая пребывать в спокойствии, сказала она.

Виноватый и не думал смотреть на неё: «Я вообще был в шахте в это время...» И тут же получил новую, уже сразившую наповал, пощёчину.

«Пятый. – скомандовала Ананхр. – Ударь его как следует».

Один из охранявших вход чумов, сдвинувшись со своего места, вмазал по распластавшемуся на полу Принхру. Пятый хотел улыбнуться, делая это, но боялся за поплатиться «своим валянием по полу».

«Я не знаю! Не знаю. – чум тут же разговорился. – Наверное, он их куда-то выкинул. Там ищут. Чёрт их дери, не я виноват, что они не могут найти». Он врал и вспоминал, как жёг все эти газетёнки и журнальчики, в которых, конечно, можно было найти и его, и большинства расквартированных здесь чумов элементы казнокрадства.

Если бы те бумаги сравнили с официальными данными службы добычи, его бы расстреляли, а дело об убийстве ка-

рака передали бы в шестой отдел СЧК (внутренний отдел: те чистят начисто, то есть до того момента, пока никого не останется).

«Подними его и брось в стену», – хладнокровно сказала Анахр.

Несмотря на достаточно высокий чин Принхра, его высказывания и оправдания, пятый выполнил приказ.

В стене образовалась небольшая вмятина, а сверху посыпалась пыль и кусочки штукатурки тускло-серого цвета.

«Где документы?» – в очередной раз спросила Анахр.

Виновный уже и не знал, что бы такое ответить, чтобы в очередной раз не получить.

В проёме показался Синхр, начальник сгруппированного из трёх бур СЧК подразделения, со словами: «Всё готово». Это означало, что все, кто находился на поверхности должны быть помещены в так называемую «изолированную сторону» здания – верхний правый угол второго корпуса; там располагался зал собраний членов Партии Чёрного Камня (то есть всех чумов, считающихся гражданами). Оттуда чумов брали по одному для допроса: если допрос показывал «благонадёжность», чума отпускали на бывшее место службы, если нет – направляли в ж/д состав. Состав переправлял их к основной ветке путей, дальше – к ближайшему центру СЧК – Кривой Рог.

(Городок Зализничное Виктор Хмельницкий выбрал не случайно: самое безопасное место от врага, и есть рядом с

самим врагом. Виктор знал, что в Кривом Роге существует центр чум, но не знал какой именно. По иронии судьбы там обустроились эсчекисты.)

Теперь времени у Принхра совсем не осталось.

«Ты будешь говорить?»

Чум не знал, не представлял, что ещё можно говорить.

Ананхр вынула из верхнего ящика «Гюрзу» и всадила в Принхра три пули, затем подошла к давно убитому Манхру и вложила в его левую руку пистолет (о том, что он левша она знала уже месяц).

В принципе, данная комбинация являлась перестраховкой. Принхра можно было расстрелять и официально в центре, но сделать это сейчас было несколько удобнее с её стороны. С виду выглядело, что изменник Манхр по своим корыстолюбивым причинам убил своего помощника. Документы украдены маки, так что возиться не с чем даже 6-ому отделу: на то, чтобы приехать в сам Донецк-Макеевку у них нет санкции, а 9-ая, 18-ая и 42-ая буры СЧК собраны из узкого круга лиц, так что проверить кабинет карака им не удастся. А что касается свидетелей, то чумы вроде Синхра хорошо знали иерархическую систему СЧК – рассказывать о преступлениях вышестоящего по рангу опасно для самого себя – чтобы доложить на того, кто повыше, надо сообщить тому, кто ещё выше; это называется перешагивать через ступеньку, что такая система не любит.

Тёмная комната, и лишь маленький освещаемый круг посередине. Внутри круга маленький деревянный стул. Эсчесты допрашивают не так как обычные чумы.

На стул усадили молодого человека, одетого в серый полуразорванный комбинизон. Лицо его казалось глупым и простым: эффект создавала низкая губа, сильно выпирающая вперёд. Достаточно маленькие руки выглядели беспомощными и бесполезными, а повреждённое кем-то плечо создавало видимость того, что и всё остальное столь же хрупкое.

«Имя», – выстрелил чей-то голос из глубокой тишины.

Человек сидел, немного согнувшись и перекрестив ноги у лодыжек. Его голос словно покорялся окружающей обстановке и грозному голосу.

«56138684Б2», – ответил человек.

«Что ты здесь делаешь?»

«Выполняю работу. Карак направил меня сюда. Я мою пол. Чищу стены. И...»

«Кто выбрал на эту работу?»

«726629А1»

Наступила тишина. Спрашивающие чумы проверяли номер – Павел Пожарин.

«Где ты был, когда убили карака?»

Человек сосредоточился, открыл рот и начал выбрасывать из себя слова: «Я. Я. Я не знаю, когда убили карака».

Голос снова немного помедлил, рассматривая действия человека; тот заметно нервничал и вертел головой по раз-

личным сторонам темноты, но не слишком активно.

«11:16 утра».

«Я не знаю, сколько это...»

«Ты слышал громкий хлопок утром?»

«Да. Да».

«Где был в это время?»

«Я чистил стену рядом с подъёмником... Это... рядом с переходом из...»

«Потом что ты слышал?»

«Все начали кричать... Эээ... охранники... куда-то побежали...»

«А ты что?»

«Я... Я чистил стену».

«Имя», – выстрелил голос.

Человек хотел было ответить «Иван», но не успел, откуда-то из угла послышался спокойный, даже нежный голос, но с каким-то чумным акцентом: «Нет. Нет. Достаточно вопросов...» Послышались шаги и спустя несколько секунд из темноты выступила Анахр. Как только она увидела этого человека, ей сразу пришла в голову мысль о перспективе его использования в деле контроля шахтёров. Прежде всего она видела в его лице непонимание многих, даже исключительно простых, вещей, затем верность. Во время обучения в академии СЧК Анахр отлично дали понять, насколько верны могут не особо замысловатые люди: достаточно что-нибудь им чётко вбить в голову, и ничто другое туда уже не влезет.

Этого человека Гавриил отправил на поверхность, давая указания во всю использовать эту черту своего лица. Ещё древнейшие учили, что разведчик, засылаемый на территорию противника, должен обладать дальновидным и осторожным умом и прямо противоположным этому лицом. Таким был Тихомиров.

Он сидел и слушал идеологическую обработку Ананхр, а внутри прокручивал свои предыдущие действия: мастерски сыгранные ответные реплики и один эпизод, который его чуть не провалил. Стоило ему сказать своё имя, а не номер, и чумы убили бы его на месте. Сейчас Ананхр спасла его, но, если бы она услышала «Иван» вместо номера, в комнату допроса вели бы уже другого. Тихомирову повезло, и сейчас он внутренне раскатился смеялся этому: «Меня спас чум!»

На воре и шапка горит

Болгар встречала 42-ая бура СЧК. Прибывшие с лесопильни не были в красных одеждах, и командир их вовсе не в чёрном берете. Вроде всё как обычно, но что-то не то. Нельзя сказать, что именно, но что-то есть.

Их сразу включили в работу: к месту погрузки из сектора очистки уже доставили полтонны угля.

Командир болгарской 336-ой сомы, Виктор Валиков тут же дал всем указание на работу, а сам принялся смотреть.

Спустя три минуты пришёл Гавриил Железнов. С утра он не был под впечатлением своего сна, но стоило ему увидеть лицо Валикова: какое-то всё искарёженное и искажённое неведомой болезнью, и все опасения вернулись назад. Вид революционера, а в глазах никакого волевого стремления. Факел без огня. Революционер без факела. Такой зовёт людей вперёд, а сам стоит в стороне.

«Меня зовут Гавриил», – представился командир 381/253-ей сомы.

«Виктор», – ответил тот, не проявляя никакого интереса.

«Я командир 381-ой сомы», – Гавриил попытался внести каплю ясности в разговор, давая понять, что он не просто так пришёл.

Валиков попробовал сделать почтительный вид, но у него

это не получилось: «Очень приятно». Его глаза думали о чём-то другом: здесь его не интересовали ни его подопечные, ни чумы, ни работа – его интересовало что-то, что находится где-то на другой планете.

В ситуацию вбился, вернее вбилась, как клин, его зам. Гавриил уже мечтал увидеть зама у «такого» революционера, и ей оказалась довольно приятная, даже красивая, женщина. Она улыбалась, делала вид, что ей важен каждый шахтёр, создавала впечатление, что она им нужна, а не наоборот. И всего этого в действительности не существовало. В новом человеке она видела потенциального союзника, которого в случае чего можно будет ловко бросить. Подчинённые представлялись ей хорошим защитным щитом, на который в случае чего можно будет всё удачно свалить. А взоры её, хоть и не были в том же, что у её начальника, направлении, но простирались столь же далеко, словом на другую планету №2.

«Юлия Грнифенко», – приятно улыбнулась она.

«Она их всех и угробит», – подумал Гавриил и представился ей тоже.

«Вы что? По какому-то делу?» – продолжила Гринифенко, в то время как Валиков в своих мыслях обитал уже недалеко от Луны.

Гора видел их слабости и их желания. То, что отговорить их от восстания мотивацией бесполезности не удастся – они сами чётко знали, что толку от этого не будет, им нужно было что-то другое.

«Им нужна не Свобода. – говорил про себя Гавриил. – Им нужно то, что нужно им. Они не страдают за своих подчинённых. Они не хотят их сделать счастливыми. Их это не интересует». Ему стало понятно, что они поднимут восстание в любом случае, и единственное, что можно от них получить, так это немного времени.

«Да, я по делу. – объяснился Гавриил. – По поводу вашего восстания».

У Гринифенко глаза полезли на лоб, а Валиков «парашутировался» на Землю. Гора не продолжал свою речь, просто ждал их реакции. Они молчали. Затем, переглянувшись друг с другом, изобразили вопросительную пантомиму, вылившуюся в слова зама: «Кто вам это сказал?»

«Ой, давайте мы не будем заниматься ерундой... – кивая головой, вывел Гавриил. – По мне что, не видно, какие у меня намерения? Так что сделайте одолжение, поломайте комедию перед чумами. У меня серьёзное предложение».

Гринифенко изменила выражение лица, но до конца решила этот факт ещё не уступать: «Какое предложение?»

Теперь Гора мог вертеть любые фразы – его собеседники заинтересованы в абсолютно определённом варианте развития событий направленностей «предложения».

«После взрыва, о котором вы, наверное, уже слышали погибли почти все, кто был рядом. Примерно триста человек. Мои люди разгневаны этим. Я считаю, время пришло... Но для того, чтобы всё устроить... Вы понимаете, да?» – сыграл

он на уязвительной для них ноте, отчего те закивали.

Гавриил продолжил: «Вот. Мне нужно время».

Разговор закончился достаточно удачно: удалось получить главное на данный момент – время.

Командир «ударной» сомы двинулся к своим, размышляя о том, что же всё-таки на самом деле нужно Валикову и Гринифенко. Что они такого особенного могут получить от этой самой акции. Понятно, что гибнуть они там не собираются, но после этого они потеряют власть хоть над кем-то. Они останутся одни...

Последняя мысль интересным образом вклинилась в рассуждения. «Они останутся одни. – подумал Гавриил. – Вернее единственные, кто выжил... Но для чумов они будут мертвы. Чумы не станут пересчитывать их и тем более сравнивать номера. Хотя эти двое, скорее всего, натянут на погибших свою одежду. И тогда, чтобы понять, кто убит придётся смотреть лица... Нет, ну у Валикова хоть и примечательное лицо, сомневаюсь, что кто-то из чумов сможет различить его с кем-нибудь другим».

В общем-то, смысл понятен, но не до конца: на воле тоже деваться некуда, только маки. Может быть, они как-то договорились с ними?

Пока удалось отодвинуть восстание на два дня, что делать потом, разберёмся. В любом случае, восставать, не согласовавшись, они, по всей видимости, уже не будут. Теперь они считают, что можно свалить всю вину восстания на «третье

лицо» – другого командира. Нужно это им, вообще говоря, только для перестраховки – мало ли как именно они договорились с маки или с кем-то ещё. К тому же в качестве помощи Гора пообещал им пять автоматов.

Удостоверившись в том, что с работой всё в порядке, Гавриил направился в 1-ый сектор, проверить спрятанное позавчера оружие.

«Да нет, как они могли договориться с маки? – подумал Гавриил. – Чтобы Валиков договорился с маки? С Хмельницким он договорился? Не поверю я в такое. А Гринифенко вряд ли способна вообще с кем-нибудь договориться. Её лицу не поверят. Её глазам не поверят. И кто же поверит ей самой, учитывая всё это... Они договорились с кем-то другим».

Добравшись до места, Гавриил стал потихоньку добираться до правды, но теперь предстояло немного покопаться.

Тайник представлял собой закрытое дощечкой и зарытое землёй углубление в стене санитарного угла. Санитарный угол состоял из ряда душей и нескольких кабинок туалета. Как бы чумам ни казалось, но против существования подобных кабинок они не выступали.

Что касается тайников, то их можно было и не делать – чумы всё равно никогда не заглядывали в 1-ый сектор. Но никто судьбу не испытывал: книги просто закапывали в землю, в основном там, где спали сами, а об оружии и говорить нечего – прятали из принципа.

Перерыв кусок стены, Гавриил увидел то, что ему пришлось не по душе: автоматов лежало только четыре. А он точно помнил, что их было пять. Сколько обойм исчезло и исчезло ли вообще определить было нельзя, но одного АК-74 точно не хватало.

Земля вздрогнула. Издали грохнул звук взрыва. И стало тихо.

Верящий и любящий

Затемнённая отсутствием света фигура медленно продвигалась по широкому и протянутому через всё здание коридору. На слабых лучиках отблескивал автомат Калашникова.

Где-то в самом конце прохода мыл пол человек в рваном комбинезоне. Со временем на каменно-керамическом полу появлялись блики даже при подобном освещении. Человек тщательно и упорно делал свою работу.

Послышались тяжёлые неуклюжие шаги.

Фигура замерла в чернеющей пустоте тени. Человек, ничего не меняя, продолжал водить тряпкой то вправо, влево.

Через несколько секунд из-за угла вышел беспечный, но немного уставший от чего-то прошедшего навсегда чум и двинулся вниз по коридору: вдаль от человека и напрямую к фигуре. Человек за спиной его вовсе не интересовал, не существующая ни в чьём сознании тень у самой стенки тоже. Миновав тень, чум скрылся за нужным ему углом.

Фигура столь же осторожно двинулась дальше. Где-то неподалёку должен быть склад. О нём ничего неизвестно, кроме как то, что он на поверхности, то есть в этом здании.

На следующей двери был нарисован зачёркнутый треугольник. Собственно, это ничего не говорило. На прошлых встречались и квадраты, и круги, и зачёркнутые, и подчёрк-

нутые, и ещё Бог знает что – в итоге никаких складов.

Ручка этой двери, как и все предыдущие, являлась серой и обшарпанной и поворачивалась также – с трудом и без толку. Но дальше всё пошло немного по-другому – раздался скрип. И он, как будто застрял в ушах. Но никто не отреагировал на это: человек вдалеке не обращал внимание и делал свою работу.

Фигура решительно распахнула дверь, издав при этом достаточно тихий звук, и проникла внутрь. Закрывшись, помещение потеряло хоть какой-то свет.

Чернее ночи.

Подождав примерно полминуты, ни тишина, ни темень своего состояния не изменили. Пальцы щёлкнули на рычажке на стене, и зажёгся свет.

Рафаил улыбнулся – это склад.

Весьма просторное помещение: широкий зал и небольшая комнатка в самом конце. Вдоль правой стены частично аккуратно, частично небрежно разложены мешки и несколько висячих полок с консервными банками и где-то даже с икрой; вдоль левой – лотки, полки и шкафчики с разными видами вооружения пехоты: в самом конце всего этого даже противотанковое ружьё «Копьё».

Рафаил ступил вперёд, почувствовал, что это громко, и сделал следующий шаг ещё тише. Ему казалось, что у чумов нюх на такие случаи. Что чум почувствует, когда человек окажется здесь. Что чум по своей природе не может поз-

волить человеку узнать то, что еды хватает, что людей можно кормить гораздо лучше, что жизнь людей можно облегчить, что всего этого нет исключительно из-за внутреннего уклада чумов.

Горняк приблизился к правой стенке, совсем осторожно и неторопливо, и в этот самый момент почувствовал, что что-то существует рядом. Каждая клетка его тела кричала об этом. Внутри, прямо в сердце, неведомый неслышимый голос шептал: «Смерть совсем близко».

Рафаил не вздрогнул, не забеспокоился. Собственная смерть вообще его не интересовала: ни сейчас, ни позднее. Ему лишь надо было накормить жену и весь остальной человеческий мир.

Сзади него, в двадцати сантиметрах, скрипнул пол.

Мысли, сомнения, раздумья – всё вылетело из головы в один миг. Рафаил рывком развернулся, готовясь дёрнуть за спусковой крючок.

Автомат выбился из рук, и тут же в шею воткнулась чумная рука. Чанхр злостно и жадно сдвинул лапу и потянул её вверх.

«Это ж надо, – думал Рафаил, пока чум держал его на весу. – Чум подобрался ко мне незаметно. Да он весит полтора центнера... Что со мной было?»

Чум отбросил горняка в дальнюю, разделяющую комнатку от зала стенку и двинулся вперёд.

Отлетев от стенки и приземлившись на спину, Рафаил

перевернулся на живот и начал упорно подниматься вверх. Где-то глубоко в шахте ждёт жена. Из-за взрыва никаких свадебных мероприятий не получилось (обычно молодожёнов поднимали на руки и держали так, пока священник освещал их брак): возлюбленные просто заснули, а проснулись мужем и женой.

«Жена – это прекрасно, верил Рафаил, выплёвывая кровь и цепляясь за дощатый пол. – Это, в общем-то, тот же я, но другого рода. С ней я могу говорить о чём угодно, ей я могу смотреть в глаза и видеть любовь. Она всегда пожалеет, когда мне будет плохо. Она всегда думает обо мне. Она сделает всё возможное и невозможное, чтобы у меня всё было хорошо... И я сделаю всё это для неё».

Чанхр вдавил свою ногу в спину ещё лежащего Рафаила. Чум опёрся на него и покрутил лапу сторону. Затем подпрыгнул и врезал в спину ещё сильнее.

Внутри, у самого основания всего организма, что-то хрустнуло. Некоторые позвонки сдвинулись со своего места, часть из них рассыпалась на мелкие части. Боль куда-то пропала. И не только боль. Все ощущения, кроме зрения, исчезли.

Рафаил потерял пространство: что вокруг происходило потеряло значение. Осталась одна единственная мысль о жене. Она скоро родит. Скоро будет ребёнок.

Нечеловеческая сила задвигала Рафаилом. Он упёрся рукой в пол рядом с животом, подтянул колено, поставил мы-

сок и устремился вверх. Суставы почти не двигались, но движение происходило только вверх. Вот он поднялся на колени, выпрямил спину и, выждав долю секунды, поставил ногу с колена на ступню. Затем, поднявшись ещё немного, поставил вторую ступню. Оказавшись на ногах, Рафаил повернулся в сторону отгороженной комнатки.

Чум стоял там и рылся в каком-то ящике; что-то внутри интересовало его гораздо больше, нежели беспорядочные шарканья сзади. Он не верил, что человек способен что-нибудь сделать после такого.

Шарканья следовали одно за другим. Короткий последовательный звук. И какой-то нескончаемый как часы, только звучит немного по-другому.

Чанхру стало смешно. Он подумал, что этот обезумевший человек от удара вовсе сбрендил: лежит и барахтается на полу. Словно от этого что-то будет.

Но звуки сделались сильнее. Сильнее и сильнее. Последовательнее и последовательнее. И вдруг остановились. Замолчала даже тишина.

Чанхр прислушался ещё сильнее. Ничего. Ни шарканья, ни дыхания, ни ударов сердца.

Половина непонимания и половина беспокойства. Чум развернулся назад.

Зрачки, расширенные до самого края радужной оболочки. Бездонные и непроницаемые они съедали своего противника. Из рта по красным губам капал кровь. Руки не тряс-

лись: они сжимали оружие. Снизу прямо в глаза смотрело дуло пулемёта.

Открыв рот Рафаил сказал первое, что пришло на язык: «Твой здоровье» и плавно лёг пальцем на спуск.

Пулемёт взорвался громом и, выпустив строй пуль и взмывшись ввысь, изрешетил зверя.

Рафаил опустил оружие и повернулся направо, к полке с едой. Он подошёл поближе, чтобы разглядеть написанное на банке – «Лососевая Икра».

«Нет, совсем не важно, что ей есть, – подумал муж. – Лишь бы ей было хорошо».

Рафаил закрыл глаза и увидел свою суженую. Она стоит, улыбается, смотрит на него, говорит: «Я тебя люблю». Прикасается к его щеке кончиками своих пальцев, и он понимает, что он счастливый человек.

«Мария, – тихо сказал Рафаил. – Я тебя люблю».

Горячее сердце

Уже светло. Снежный покров простирается на необъятные просторы. К реке Солёная подъезжал измученный, но полный воли Александр Ручьёв.

«Сейчас двадцать восьмое марта, – подумал он, глядя на заледеневшую реку. – С какой стати такие морозы? Какая-то январская погода... Снега намело...»

Стоило этим мыслям вырваться наружу, как вдруг срочно потеплело: ветры дуть перестали, Солнце засветило пуше прежнего, температура повысилась градусов на десять разом.

Оглядев всё окружающее и ещё раз взглянув на реку, повстанец проявил свой внутренний оттенок иронии: «Не хватало ещё и провалиться... Ледовое побоище номер два... Нет. Ледовый маки номер один».

Каменка была пройдена ночью, там проблем не было: даже если бы лёд и был тонким, при таком сильном морозе всё равно бы не сломался – просто крепче.

Река Солёная. Александр слез с лошади и медленно пошёл вперёд. «Надеюсь солёной её назвали не по вкусу», – чуть ли ни вслух сказал Ручьёв. Он где-то слышал, что из солёной воды получается гораздо более хрупкий лёд, чем из пресной.

Шесть ног целеустремлённо ступали на свежий пушистый

снег: раздался ласковый скрип. Когда снег скрипит при таком шаге, это приятно ушам, это приятно душе, ведь это природа. Сейчас каждый такой скрип проносился в ушах и следовал дальше по всем нервным окончаниям Александра. Что последует за следующим шагом?

Русло, впрочем, не такое уж и широкое – пятнадцать или двадцать метров. Не Днепр. Повстанец вспомнил, как он с Владимиром переходил замёрзший Днепр в районе Каневского водохранилища, к юго-востоку от Киева. Вообще Днепр на всём своём протяжении имеет целый ряд водохранилищ: Киевское, Кременчугское, Днепродзержинское, Каховское. Ручьёв слышал, что Волга и больше, и полноводнее. Он верил этому, но Днепр его уже покори́л. Днепр – та река, где самые первые славяне объединялись, воевали, жили. И у них был центр. Древний город Киев. Поляне, Древляне, Дряговичи, Северяне, Кривичи, Вятичи, Уличи, Радимичи, Тиверцы, Белые Хорваты, Дулебы – вот те союзы племён древних славян. И это только основные. Пле́мён были сотни. И все они стали со временем под главенством Киева единым.

*«И кто убо не возлюбит Киевъскаго княжесня, понеже вся честь и слава и величество и глава всем землям Русским – Киев! И от всех далних многих царств стихахуся всякие человеки и купци и всяких благих от всех стран бываше в нём...»**

Русские, Белорусы и Малоросы. Нет не украинцы... И кто придумал так называть тех, кто живёт в Малороссии. Это

ведь от слова «окраина». Да какая окраина в самом сердце? Киев – «*Мать русских городов*»*.

Мы всё время жили вместе, и мы одна семья.

Александр думал обо всём этом и шёл вперёд: сейчас ему не надо волноваться за объединения славян, сейчас ему надо делать всё, чтобы сохранить их этническое существование.

Была пройдена примерно половина пути. Ступни плавно входили в гладкий снег: звучал всё тот же приятный хруст.

Громадное количество лучиков Солнца засверкали на белой глади. С виду ничего не изменилось, но как будто что-то треснуло.

Ручьёв закаменел, его лошадь тоже. Он прислушался всеми своими нервами ко льду и реке Солёной. Его глаза не шевелились, боясь закрыть своим движением искомый звук. Всё затихло вокруг.

Скрежет звенел в ушах. Он распространялся везде: и под водой, и на земле, и в воздухе. Лёд зашумел и содрогнулся. Повсюду пошли трещины.

Александр, подтягивая за собой скакуна, рванул вперёд. Снег до сих пор казался столь же ласковым, но лёд. Лёд трещал и проламывался везде.

Преодолев несколько метров, повстанца зацепило и повалило на землю что-то тяжёлое, что-то сзади. Он обернулся и увидел свою лошадь, возившуюся в сломленной яме. Вода и лёд – всё летело в стороны. От невероятных ударов копыт о края льдины окружающее представало ещё более душераз-

дирающим. Лошадь обречена на холодную смерть.

Александр, кивнул головой, простился со своим другом и побежал дальше. Тонкий растаявший лёд вертелся с места на место и казался теперь каким-то лютым зверем, поджидавшим свою добычу.

И вот до берега осталось всего каких-то два метра... И в следующий шаг лёд под ногами рухнул, удалился в глубь. Ручьё попал в воду.

Сложно описать состояние ледяной воды. Во-первых, дыхание ускоряется до собственных пределов. Сердце бьётся как при первой встрече с любимой. И это во-первых. Во-вторых, конечности. То, что в воде в первые мгновения перестают слушаться: дрожит, двигается, но не слушается. Но через пару секунд всё нормализуется.

И этот момент наступил. Александр уцепился за самый дальний для себя кусок поверхности и подтянулся вперёд – теперь главное, чтобы лёд не сломался ещё раз, уже при выходе из воды.

Но именно это и произошло.

Твёрдая гладь сломалась. Тоже и во второй, и в третий раз. Полтора метра до берега!

«Я должен доставить это письмо»№ – вскричал в уме повстанец и принялся долбить и пробивать всё, что мешало ему добраться до цели.

Руки покраснели и немного замёрзли, костяшки поцарапались, и потекла кровь. Бесконечная белая гладь станови-

лась красноватого цвета. Красный – цвет Победы.

Всё немело. Берег всё ближе. Куски льда и мокрый снег разлетались в стороны. Александр стремился вперёд, остальное его не интересовало.

После продолжительного упорства Ручьёв выбрался на сушу. Твёрдое пространство, но такая же белая гладь. Вокруг хоть и солнечно, но холодно. До Никополя осталось примерно двадцать пять километров.

«Двадцать пять километров мокрым и при такой погоде, – шептал сам себе повстанец. – Нет, не это, конечно, возможно... Но только, если Иисус совсем близко. Ведь я должен дойти до конца».

Идти было тяжело, поэтому Александр побежал. Одежда прилипла к телу, со сторон поддувал ветерок, вокруг полным-полно снега. Как правило, для того, чтобы замёрзнуть насмерть этого достаточно. Только не в этот раз.

Дорога длинна и трудна, но есть цель, воля и вера, и этого достаточно, для того, чтобы не умереть раньше времени; это и есть Сила.

«Всё будет хорошо. Всё будет хорошо. Всё будет хорошо. Я дойду. Нет, добегу. Добегу до Никополя. Отдам письмо. И тогда могу умирать со спокойной душой», – мыслил Александр и неустанно двигался к намеченной цели.

Когда ничего другого больше нет

Затемневший тоннель раскрылся широкой пещерой. В двух километрах шахты №3 к шахте №4 сектора Донецк-Макеевка произошёл взрыв. Ещё никто не успел установить от чего это: от маки или от метана, но пути надо было восстанавливать. Для этого отправили командира 381-ой (381/256-ой) сомы Гавриила Железнова с частью его группы и десять чумов из 9-ой буры СЧК.

Пещера, через которую проходила дорога, являлась чуть ли ни уникальной в этом регионе Империи: порядка 15-ти метров в высоту и с площадью в 12000 квадратных метров. Никто толком не знал, когда она появилась, но, поскольку чумы приписывали себе её существование – якобы здесь им захотелось сделать красивый пейзаж, пещеру назвали в честь них: «Пещера чума». Некоторые в шутку говорили, что чумы, до того как напасть сидели именно здесь.

Рельсы шли с запада на восток. К югу от них, то есть справа от движения, возвышался достаточно высокий пригорок (приблизительно в двенадцать метров), чуть ли ни до самого потолка. Ближе к концу пещеры, но к северу, то есть слева, находился ещё один пригорок, но поменьше (метра 2 высотой).

Взрыв случился примерно в центре пещеры и прямо на

пересечении вершин пригорков с дорогой. Всего не хватало четырёх рельсов – по два с каждой стороны.

Половина чумов сразу выскочила из мини-поезда и побежала осматривать окрестность. Вокруг никого не оказалось, и они закрыли проходы из пещеры по двое с каждой стороны. Остальные шестеро чумов выволокли горняков из вагона и начали орать на своём чумном языке непонятные вещи. Из них никто ни русского, ни вообще человеческого языка явно не знал, но это и не требовалось. И так ясно, что им надо починить дорогу.

Гавриил махнул рукой своим, показав, что надо идти за ним, и двинулся в сторону воронки, образованной прямо посередине дороги. Тут уже не надо было мучаться с вопросом, почему здесь что-то взорвалось. Рельсы разлетелись достаточно ровно и, главное, на одинаковое расстояние и вправо и влево, то есть взрыв произошёл прямо между рельсами да ещё и там, где они сцеплялись друг с другом.

Работы виднелась куча: во-первых, нужно заделать воронку глубиной в полтора метра. Откуда брать материал неизвестно – есть только запасные рельсы.

Гора приказал рыть по бокам и ссыпать со стороны ц центру. Рядом с ним стоял командир 9-ой буры Ёгнхр. Он очень внимательно наблюдал за тем, кто говорил людям, что делать.

Никто досе на людей у чумов не составлял, даже на тех, кто у них непосредственно работал в СЧК. Чумы считали

для себя недостойным составлять какие-то бланки и списки на людей. Вроде того, что и без этого нормально работается. А то, что в случае надобности брать информацию даже на командира сомы неоткуда в голову приходило только в такие моменты. Единственные списки о людях существовали лишь для учёта: указана сома и номера к ней принадлежащие.

Вот и сейчас Ёгнхр стоял и глядел на этого даже для чума внушительного вида человека, широкоплечего, с властным твёрдым голосом, с умением видеть не только вопрос, но и его решающий ответ и не знал, представляет ли он опасность. Чум непрестанно ломался в собственных колебаниях: или этот человек стремится выполнить работу из чувства покорности, или же он делает это помышляя о скором восстании. Но в любом случае получалось, что этот человек сильный. А значит он опасен.

Сейчас, как и всегда, у Ёгнхра имелись чрезвычайные полномочия. Ведь он командир буры СЧК. И он поставил для себя этот вопрос: «Стоит ли казнить этого сильного человека на всякий случай?» Решение зависело от одного: «Вдруг он восстанет... Если нет, можно будет посоветовать его продвинуть повыше. Там он будет также верно служить, и повысят и его, Ёгнхра, за удачный совет... А если да, то ему придётся подавлять восстание, а затем, возможно, получить что-то вроде выговора за то, что «не доглядел»...» На этот вопрос эсчекист решил ответить самому себе в конце работы в этой пещере.

Гавриил чувствовал: сегодня произойдёт что-то не то. Его даже не столько тревожил взрыв или исчезновение автомата из тайника. Рафаил куда-то делся, а здесь им «пахнет». С виду ничего особенного, но что-то есть, что является им.

Гора оглянулся в сторону тоннеля, из которого они выехали – двое чумов беседовали о чём-то так увлечённо, что можно было подумать, что это их здесь охраняют, а не наоборот.

«И это наши враги. – подумал Гавриил. – Элитная бура, а на посту стоять, как подобает не могут. А вообще... Может, у них так принято стоять на посту?.. Кому мы проиграли?»

Вокруг было тихо, спокойно и даже мирно.

Командир посмотрел себе под ноги – земля. Вот уже пятьдесят три года он ходит по этой земле. Она твёрдая и упругая, не такая, как на поверхности. И цветы и трава на ней не растут. И вообще ничего не растёт. Кто-то может утверждать, что она мёртвая, но это не так. Она питает ту землю, что над ней, передаёт ей свою силу, свою сущность, свою жизнь. А под ней есть ещё земля, ещё более твёрдая и упругая. И кажется она ещё более мёртвой. И является она ещё более живой. И та дальше к центру Земли. А самая лучшая та, что ближе, та что совсем рядом с магмой. Эти раскалённые металлы движутся рядом с ней и дают ей свой кусочек Солнца. И светит он изнутри, и питает оттуда. И живёт Земля как кусочек Солнца, бесконечно питаемый им. И это жизнь, и она вокруг нас.

Гавриил нагнулся и взял горсть земли – такая рыхлая и сухая, а кое-где и мокрая. Пальцы аккуратно размяли её в ладони, затем стряхнули. Отдельные кусочки остались рядом с линиями руки. «Как интересно? – подумал Гора. – Рядом с линиями, но нигде не в них...» Командир чувствовал, что вот-вот доберётся до истины, что она совсем близко. Это странное ощущение, когда не знаешь, что ищешь, но чувствуешь где-то внутри себя, что это близко.

Ёгнхр смотрел на обтирающего руки землёй человека и чего-то странно боялся. В действии не было ничего необычного – шахтёры постоянно перед работой сыпали горсть земли из руки в руку, но в этот раз это выглядело как-то по-другому. Чум ещё не знал, как на это реагировать – просто стоял и смотрел.

И тут горняк поднял глаза и посмотрел в сторону.

Страх, необъятный страх охватил Ёгнхра – этот сильный, волевой взгляд, который он увидел.

В них не было ни покорности, ни смирения, ничего другого, кроме силы. Зрачки медленно передвигались и буквально овладевали всем, на что попадали.

Чум отвернулся и прижал к себе пистолет, обычно властно удерживаемый в руках: «Нет!.. Только бы эти глаза не смотрели на меня! Это страшный человек».

И тут Ёгнхр почувствовал как некий безжалостный взор остановился на нём, на его затылке. Он хотел развернуться и выстрелить в Гавриила, но ничто его не слушалось. Страх

овладевал им. И чем больше он стоял на месте, тем больше хотел убить этого человека. И тем больше он не мог это сделать. Зелёные когтистые лапы затряслись: пистолет вылетел и тихо ударился о землю.

Гавриил поднялся с земли и ощутил что-то знакомое до глубины души. Подул мягкий ветерок и всё вокруг будто заглохло.

Гора скакнул глазами в сторону тоннеля, из которого они выехали – двое чумов сидели на земле спиной к пещере и прижавшись друг к другу. Они не шевелились и ни о чём не говорили.

«Они мертвы?» – сам себя спросил командир.

Ответ казался очевидным, но это мгновение замерло – время, как и присуще ему в этом случае стало не течь, а капать.

Где-то совсем близко веяло ненавистью и одновременно с этим – любовью. Какая-то непонятная смесь. Существуют два элемента, но не понятно, в каком отношении друг к другу.

Чувства веялись от того высокого пригорка, расположенного в пятнадцати метрах к югу от дороги.

Гавриил повернул голову – сильный запах добра, теперь было ясно, что в чувстве преобладает любовь. Она прямо освещает всё вокруг. Всё светлее, и становится тепло где-то внутри, где дышат самые тонкие ниточки.

А другая часть света кого-то ненавидит, кого-то хочет

убить. Причём не получая при этом удовольствия и даже «ранясь» при этом.

Какая-то сила готовилась показаться. Гавриил чувствовал: весь пригорок сейчас встанет на ноги и начнёт топтать виновных...

Но ничего не происходило. Совершенно ничего. Ничего не двигалось.

«Почему всё это так долго?» – подумал Гора и повернулся в сторону шахтёров, загребавших яму. Командиру и в голову не пришло, что смотрел он на этот пригорок всего каких-то десять секунд.

Горняки что-то кричали друг другу. И не понятно почему Гавриил ничего не слышал. Слух пропал, а зрение поплыло в стороны светлыми пятнами.

Пули прошли двоих стоявших у ямы чумов – стрельба не начиналась только что, она шла уже несколько мгновений.

Не слыша сам себя, Гавриил крикнул всем лечь на землю и сделал этот сам прыжком вперёд.

Кто-то орал, кто-то бежал, кто-то отстреливался, но никто не мог понять, что происходит.

Командир огляделся: спереди, рядом с воронкой, лежало уже пятеро мёртвых чумов, сзади двое давно сидящих у входа, валяющийся на земле Ёгнхр и двое ещё живых, прячущихся в канаве.

Неожиданно стрельба с пригорка прекратилась; последовал другой весьма непонятный и тревожный звук. Металл о

металл. Скребущийся и стучающий.

Чумы вертели головами и о чём-то шептались. Из-за пригорка раздалось быстрое шарканье, даже «передёргивание» металла друг о друга.

Эсчекисты рванули из своего укрытия к выходу, поочерёдно отстреливаясь. Их настиг всё тот же мощный удар из-за пригорка. Бой закончился.

Командир поднялся на ноги и взглянул в сторону воронки, где ещё прятались его подчинённые. Там было много крови: и красной, и тёмно-бардовой. А последняя так вообще стекала с краёв в яму. Чумы СЧК разодранные пулями, глядели вверх жадными и шокированными глазами.

Но этот запах! Гавриил развернулся к пригорку и быстро, но осторожно двинулся вперёд. Этот родной запах! Поднявшись чуть выше, слух уловил чьё-то ровное и спокойное дыхание. Оно тоже было знакомо.

Гавриил понёсся вперёд, к самой вершине. Камни и пыль, грязь, воздух – всё летело в стороны. Там, наверху, что-то родное. Ноги срывались вниз, назад, но нет. Вперёд... Вперёд, туда! Наверх!

Рафаил...

Сын командира. Скала. Рафаил лежал на земле, ровно дыша и не двигаясь.

Гавриил подбежал и развернул сына на спину. Рядом лежал пулемёт: лента с патронами вислась в коробочный магазин, а из дула вываливался дым.

Спокойные и мирные серые глаза. Всё такие же стеклянные и непроницаемые. Такая же белая кожа. Такой же сын Земли. Из левого краешка уст текла кровь, веки изредка моргали.

Сквозь тишину сильно и живо билось сердце. Так ярко и стремительно, что хотелось жить.

«Рафаил», – прошептал Гора сыну.

Зрачки, чуть расширенные, двинулись в сторону и посмотрели на папу.

«Смерть в бою – высшая честь», – ответил Рафаил тихим угасающим голосом.

И словно стрела пронзила Гавриила. Ведь это он, именно он так наставлял. Это он уважал ценности древних славян как свои собственные. Он воспитал так своего ребёнка... А теперь у его сына сломан позвоночник и ещё Бог знает что. Теперь сын умирает.

«Зачем?! – вскричал в уме Гавриил, глядя на сына.

«Моя жена... – сказал Рафаил. – она скоро родит... Она должна родить здорового ребёнка».

«Она родит здорового ребёнка. Зачем ты полез во всё это?»

«Я вам поесть принёс», – из последних сил ответил Рафаил и бросил свою руку в сторону, указывая на коричневый мешок.

Рука свалилась на землю, отбросив горсть песчинок. Они беспорядочно разлетелись в стороны, приподняв немного

пыли. Тёмное облачко полетело сквозь светлые лучи излучаемые светлым сердцем повстанца. Сердце уже не билось, но лучи всё шли. И не было им ни конца, ни края.

Двенадцатиметровый пригорок из камней и глинистой земли. На двуноге стоит пулемёт, рядом мешок с едой. Вокруг темно, а здесь светло. Лучи шли ввысь. И серые глаза, и белая кожа отражалась на них. В этом прекрасном месте нашёл свою смерть Рафаил.

Тяжёлые отцовские руки обняли голову и прижали её к своей груди. Какая-то невидимая, но очень острая стрела воткнулась командиру в сердце, стрела смазанная ядом, гниющая стрела. В середине груди всё зажалось и отвердело в камень. Горло запершило, и стало тяжело дышать.

Гавриил погладил сына по голове. Светящиеся светлые волосы продолжали сверкать вместо сердца. Он попытался дышать сильнее и жёстче. И получилось. Воздух пошёл через шею, проталкивая что-то застрявшее, и прямо в лёгкие. Стрела вылетела из сердца. Только то, что превратилось в камень посередине груди осталось неизменным, осталось камнем.

Командир положил сына на землю, ещё раз погладил его голову и твёрдо пошёл обратно, к тем, что выжили после перестрелки.

Спустившись с пригорка, Гора увидел лишь шестерых из девятнадцати шахтёров, остальных успели убить чумы. Двое из шести сильно нервничали и не могли взять себя в руки:

Фёдор Птицев и Кирилл Столов.

Их Гавриил взял с собой, чтобы не расстраивали работающих на шахте.

«Что нам делать? Гора, нас всех убьют», – паниковал на всю железку Фёдор. Его тускло-зелёные глаза никогда не говорили правду, лишь показывали страх.

Второй паникёр Столов пока только кивал.

НО тут нашлась и поддержка. Та самая, на которую командир всегда мог рассчитывать. Елена Багратионова. Её собранность и желание помогать людям находило правильное понимание свыше. Гора брал её на выездные работы, чтобы ребята держались достойно и, что не маловажно, не матерились. Когда они начинали орать матом на всё, что только происходило вокруг, получалось неприятное и непонятное собрание слов, всегда мешающее работе. А при приятной двадцатилетней девушке этого не было. Все просто взаимно трудились.

«Да ладно вам, ребят», – добродушно сказала она, чуть ли ни попросив об этом.

Слова были сказаны не сильные, но сказаны сильно. Сильно в душе. Тот самый момент, когда видимая слабость оказывается невидимой силой. Это успокоило Столова, но не Птицева: «Да чёрт дери! Что вообще было?!»

«Молчать», – ударил словом Гавриил выше потолка и так же жёстко продолжил: «Раньше все подчинялись мне как любящему отцу, хорошему командиру... И я довёл кого-то до

состояния оппозиции. Теперь кто-то стал паниковать и повышать голос на командира. Теперь кто-то позволил себе говорить до командира».

Сказанное не сбilo с толку Птицева, он всё упорно стоял, рассеяя панику.

Гавриил уже понял, что ему придётся сделать, и продолжил: «Так не пойдёт всё это. Теперь пойдёт только так, как я скажу. Теперь я вам не отец и не добрый командир. Теперь я вам – диктатор. И слушать меня теперь без оговорок и без оглядок. И выполнять мои указания, как я скажу. И за неподчинение – смерть».

Фраза закончилась, предоставляя возможность обдумать – пятеро шахтёров прислонили правый кулак к левому плечу и склонили голову, страх и уважение. Шестой отвернулся.

«И за неподчинение – смерть», – повторил Гавриил, ступая вперёд. Ему не было кого-то жалко, он и забыл, как это вообще, в глазах его всё было красно, а в уме – чисто и цинично, и всё это из-за затвердевшего камня посередине груди.

«Да знаешь что?! – недоумённо воскликнул Птицев, не зная, что «Контроль» сзади в метре от него. – Мне Надое...»

Договорить он не успел, мощный кулак влетел ему в спинной мозг – Птицев упал на колени, затем целиком на землю.

Громоздкая фигура подошла ближе и присела. Руки, словно две железные горы схватили за плечи лежавшего и, приподняв его, отбросили в сторону – еле дышащий Птицев пе-

ревернул на спину. Глаза его были зарыты: они понимали, что будет, и не хотели это видеть.

Четверо шахтёров стояли, не шевелясь: только Лена с ужасом прикрыла рот руками и тихо шептала «Господи».

Контроль подошёл к лежащему и, наклонившись, сдавил ему шею своей железной рукой. Птицев закричал и задёргался, пытаясь вырваться. Глаза открылись и жалобно запросили пощады.

Пальцы сжались ещё сильнее, в кожу впились ногти, и наружу брызнула кровь. От увиденного Лена вскрикнула и ещё сильнее зажала рот руками.

«Я подчиняюсь. Я ошибался. Я сдаюсь», – из последних сил молили его глаза.

С виду всё оставалось также, но внутри Гавриил старался понять себя самого: «Он сдался. Он и правда больше не будет. Зачем его убивать за пару слов. Он ещё молод и не сформировался как личность. Он просто запутался. Может, он не заслуживает смерти».

«Нет! – крикнул диктаторский камень в груди. – Он не подчинился. За неподчинение – смерть! И убить его цинично и жестоко. Он опасен для нашей войны. Он отдаляет нашу Победу. На войне нет пощады! На войне за неподчинение – смерть!»

Тут Гавриил окаменел полностью – все его мышцы стали прутьями, плоть – камнем, кожа – землёй. Стекланный взгляд и немое лицо. Рука продолжала сжимать уже поси-

невшую шею – жизнь покидала Птицева.

«Пожалуйста», – шептали угасающие глаза.

Ни в голове, ни где-то ещё у контроля не было никаких мыслей – внутри обитала только цель.

Гавриил поднялся на ноги. С руки его каплями капала кровь, а на ладони пахло смертью. На земле у его ног лежал казнённый. Больше никто не паниковал; Лена, присев на корточки и закрыв руками нос и рот, смотрела на горсть глинистого песка рядом с собой.

«Стас», – скомандовал Диктатор.

Владимиров поднял глаза, не отводя руки от плеча.

«Вон видишь пригорок... Там лежит Рафаил...» – Гавриил боялся сказать «мой сын», чтобы не заплакать; он не был уверен, что сдержится, поэтому не рисковал: «Перенеси его сюда, а на его место положи Птицева... Николай. Помоги ему».

Никто ещё толком не понял, о каком «Рафаиле» сейчас шла речь. Хотя во всём Донцке-Макеевке такое имя было только у одного шахтёра, никому и в голову не приходило, что имеется в виду именно он. Как лицо командира могло оставаться таким же спокойным как и раньше. Пока никто не осознал, что командира больше нет, есть диктатор.

Гавриил подошёл к Лене и тоже присел на корточки: «Что ты задумалась?»

«Зачем вы это сделали?» – не поднимая взора и тяжело вздохнув, спросила она.

«Он не подчинился».

«И меня вы тоже убьёте, если я не подчинюсь?»

«Нет, тебя не убью...»

Они оба замолчали, просто не зная, как выразить свои последние мысли. Через минуту Гора увидел, как тело Рафаила медленно несут с вершины пригорка. Лена обернулась точно в эту точку.

«Мой сын...» – начал было говорить Гавриил, но остановился, ожидая боль в сердце и мрак в горле, но ни того ни другого не было, и он продолжил: «Погиб только что».

Лена очень давно дружила с Рафаилом. Они даже родились в один день. Они рассказывали друг другу всё, что только знали. Были друг другу как брат и сестра. Теперь ей некому было пожаловаться, теперь ей не с кем было поделиться радостью, теперь у неё не было родного человека.

Ещё один тяжёлый вздох и прямо из середины груди, по её глазам покатались слёзы. Она прикрыла глаза и тихо заплакала. Только что ей пришлось увидеть бой, хладнокровное убийство, а теперь ещё и тело близкого. Слишком много всего за один день. Лена легла на землю и зажалась как только смогла. Она не хотела видеть весь этот мир – вдруг она снова откроет глаза, и случится ещё что-то более страшное, что-то, что нельзя себе представить.

Спустя немислимый промежуток времени что-то или кого-то положили рядом с ней. Она не хотела открывать глаза.

«Лен... – слышался голос Гавриила. – Это Рафаил. По-

прощайся с ним».

Лена открыла глаза: рядом лежал Рафаил. Спокойный и добрый, как всегда, но только мёртвый.

Она дотронулась до его светлых волос: всё такие же пушистые и мягкие. Пальцы прошлись по голове. Лена чувствовала, что ей становится всё легче и легче.

«Я надеюсь тебе будет хорошо там, брат», – сказала Лена и поцеловала его в лоб. Это было её прощание.

Изо всех погибших только Рафаила можно было закопать, причём только в воронке, под рельсами, чтобы чумы не нашли. Если вырыть в другом месте, останутся следы. Всех остальных придётся отдать чумам. Те рассказывали, что их гордость не позволит им съесть их (чумы способны питаться практически всем), но ходили слухи, что чумы способны есть постоянно, практически не насыщаясь, поэтому, скорее всего, их всё-таки съедали.

Когда закапывали Рафаила все об этом и думали, что ему повезло больше других (правда не всех: закапывали ещё тех, кто умер в 1-ом секторе).

«Коль, подойди сюда», – позвал его Гавриил. Когда тот приблизился послышался твёрдый голос диктатора: «Николай, ты вернёшься на шахту. Сейчас. Подойдёшь к первому попавшемуся чуму, встанешь перед ним на колени, поклонись до самой земли и скажешь: «Хозяин, на нас напали. Мы отбили нападение». А когда он спросит, почему ты один и где остальные, скажи ему: «Прости нас хозяин, охраняв-

шие нас погибли». И он ударит тебя. Потом, может быть, ещё раз. Не уклоняйся, и он остановится быстро. А когда остановится, скажи ему: «Я заслужил хозяин. Позволь мне послужить тебе ещё. Сейчас наша сома, возможно, вторично подверглась нападению». Это скорее всего, напугает его, и он сразу передаст обо всём своим. А если нет, скажи ему: «Хозяин, мы уже починили дорогу, дай мне команду и я передам её своим. Как мы ещё можем послужить нашей Великой Империи?» Тогда он точно передаст обо всём своим. И что бы тебе ни сказали чумы, отвечай им, что ты готов служить на славу Империи. Отвечай им так, и они поверят тебе. Иди, Николай, и выполни задание».

Никто не понял, что сейчас сделал Гавриил. Его сына убили чумы. И именно их он должен ненавидеть. А он дал указание своим подчинённым кланяться им в ноги, служить им, на благо их Империи.

Гора отвернулся и медленно пошёл к поезду, размышляя о том, что ещё предстояло сделать: «Сейчас он придёт и поклонится им. Затем это сделают и все остальные. И чумы поверят, что сломали нас, поверят, что им ничего не угрожает. Они ослабнут, и когда настанет момент, мы скажем им *нет*. Все вместе. Мы скажем это так громко и сильно, что они сами подумают также. Тогда они проиграют. Тогда мы получим Свободу».

Самый счастливый на всей Земле

Белая нескончаемая степь. Солнце и лучи на снегу.

Александр Ручьёв пробирался вперёд. Все его мысли и ощущения куда-то пропали. Лишь неведомая сила двигала его вперёд.

За одной из степных дюн оказалась дорога – Никополь уже близко.

Повстанец выбрался на дорогу и побежал по ней. Стало легче, но сил всё равно не было. НЕ было ни сил, ни мыслей – было движение вперёд. Он снова потерял ориентацию и погрузился в самого себя, в то время как ноги неустанно рвались в бессмертие.

Он вспомнил как они вместе с Владимиром бежали по похожей дорожке, тренируясь к очередному переходу. Владимир говорил тогда, что, когда, закончится война, у него, наконец, будет достаточно времени, чтобы найти свою суженую. У них будет много детей, которые не видели войны. Он мечтал иметь домик у Печенежского водохранилища, недалеко от которого в Древнюю Войну погиб один его предок. Он будет рассказывать своим детям как воевал сам, как воевали другие, сколько погибло друзей и родных; что сколько бы он ни искал, не мог найти места, где не было войны, а ещё, что войны никогда больше не станет, если так захотят

все, а после такого именно так и будет – и его дети никогда не будут воевать... Тогда Александр спросил его, что он будет делать, если всё-таки не доживёт до конца войны.

Владимир ответил, что тогда обо всём этом будут мечтать его дети, и, когда они доживут до конца войны, то будут рассказывать уже своим детям, как воевал их дед, и прадед, и, что нет на земле места, где не было войны.

У Александра заболело в сердце, ведь Владимир мёртв, и ни детей, ни жены у него не было, значит некому будет рассказывать о том, как воевал его дед, и прадед, и ... И Владимир так и останется солдатом, чьё имя известно, но никому не нужно.

«Нет! – крикнул в уме Александр и побежал ещё быстрее. – Если я доберусь, о нём будут ходить легенды, его будут приводить в пример, он будет нужен, он будет Историей».

Послышался топот копыт, уже сильный и близкий. За какое-то мгновение показалось два всадника – белые лошади и такие же люди. Лицо повстанца осталось неизвестным, но душа заулыбалась.

Через каких-то пятнадцать секунд они были в шаге друг от друга.

«Дружище, ты далёко?» – спросил первый из них, тот, у кого нос покраснее и глаза пошире.

Свой своего за версту чует: Александр радовался, что Своё задание он выполнил.

«Группа Хмельницкого. Красная чайка», – ответил Алек-

сандр. Последние слова на самом что ни на есть «чрезвычайном» языке значили, что у него срочная посылка.

Несмотря на чрезвычайность их мимика ни чуть не изменилась – такие бодрые и жизнерадостные.

«Ха-Ха», – сказал второй.

«Отлично, папаша! Садись, мигом доставим», – кивнул первый.

«Казачи», – вывел Александр, залезая на скакуна.

Домчали и правда мигом и даже с ветерком.

Командир Никопольской группы Николай Кровин-Кутузов был знаком с Ручьёвым, и как специально ждал у самого края города.

Александр слез с лошади и сделал два шага вперёд, но дальше не смог, ноги не чувствовали. Николай подошёл и обнял его – когда-то они оба находились в одной боевой связке.

«Как жизнь?» – спросил было тот, но почувствовал жар, разлетающийся от Александра. Его красные и слегка распухшие руки не шевелились и даже не дрожали, по ним и кровь-то не текла.

«Письмо в правом кармане, дружище...» – ответил повстанец и начал падать, но тут же был пойман командиром. Александр не чувствовал ног, рук, живота, спины – вообще ничего не чувствовал, только веки, иногда моргающие на глазах. Раньше всё тело колело, затем сводило, сжимало, бросало в оцепенение и вот ничего. Но было хорошо, так как ещё никогда не было.

Александр посмотрел вверх – там не оказалось Неба. Откуда-то издали распространялся Свет.

«Саня! Саня!» – командир потряс Ручьёва, но ответа не последовало – повстанец погиб: замёрз насмерть.

«Тебя не забудут», – сказал Кровин-Кутузов и дал указание найти хорошее место для захоронения.

Спустя минуту командир вскрыл конверт:

«От Виктора Хмельницкого командиру группы Николаю Кровин-Кутузову.

Приказываю заминировать пути из Донецка-Макеевки в Днепропетровск. Не вечера 29 марта. По ним, на пути в Днепропетровск, будет двигаться колонна. Предположительно от трёх до пяти бур. Возможно СЧК. В качестве наиболее подходящего места использовать участок Васильковка-Письменное, близ реки Волчья.

При необходимости замените место минирования, но к 20:00 29 марта всё должно быть готово.

Действовать максимально осторожно, возможно, введение чрезвычайного положения при охране транспортных путей.

Первая степень важности.

Виктор Хмельницкий».

Чего нельзя допускать.

Когда чумы узнали, что десятеро из них лежат мёртвыми в пещере, не поверили. Он смеялись над Николаем. Но он поклонился им как хозяевам, просил помощи в «отражении следующего нападения», показывал кровь на своих руках. А они не верили ему. Лишь один совсем молодой, ещё не совсем бесчеловечный чум Данхр решил проверить это.

Тогда начали смеяться и над ним. Но он последовал за человеком, вместе с ним и два его друга на случай нападения маки.

Вид пещеры Данхра вовсе не смутил. Он ещё не знал, что чумы редко гибнут в каких бы то ни было случаях. Ему казалось, что это нередкое событие, что война, хоть и идёт только с маки, но всё же идёт, а значит есть и потери.

Когда он вернулся в Донецк-Макеевку, на его лице не было ни удивления, ни страха, поэтому и его словам о происшедшем никто не поверил. Но его друзья принесли тело Ёгнахра.

Тогда все содрогнулись: где-то при виде лица начальника эсчекистов, искажённого неведомым страхом, началась паника.

В пещеру отправили чуть ли ни две трети всего личного состава: три буры СЧК и одну буру Чёрного Камня. С ними отправился заместитель Ананхр брат-чум Шинхр.

Первым делом прибывшие хотели убить оставшихся в живых шестерых шахтёров. Но те поклонились им как хозяевам и попросили прощения за то, что не смогли уберечь своих

хозяев от смерти; Гора сказал, что мёртвые шахтёры работать не смогут, а ему очень хотелось бы принести свои извинения и на следующий день превысить норму добычи в два раза.

У Шинхра было специальное указание привести в живых хотя бы одного человека, но увидев такое подчинение, он не смог отдать приказ уничтожить остальных – неписанный закон: если он посоветует наверх «удачливого» человека, то повесить могут потом и его самого.

Всех вернули в Донецк-Макеевку.

«Виктор», – сказал Диктатор, обращаясь к командиру болгарской сомы. Тот не заметил окаменелости своего собеседника и того, что в его жилах вместо крови течёт расплавленная сталь. «Да-да, мой друг», – ответил Валиков.

«Мой друг»... Сколько смысла могут вкладывать люди, готовые загрызть в любую удобную минуту. «Мой друг» – обращение, показывающее душевное отношение, а используется по большей части для того, чтобы обмануть.

«Дружище, завтра мы будем готовы...» – в другое время Гавриил мог бы посмеяться этой фразе – как при таком режиме можно быть к чему-то неготовым – но сейчас не стал, ведь теперь он не Командир, он Диктатор. Диктатору нельзя чему-то радоваться, нужно всегда быть сжатым в кулак, чтоб, в случае чего, давить на всех, жать так, чтобы слушались.

Валиков похоже не видел в Гаврииле дальновидного человека, способного действовать в обход очередному шагу –

идти не по дороге, а рядом с ней. Ему казалось, что такого командира можно убедить в чём угодно, если отталкиваться от «благих целей» и «желания помочь» своим подчинённым. Он ещё не знал, во что ему обойдётся такое мнение.

«Георгий», – Гавриил обратился теперь уже к своему родственнику, хоть и с другой фамилией. Волин отреагировал настолько ярко и чувствительно, будто не видел его уже лет десять: «Ооо... Ну как жизнь? Порядок или чумы опять заставляют третий пот пробивать?.. Знаешь, судя по твоему виду весь пот уже выбили...»

Это был единственный человек, который обнаружил бездонную пропасть в его глазах. Ему это не то чтобы не понравилось, просто убрало живую бойкость действия.

«Жор... У меня к тебе просьба... Маша... Она должна бежать отсюда».

Грубо говоря этих слов Волин не понял – его левая бровь вскочила на лоб, а глаза застыли на месте: «Дружище, ты чего? Что такое случилось-то?»

«Мой сын. – чуть ли ни шепнул Гавриил. – Он мёртв... Пожалуйста, не говори ей это. Она убьёт себя... Жора... твоя дочь уже вдова... Моего сына уже нет... Жора... У Маши же будет ребёнок... Она должна бежать».

Георгий склонил голову и положил Гавриилу руку на плечо: «Рафаил мёртв...» Он тяжело вздохнул и вовсе согнулся. Ему стало совсем плохо – Маша и правда убьёт себя, если

узнает это. Волин даже не представлял, что с ней будет. Её сердце просто остановится.

«Значит сегодня?» – спросил отец дочери. Отец сына молча кивнул. Завтра будет уже поздно.

Сегодня, 29 марта, день особенный. Сегодня ровно в девять вечера чумы выводят всех на полчаса наружу, на поверхность.

«Маша», – позвал отец дочку. Вокруг все мирно ходили, дыша свежим воздухом.

Территория, по которой могли походить шахтёры, располагалась рядом с железной дорогой и была отгорожена как от неё, так и от всего остального мира проволочным забором с колючей проволокой. По трём углам стояли деревянные вышки, занимаемые чумами раз в неделю. Четвёртый угол через ворота соединялся с главным наружным корпусом группы Донецк-Макеевка.

Мария Железнова тем временем беспорядочно мелькала глазами по толпе в поисках своего мужа. Услышав голос отца, она решила, что он нашёл его, и тут же подбежала: «Что?»

Волин выглядел мрачнее тучи: «Маш...»

«Пап, что ты хотел сказать? Ты не видел Рафаила?»

Георгий никогда в жизни не врал её сильным и добрым глазам, но сейчас другого выхода не было – ему придётся, видя её в последний раз в жизни, соврать ей.

Его голова инстинктивно отвернулась в сторону, но рот отказался говорить. Волин почувствовал, что, если он пове-

дёт себя так, это будет неправдоподобно, и ничего не получится.

Он повернул голову и посмотрел ей в глаза. Добрые, чистые, счастливые глаза. «Какая же она счастливая. Это от мужа. Она видит своё счастье в нём... Она не знает, что его уже нет в живых».

«Маша. У нас мало времени... Запоминай, что я скажу...» – начал Волин.

«Пап. Что-то не так с Рафаилом?»

Эти слова не застряли в его горле, он твёрдо решил не останавливаться: «Слушай меня... Ты знаешь, где здесь тайник для маки?»

Мария кивнула, ещё не поняв, что ей предлагают.

«Вот. Там для тебя хватит места. Туда уже всё положили. Еду, одежду, там есть карта и компас. Через семь минут мы подойдём туда... ребята на всякий случай отвлекут их...»

«Пап, ты что, хочешь, чтобы я убежала?»

«Тебе надо это сделать. Ты беременна. Маки встретят...»

«Нет. Я не буду это делать. Я останусь с мужем. – Мария отвернулась, нахмурилась и зажала губы. – Я останусь с Рафаилом».

Теперь, когда дочь на него не смотрела, отец получил возможность лгать более искусно: «А кто тебя с ним разлучает. Он бежит с тобой. Только через неделю. Мы не можем устраивать побег сразу двоим. Обещаю, потом он присоединится к тебе».

Мария быстро развернулась обратно, её лицо было заполнено надеждой: «Правда? Обещаешь?»

Маша смотрела прямо в глаза, а она умела видеть правду. Георгий прекрасно знал это, а также то, что от этого ответа зависит всё. Он вспотел везде, кроме лица, потому что там потеть было *нельзя*, и за какую-то долю секунды в его голове пробежалась целая колонна разных мыслей: «Если я ошибусь, она узнает правду, которую она не способна вынести. Она не может представить себя без мужа. Она убьёт себя. Нет. Надо не просто сказать «да». Надо выразить это слово, как будто оно живёт во мне. Мне должно быть приятно говорить это... Господи, помоги».

«Да».

Это слово Мария ощутила душой: две буквы, слитые в слово, чтобы спасти жизни. Это слово Мария мечтала сейчас услышать. Это слово сбросило гору с её плеч.

«Спасибо, пап, – она обняла его и закрыла глаза. – Спасибо».

В тайнике темно и даже немного сыро. Земля холодная и твёрдая как камень. Мария сидела там, прижав коленки к лицу, и при этом её рост не позволял ей даже приподнять голову. Сверху её прикрывала деревянная дощечка засыпанная землёй и притоптанная снегом. Но, по крайней мере, хорошо дышалось: не то, чтобы существовала настоящая вентиляция, но по сравнению с шахтой всё казалось совершен-

но другим.

Чтобы не рисковать при проникновении в тайник, шахтёры устроили настоящий спектакль: Гора приказал Лесину подраться с Столовым. Тем самым человеком, который как Птицев *сомневался* в Диктаторе. Он хоть и вовремя одумался, но всё же факт несвоевременного подчинения был: он подчинился, но не сразу. За это его следовало наказать, пусть и не так жестоко, как Птицева, но перед всеми.

Николай тогда налетел на него с таким ражем и криком «Да как ты смеешь!», что можно было подумать, что это глубоко личный вопрос. Вскоре из разняли, и стали разбираться, в чём дело; разумеется, чумы. Как на счастье, в этот момент на одной из вышек дежурил Данхр, лично видевший Лесина, ещё утром стоявшего на коленях со словами «Хозяин, прости». Благодаря этому решение не заставило себя долго ждать: Столова перевели в чёрного шахтёра, Николая поставили в пример всем как образец «слуги Империи» и дали банку консервов (к которой он сам потом не притронулся – отдал другим). Ему тяжело было тогда стоять на виду у всех и под этими словами, он считал, что его будут ненавидеть за это, но это продлилось лишь до следующего дня, когда все поняли, что произошло.

Мария не знала всего этого. Когда чумы «хвалили» Лесина, до неё доносились отдельные весьма нечёткие слова и глухой бум – над тайником тогда стояли её отец и свёкр, при топтывая снег. Волин особенно не хотел, чтобы она узнала

цену своей свободы, для того чтобы не пришлось платить её ещё раз: нужно, чтобы она убежала быстро и незаметно.

Теперь настало время выбираться из этой разваливающейся ямы – прошло уже достаточно.

Мария упёрлась руками в дощечку и, сев на колени, начала толкать вверх. Кровь стремительно забегала по ногам, и везде закололо. Появилось это странное ощущение оживления нервов; когда кислород доходит до них, они «кричат» об этом всему телу.

После небольших усилий крышка приподнялась и съехала чуть в сторону: снаружи кусками повалил снег и маленькие тусклые лучики света. Волин дал дочери старые часы «Восток», но посмотреть можно было только на свету. Его было мало, но циферблат мерцал едко-зелёным цветом: «10:33».

Мария слегка удивилась, что её удалось столь долго просидеть без движения: что-то, но это она делать не любила до глубины души.

Желание вылезти ещё больше усилилось, и следующим порывом воли крышка отошла от выхода окончательно. Высунув голову на поверхность. Мария ощутила прохладный свежий воздух, витающий везде вокруг, и то, что рядом никого нет. Это ощущение ей тоже было чуждо – никогда ещё в жизни она не оставалась одна, и папы нету, а он почти всегда был с ней.

Вытащив тёмно-зелёную завёрнутую в белое полотно сумку, Мария выбралась и тут же дотронулась до ещё мокро-

го, но быстро замерзающего снега. Солнце к этому моменту скрылось за горизонтом, лишь освещая всеильное Небо, изредка покрытое перистыми облаками: сразу с нескольких сторон задул ветер, и холод получил новый, ночной вид.

Мария огляделась: не было ни чумов, ни людей.

«Надо идти. – шепнула она себе. – Вперёд.

Работа завершилась вполне удачно: совместными усилиями добыто 76 тонн угля, то есть в среднем по 19 на сому. Камнями никого не побили, но во 2-ом секторе (учёт) командиров предупредили, что на следующий день должно быть не менее 80.

Гавриил в этот вечер получил возможность обдумать всё, не ощущая глухой и непрерывной боли в спине.

«Так, снова Сунь-Цзы. – подумал Гавриил. – *«Поэтому, если я покажу противнику какую-либо форму, а сам этой формы иметь не буду, я сохраню цельность, а противник разделится на части».* А у людей, которые постоянно работают *нет формы*, потому что у них нет дома, есть *Родная Земля*, у них нет политического объединения, есть общая идея *Быть свободными*. Отсутствие *формы* у Сунь-Цзы во-все не означает, что её нет на самом деле – её нет для врага. Далее. *«Противник не знает, где он будет сражаться. А раз он этого не знает, у него много мест, где он должен быть наготове. Если ж таких мест, где он должен быть наготове, много, тех, кто со мной сражается, мало».* Соб-

ственно, в этом и заключается фактор *разделения противника*. Чумы присутствуют там, где мы подчиняемся им, где мы на них работаем. Но даже в таких местах они смотрят не в каждый угол и проход, следят не за всеми и подозревают не каждого. Это самая большая их слабость. Они думают, что, если победили один раз, значит побеждать во второй тех же самых не придётся, ведь они уже были *побеждёнными*. Этот фактор можно отлично реализовать через Тихомирова. Они не умеют долго терпеть – проверят его пару раз и оставят. А он знает, как скрывать свои чувства. Хорошо... Сунь-Цзы: *«Поэтому, если знаешь место боя и день боя, можешь наступать и за тысячу чжан. Если же не знаешь места боя, не знаешь и дня боя, не сможешь левой стороной защитить правую, не сможешь правой стороной защитить левую...»* Вот это, скорее всего, моё самое главное преимущество. Я устанавливаю место атаки и его время. А они атаковать не могут, они просто не знают кого. А когда поймут, то им уже придётся обороняться.

Гавриил подумал, что на этом пока можно закончить изучение главы *«Полнота и Пустота»*. К этому моменту все, или почти все, должны были заснуть. Тот самый случай, когда можно поговорить с теми, кто имеет доступ на поверхность.

Тихомиров, в силу своего статуса, спал ближе к выходу, и рядом с Диктатором. Когда Гора похлопал по нему ладонью, оказалось, что Иван тоже ещё не спит.

«Не спиться, да, Вань?» – тихо спросил Гавриил.

«Работа собачья. Как тут заснуть?» – настолько резкие и критические слова вылетали из уст Тихомирова неадекватно спокойно, он, действительно, полностью контролировал свои эмоции, так что, если бы понадобилось, смог бы сказать «Чумы, звери гниющие, чтоб вы сдохли» с такой любовью, что никто, кто не говорит по-русски, бы и нее понял, о чём вообще речь, и каково его отношение.

«Твоя работа нужна. От тебя многое зависит. Ты это знаешь», – утвердил Диктатор почти так же тепло, как это раньше сделал бы Командир.

Разведчик понимающе кивнул: единственное, что ему сейчас было нужно, так это эти слова.

Гавриил продолжил: «Завтра тебе придётся сделать кое-что для своего Народа. Ты должен выбросить из головы все мысли и сомнения и сделать то, что я скажу».

Вокруг было темно, но глаза Тихомирова твёрдо и сильно мерцали: он знал, что ему часто придётся делать циничные вещи, которые можно делать только тем, от чьих действий зависит судьба множества людей.

«Иван. Завтра ты поднимешься на поверхность, найдёшь чума такого высокого ранга, какого только сможешь и скажешь, что тебе и всем честно трудящимся людям грозит опасность: 336-ая сома готовится восстать».

Всё решено и обдумано, осталось только поспать.

Гавриил закрыл глаза и плавно погрузился в сон.

Краски преобладали ярко-жёлтые, как золото, отблескивающие на Солнце. Всё казалось небесным и лёгким, но это была земля. Длинные и протяжные зелёные луга. Трава по щиколотку. По не проносится игривый ветерок. Вокруг пахнет свежей природой и мечтаемым счастьем.

Из всех лугов виделся один, самый большой и красивый. С левой его стороны стоит молодой парень с почти бледной кожей, его лицо спокойно, а глаза счастливы. С правой стороны – ещё более молодая девушка, высокая и с длинными светлыми волосами, её лицо радуется, а глаза счастливы.

И они идут навстречу друг другу, и ничто им не мешает, и всё здесь создано только для них. Парню нравится ступать по свежей траве, слегка колющей его стопы; девушка любит Солнце, так ярко светящее на неё и оживляющее её красивые волосы. Они приближаются всё ближе и ближе. И весь Мир радуется этому: Мир создал их, чтобы они были вместе.

И вот они достигли друг друга. Две половинки обнялись и стали единым целым. Это Рафаил и Мария.

Гавриилу стало легко и тихо на душе. И он не замечал, что на других лугах стояли другие, соединяющиеся друг с другом половинки. Его не интересовали другие. Ему важен был сын и невестка. И пока он жив, он сделает всё для их счастья.

Невиданное Солнце

Мария стремительно и упорно продвигалась через снежно-ледяную гладь. Позавчера скрежетал мороз и носилась пурга. Вчера пришло тепло, и начало таять, а сегодня ночью всё снова замёрзло.

После пройденного пути Донецк-Макеевка остался в двенадцати километрах позади. По дороге Мария наткнулась на заброшенную деревню. Отец указывал, что в этом случае, она двигается в нужном направлении, и ей следует остановиться там на ночь. Но она смогла пробыть там лишь четыре с небольшим часа: не спалось. Так что график в данный момент соблюдался с опережением.

Вокруг уже довольно давно было светло, но не до конца – только Небо, остальное освещалось за счёт него. Мария не понимала этот факт: как может быть светло, когда нет Солнца.

Но становилось ещё светлее, и вот краешек светила показался из-за горизонта. Лучи бегали из стороны в сторону и раздавали своё тепло. Затем поднялась крона, ещё более яркая, чем всё остальное. Прошли несколько минут и то самое, сильное всевластное Солнце открылось перед Землёй.

Мария первый раз видела рассвет, и он показался ей великолепным и прекрасным. Отец предостерегал её от этой

красоты: «Солнце красивое и доброе, но смотреть на него нельзя больше минуты. И я прошу тебя не делать этого. Побереги зрение, оно тебе пригодится. И береги от этого своего ребёнка. Солнце не любит причинять людям вред».

И дочь ни на мгновение не подумала нарушить слова родителя, собственно, как и всегда до этого. Она даже не смотрела на само Солнце – только на его лучики, они резвились и играли на горизонте.

Мария вспомнила мужа. «Он должен увидеть эту прелесть. Это чудесно». Она подумала, как было бы здорово иметь где-нибудь здесь небольшой деревянный домик, можно будет мирно жить и растить детей. Муж будет работать в поле – в таком поле будет отличный урожай, а она будет прибираться в доме, готовить еду, такую же любимую как всё окружающее, и в этом им будут помогать их дети, и весь день, пока муж будет работать, она будет мечтать о нём, и когда он будет возвращаться, она будет чувствовать себя самой счастливой на этой земле. Мария хотела двоих детей: мальчика и девочку. Со временем уже дети будут заботиться о родителях. И это будет замечательная семья, та, которую нужно строить всю жизнь и ни на секунду не сомневаться в ней. Мария мечтала, чтобы всё было именно так: и муж, и дети, и деревянный домик, и не понимала, как это возможно, когда идёт война.

«Интересно, а в мирное время любить также легко?» – спросила Мария сама себя, продолжив целеустремлённо ша-

гать вперёд. Она тут же выкинула этот вопрос из головы: «А, если нет. Тогда получится, что война лучше. Получится, что мир и любовь не совместимы. Это же будет невыносимо. И это будет неправильно. И поэтому думать об этом не надо... Мир и Любовь совместимы. И только так может быть...»

Мария прошла ещё несколько метров и слегка вздохнула: «Ах... как оказывается тяжело человеку, который не знает, что такое мир».

Обратная сила

Гавриил открыл глаза, ему было хорошо и легко на душе. Но тут он понял, что нет вокруг никаких лугов, а его сын мёртв. Если бы сердце не было каменным, оно точно заплакало: слишком тяжело всё это вокруг.

А вокруг, во-первых, всё было темно. Во-вторых, Тихомиров уже ушёл, остальные ещё спали. Значит сейчас без пятнадцати шесть, без пятнадцати начало рабочего дня.

Диктатор поднялся на ноги и двинулся к выходу.

Спустя три минуты он стоял уже в 1-ом секторе, выслушивая доклад своего зама Богатого. Как и ожидалось, чумы ни на грамм не сбавили веса. Но это совершенно не имело никакого значения. Сегодня день будет другим.

Тихомиров шёл по коридору. И до кабинета карака ему оставалось семь метров.

У двери стояли двое. Вид их ничем не уступал остальным им подобным, их отличала форма. Иван в жизни такой ещё не видел: чёрная, злая и циничная. На правом рукаве сверкал бледно-серый символ Империи – чумной клык с капающими с него каплями крови, на левом – удерживаемый обеими руками меч клинком вверх; знак СЧК. Чёрные штаны удерживались таким же чёрным ремнём с серебристой пряжкой

в виде щита с изображённым на нём клыком. Погон, как у чумов обычных бур, вместо них вышито по треугольнику с рисунком на обоих кончиках воротника. На этих двоих стояли не закрашенные треугольники.

На приближающегося к ним Тихомирова эти двое не обращали внимания, пока он сам это не сделал: «Хозяин, у меня донесение для карака». Добавить к этому слово «срочное» опасно – чумы никогда не видели ни в одном человеческом деле ничего срочного.

Тот, что стоял справа видимо обиделся, что с этими словами обратились не к нему, а к другому. Это была первая ошибка Ивана: он проявил «личность» и без видимых причин выделил из двух «одинаковых» чумов одного. К кому бы из них он не обратился по-отдельности, всегда можно было бы спросить: «А почему к нему? Почему не к другому?» Раньше Тихомирову не приходилось попадать в ситуации «выбора», и теперь он знал, как поступить в *следующий* раз, но в этот ошибку он уже совершил.

«Что ты хочешь?» – спросил первый.

«Нет, подожди... – перебил его второй и шагнул вперёд, к человеку. – Как тебя зовут?»

«Мой номер 56138684Б2» – без промедления ответил разведчик. Этот обыгранный момент, к сожалению, ему вообще не помог.

«Зачем ты здесь?»

«Служить Империи», – опасность этого вопроса состояла

в том, чтобы не сказать «Я».

«Ты заслуживаешь смерти?»

«Хорошо я влетел», – подумал Тихомиров и, поклонившись, ответил: «Это в твоей власти, хозяин».

Никто не знает, сколько бы могло это продолжаться, если бы не открылась дверь, и оттуда не показалась бы Ананхр. Очевидно, там была хорошая акустика, и эта глупая болтовня ей не понравилась.

«С чем ты пришёл?» – спросила она. В глазах витала маска работы во всех вариациях времени. Никто сейчас и не знал, кто её больше не устраивал: человек, слегка не уложившийся в неписанные нормы или сотрудник СЧК, распоряжающийся её временем, как своим собственным.

«Ну вот, она меня уже во второй раз спасла», – улыбался в душе Тихомиров и, вставая на колени, доложил: «Хозяин, нам грозит опасность. Всем честно трудящимся людям во благо Империи. Хозяин. Сома №336 сегодня собирается восстать».

Двое чумов замерло на месте, ожидая, как на это отреагирует Ананхр; им было совершенно всё равно, в данный момент за них всё решала она: посмеётся – они тоже посмеются, будет недовольна – и они будут недовольны.

«Пойдём ко мне в кабинет», – вывела Ананхр и вернулась в помещение. Тихомиров за ней.

«И не забудь закрыть дверь».

Закрыв дверь, Иван подошёл к столу и опустил голо-

ву. Ананхр вовсе не смотрелась за этим мощным дубовым столом. Он полностью поглощал её, делая маленькой, но властной: мала она, а возможности её велики. Стандартный подход среднего и высшего чиновничьих звеньев Империи. Ананхр не любила эту показуху, предпочитая не создавать иллюзий и ложных впечатлений о своём статусе. Она всегда полагалась на свой голос. Его понятность и «прямолинейность» заставляла подчинённых думать исключительно о деле, а не о том, как взобраться на стол побольше, занять место потеплее и поближе к Центру. Что касается людей, то выпендриваться перед ними она считала просто беспечной тратой времени – зачем это делать, если существует вся полнота власти над ними, и её использование ни капли не поможет в установлении власти чумов – две разные силы: над чумами и над людьми.

«Ну, что молчишь? Расскажи, как это узнал?» – её голос не давил сверху вниз десятитонным грузом, наоборот, с каким-то интересом и даже *просьбой*.

«Мне сказал это номер 643075A2. Я поверил и убедился в этом сам. Как мне велели раньше, я доложил обо всём этом сразу».

«Когда тебе это сказал номер 643075A2?»

Вопрос и правда был интересным. С одной стороны, если бы Тихомиров сказал, что это было вчера утром, его бы спросили, почему он доложил об этом так поздно. С другой – если бы вчера, тогда когда он успел всё это проверить ва-

риант «днём» отпадал, потому что он в это время находился на поверхности и «контакта не имел». Кроме того, из всего этого вытекал ещё один вопрос: «Когда командир узнал об этом?»

«Вчера утром. Я бы сообщил и раньше, но надо было проверить. Мне велели не доносить непроверенную информацию», – это выражение «мне велели» являлось отличным «барьером». Конечно, никто такого не говорил, а Принхр и Чанхр уже мертвы (Принхра Тихомиров видел лежащим в крови в кабинете, Чанхра выносил сам вместе с другим шахтёрами, работающими на поверхности (чумы побрезгали дотронуться до него) – хоть и узнать его было тяжело) и ничего об этом не расскажут. Об их смерть подтвердил и Дмитрий. Тот уже полностью перешёл под его контроль, выкладывая всё, что только долетало до его ушей. Иван уже не раз успел себя похвалить за то, как вовремя он прижал этого человека.

«Как ты проверил подлинность его слов?»

«Я поговорил с теми, кто работает в этой коме. Они люди общительные...»

«Кто-то из них сказал о предстоящем восстании?»

«Нет, хозяин. Никто прямо не сказал».

«Как же ты узнал?»

«Прости, хозяин, я не могу сказать как это видно, но они все говорили о своей силе, о том, что люди должны уничтожить чумов, о том, что они не собираются торчать в этой «яме» вечно... – шла откровенная отсебятина, но в общем,

ничего больше не оставалось. – А ещё...»

«Что ещё?»

«Я видел у них оружие», – это была козырная карта, подсказанная Гавриилом во время вчерашнего разговора. Гавриил понял вчера, куда делся пятый автомат и то, что чумы зададутся вопросом, откуда он взялся, и, не ответив на него, занервничают. По этой комбинации эсчекисты должны были решить, что маки, узнав о готовящемся восстании, передали оружие. А один шахтёр не удержался и решил действовать раньше срока – поднялся на поверхность, убил там Чанхра, заменил свой автомат на пулемёт, затем спустился обратно и устроил перестрелку в пещере. Помимо всего прочего, чумы должны были испугаться ещё и результатов всего этого: если он не один, то это хорошо организованное подразделение, а если один – то, что тогда сделают полторы сотни таких же?

«Какое оружие и где ты его видел?»

«Они хранят его под одеждой. Какое я не знаю, хозяин».

«А с чего ты взял, что это оружие?»

«По форме, хозяин. Очень похоже на то, с чем ходит наша охрана».

«Хорошо», – теперь Ананхр чётко обозначила свои последующие действия. Её взор устремился в голую стену. Никаким своеобразным сентиментализмом, как у Манхра она не обладала, и Небеса её вовсе не привлекали.

«А когда они собирались восстать?» – спросила она.

«Перед тем как попросить меня передать вам номер

643075A2, желая помочь вам, договорился с ними...»

«А почему сам не передал это?» – перебила его Ананхр.

«Его подозревают маки. Он так сказал мне...»

«Угу... Хорошо... Так о чём он договорился с ними?»

«Они начнут по его сигналу».

30 марта 381-ой соме «вручили» на работу участок погрузки. Болгарская сома получила сектор очистки.

Сигнал, о котором растолковывал Тихомиров на поверхности, состоял из элементарной вещи – хлопка от выстрела. Только после этого в бой вступал Валиков.

Когда Гавриил увидел идущего к нему Ивана Тихомирова, с его плеч слетел земной глобус.

«Они во всё поверили, – возвестил разведчик. – Сейчас сюда придёт её помощник со своей группой. Он выстрелит, и на сегодня всё закончится».

У Тихомирова не появилось чувства облегчения от чего-то, ему вообще не хотелось на всё это смотреть и поскорее об этом забыть. Ведь всё это так мерзко: сдавать своих.

«Я вижу, о чём ты думаешь. – сказал Диктатор. – Ты думаешь так, как на твоём месте должен был бы думать любой уважающий себя человек. Это правильная реакция. Потом ты привыкнешь спасать тысячи жизней потерей сотни».

Горняк понимал, о чём ему говорят, что всё сделанное им нужно ради спасения многих людей, но ему настолько про-

тивно от всего этого, что голова пошла кругом, а в горле появилась тошнота.

И вот в тоннель вошёл и дикий чум СЧК. На воротнике его были уже не треугольники, а два квадрата и закрашенные пурпурным цветом. Вид его сухой, а глаза томные и гнусные. А вместе с ним десятеро таких же.

Выстрел. Чумы встали как вкопанные, улавливая малейшие движения из тоннеля; их командир только что подал сигнал к восстанию.

Спустя пару секунд из сектора очистки послышались выстрелы, а затем один общий клич «Ура». И почти сразу кто-то из них влетел к нашей соме. А попал в лапы чумов... Его расстреляли все, кто только имел оружие: одиннадцать эсчекистов и шестеро из буры «Чёрного Камня». После этого в помещение ворвалось ещё двое, и ещё, и ещё. И все легли на землю. И чумы стали насмехаться над каждым убитым, а люди смотрели на это и не верили глазам своим. Они не могли понять, как чумы узнали обо всём этом: восстании, сигнале и даже том, как должны действовать сомы на своих участках.

Некоторые из 381-ой, вопреки запрету Диктатора, хотели поддержать болгар, но теперь это было невозможно, теперь гибель всем казалась очевидной.

Прошла ещё пара секунд и организованные стройные очереди из восставшего сектора сменились отдельными выстрелами. – 381-ая сома поникла головами своих шахтёров. Ещё

пара секунд и все звуки прекратились – у 381-ой сомы появились болезненные угнетённые глаза. Всё закончилось.

Раздавались выстрелы, уже безответные: чумы ходили и добивали тех, кто остался в живых.

381-ая сома замолчала: кто-то внешне держался, у кого-то текли слёзы, а кто-то, прижав рот, тихо плакал – лишь один Диктатор стоял спокойный и непоколебимый, знающий, скольких удалось спасти.

Непроверенный опыт

О восстании тут же сообщили в высшее руководство Восточно-Славянской колонны, но не Брозу, а шефу СЧК Закинхру. У чумов не было проблем с почтовыми голубями, они использовали проводную телефонную связь.

Узнав об этом Закинхр решил собрать Совет дворян-примов.

Комната темнее ночи. Официально председательствующий на заседании брох Блух не знал, чего такого можно ожидать от того, кто их собрал. И руки его поэтому тряслись как после литра крепкого напитка (чумы, несмотря на свои размеры, пьянели очень быстро; «Устав привилегированных» разрешал пить минимум за день до работы и не более семи десятых литра водки).

Закинхр сделал такую рожу, будто завтра уже не настанет: «Нам повезло, братья-чумы... , что в группе Донецк-Макеевка были мои сотрудники...»

«Что вы имеете в виду?» – нервно спросил броз.

«А имею я в виду восстание, брат-чум Блух». После этих слов все присутствующие начальники в буквальном смысле повскакивали со своих кресел.

«Восстание?.. В каком положении сейчас группа?» – подобное сообщение могло только обрадовать Блуха – ведь

он настаивал на увеличении контингента сил, вопреки большинству Совета. Вместо этого сейчас он затрепетал – он «исполняющий обязанности», что с ним сделают, когда узнают до «чего он довёл» колонну. Сейчас он думал только о себе, а зря: мог бы уместно надавить на «методы СЧК» и изменить ситуацию в свою пользу. Это не пришло ему и в голову.

«Не беспокойтесь. Служба Чёрного Камня знает своё дело. – Закинхр не один год учился правильно держать свою позицию и использовать свой специальный статус как нерушимую стену. – Ситуация не выходила из-под контроля ни на секунду. 153 человека уничтожены. С нашей стороны потерь нет. Только царапины... Как я уже сказал «СЧК знает своё дело»».

Весьма ловкий, но не безошибочный манёвр: шеф СЧК не доложил ни об одиннадцати убитых в пещере, ни о двадцати семи убитых болгарами – всех предполагалось подвести под цифру казнённых предателей во время чистки или оборонявших Донецк-Макеевку от маки (распределение по этим двум категориям в зависимости от предыдущих заслуг – чтобы не возникало противоречий): проверять это всё может только СЧК.

Всё это, разумеется, было не совсем так: и в СЧК существовали чумы верные не своему непосредственному руководству, а Центру, да проверить это мог попытаться и кто угодно из Совета – у каждого есть свои люди.

Присутствующие потихоньку затихли, осознавая, что у

Закинхра есть какая-то неординарная идея.

«Ввиду сложившейся ситуации я предлагаю прибегнуть к методике, используемой нами в особых условиях. С вашего согласия, безусловно, – сказал тот. – Я предлагаю предоставить этой группе автономию. Поручить там всё их лидеру, без сомнения авторитетному. И через него контролировать обстановку. Структурные объединения легче контролировать, чем разрозненные группы».*

В другое время его вообще бы не поняли: что это ещё за человеческая автономия, может им вообще предоставить возможность создать независимое государство, но сейчас – другое дело. На шахте произошло восстание, и его, а не чьи-либо другие, действия не допустили его распространения, значит действия верны и своевременны, а если прошлые были верны, то верны будут и будущие – древняя технология: «Не меняй то, что хорошо работает». От этого собирался отталкиваться и шеф СЧК.

Помешать ему в этом мог кто угодно, достаточно лишь указать на целесообразность участия в этом своего имперского органа и невозможность его стыковки с данным планом. Но для этого надо было взять хотя бы часть инициативы в свои руки, а значит рискнуть. Делать это сейчас ни у кого не было сил.

Для официальности осталось подтверждение получившегося решения со стороны броза.

Он кашльнул и, оглядев всех, сказал: «Если ни у кого нет

возражений...»

Блух снова убедился в том, что его пребывание на данном посту является временным – возражений не было.

«Хорошо. – скрепя сердце вывел исполняющий обязанности. – Решение утверждено. Вам предоставляется два дня для выбора подходящей кандидатуры. После утверждения Советом она может вступить в должность... Как она называется согласно «Уставу об организации управления», братчум Закинхр?»

Заданный Блухом вопрос имел под собой отнюдь не пустые основания: никакого устава, где мог бы быть записан подобный случай не существовало. Никто подобную практику раньше не использовал, а сам факт возможности её осуществления был зафиксирован лишь в секретном протоколе СЧК, о котором знала верхушка Империи и эсчекисты. Там данная должность обозначалась «А0» без предшествующего номера, так как в каждой колонне разрешалось только по одному подобному объединению. До этого данный протокол использовался тридцать три года назад в течение трёх недель – потом проект свернули из-за *сложности осуществления*.

Чтобы ничем не выдать столь секретный документ название должности Закинхр решил изменить, причём координальным образом, да ещё и с прибавлением: «Она называется «Управляющий группой». Система описана в восьмом томе «Устава об организации управления». Глава «Человеческая автономия». Год выпуска 6534... Кандидат будет пред-

ставлен в Совет уже завтра».

Спрашивать больше было нечего и Блук согласно кивнул головой, указывая на конец заседания.

Тут зазвонил телефон. Красный важный телефон, стоящий на столе броза.

«Блук слушает», – он давно мечтал сказать «броз», но до сих пор так и не решился. Его лицо напряглось, омрачилось, глаза понеслись в прострацию, и челюсть поползла вниз. Выслушав всё, броз зажал лапой трубку и произнёс увядающим голосом: «У нас... тут... ЧП...»

«Что случилось?» – спросил Закинхр, обратив на себя внимание всех, кто не хотел неприятностей, а таковых был полон кабинет.

Блук бессознательно отвёл от себя красную трубку как что-то очень опасное и отвратительное; он уже готов был отбросить все эти «исполнения обязанностей» куда подальше.

Коварная и хитрая лапа овладела связью: «Говорит начальник группы СЧК Восточно-Славянской колонны Закинх. Докладывайте».

Голос не издавал нерешительности и взволнованности, очевидно, докладываемое случилось не с ним: «Командир транспортных путей Донецк-Макеевка – Волгоград Вох. Подразделение Имперской Армии и СЧК, направленное в Луганск полностью уничтожено. Выживших двое. Один в критическом состоянии. Сейчас оба находятся в Алчеевске. Разъяснений по поводу случившегося не дают. Ждут чумов

из СЧК».

«Сколько чумов из бур Имперских Войск сейчас находится в вашем распоряжении?»

«Одна бура. Всего двадцать чумов».

«выберите из них троих самых лучших, тех, на кого можно положиться. И прикажите им сопроводить нашего чума, того что в сознании к пункту Дебальцево. Там их встретят наши сотрудники. Того, что в критическом состоянии охраняйте всеми силами. Позже за ним придут наши сотрудники».

Когда он говорил, словосочетание «наши сотрудники» прямо властвовало в речи.

Он положил трубку и возвестил всем, что всё в порядке, это всего лишь диверсия маки.

«Всего лишь диверсия? – Блуха такой комментарий явно не устроил. – Целое подразделение уничтожено!»

В дело вмешался Донхр (ведь участвовали и его подчинённые): «Я предоставил вам для этой операции буру «Мёртвая Земля». Это элитное подразделение. Оно тоже погибло?»

«Командир, который думает только о потерях, – ответил эсчекист. – не может выиграть войну.* Там погибли две мои буры. Тоже элитных... Могу заметить, что мы раньше теряли и больше и серьёзнее...»

Договорить ему не дал броз: «Вы говорили, что к следующему дню уничтожите лидера маки в этом регионе. А у нас

оказываются одни потери».

«А с чего вы взяли, что это была операция по нейтрализации лидера маки?.. Это была разведывательная операция. Теперь мы знаем о скоплении врага в этом районе. Завтра мы камня на камне не оставим от этого места. А лидер уже мёртв, его тело доставят к нам завтра утром. Доставили бы и сегодня, но после того, как наш стрелок убил его, маки принялись таскать его с собой. Сейчас они в кольце. Никуда не уйдут... А что касается этой операции, то, брат-чум Донхр, то я скорблю вместе с вами. Но мы сумели уничтожить по меньшей мере полторы тысячи маки, и чтобы успокоить сердца ваших коллег, я согласен провести карательную операцию совместно с вами», – вся фраза состояла из воздуха такого же прозрачного как и все слова, использованные в ней.

Во-первых, операция, которая только что упоминалась, на самом деле была правильно изложена Блухом. Он знал об этом от своего агента в СЧК. Закинхр понимал возможность утечки подобной информации, но факт оставался фактом: операция его, и только он знает её цели, а, если их знает кто-то ещё, пусть назовёт источник знания. На этот шаг Блух не решился.

Во-вторых, обещание «не оставить камня на камне от этого места» не могло быть выполнено в ближайшее время, так как попросту некому было это делать – либо далеко, либо уже чем-то заняты – нужна была поддержка армии.

В-третьих, Донхр совершенно не хотел ничем помогать и вообще заниматься этим вопросом, но его авторитет в этом случае можно было бы сдуть заодно с пылью. Кроме как согласиться другого выхода начальник Имперской Армии не видел. Его позиция слишком слаба перед эсчекистом.

В результате аргументы Закинхра, хоть и «хромали на обе ноги», но всё же действовали. Оставалось только показать им тело убитого «лидера» и инцидент можно считать исчерпанным. Но лидера в лицо никто не знал, и проблемы из этого не выходило.

«Я направлю в Луганск весь состав «Мёртвая Земля», – ответил на это предложение Донхр. – Пятнадцать бур». Он поверил во всю ахинею по поводу количества повстанцев и решил больше не нести потери. Подобным количеством задача в момент облегчилась для шефа СЧК.

Заседание окончилось.

Шестое чувство

Сумерки постепенно окутывали окружающее. Холодно не становилось, но уходило Солнце, так приятно освещавшее путь.

«Ничего, оно вернётся», – подумала Мария, глядя на темнеющее Небо и продолжая идти, и шепнула: «Господи, пожалуйста, сделай так, чтобы с ним было всё хорошо. Я так его люблю. И мне так тяжело без него».

Все её мысли были о муже. Они помогали ей двигаться вперёд. Само это слово «вперёд» значило для Марии «ближе к мужу». Она верила, что если дойдёт, то увидит его.

Неожиданно Мария почувствовала, что дорога идёт вниз, причём очень резко – в двадцати одном метре впереди текла река. Девушка захотела было достать карту, но не стала этого делать: при такой видимости всё равно ничего не увидишь. Память подсказывала, что это река Кальмиус, а учитывая длину пройденного пути рядом должен находиться заброшенный городок Новый Свет.

Мария аккуратно спустилась к берегу, подошла к краю и попыталась разглядеть хотя бы что-нибудь. В первый раз в жизни она услышала как течёт река: так живо и игриво. Вода пела, и уши радовались этому.

Положив сумку на землю, Мария села и поджала ноги под

себя. Она так устала от всего этого: идти и день, и ночь и не видеть любимого.

А хотелось бы всего лишь жить с мужем и иметь детей. И не важно в рабстве или нет. Хорошо или плохо. Просто с мужем и детьми. Чтобы они были живы и им ничего не угрожало. Всё, больше ничего не нужно. Но этого нет.

Мария закрыла глаза и сразу заснула. Каждый раз, когда она думала о сне, ей хотелось, чтобы приснился именно он, её муж. Так случилось в этот раз.

Вот Мария открывает глаза, слегка поднимается и смотрит на речку, тихо проплывающую рядом. Вокруг уже не так темно как было вечером: высоко в Небе светит Луна. Она нежно отражается в воде, ходом идущей в речке. И не холодно, и не дует. Тут тепло, и свежий речной воздух плавно веет своей свежестью.

Слышны чьи-то шаги. Ближе и ближе. Они приятны и наполняют окружающее своей живностью.

«Любимая», – слышится оттуда.

Это Рафаил. Дорогой и Любимый.

Мария обнимает его. Ей хорошо и легко.

Но он немного отводит её. Совсем немного, так чтобы можно было смотреть в глаза. Его руки не отходят от её плеч, а её руки – от его груди.

«Маша, я люблю тебя», – говорит муж.

«И я люблю тебя. И мы вместе. И всё хорошо», – отвечает Мария, не понимая, к чему клонит Рафаил.

«Прости меня, любимая, я ошибся... я...»

«Всё хорошо, любимый, всё хорошо».

«Нет, Маш, не всё. Ты меня здесь больше не увидишь...»

«Что такое? Что с тобой, любимый?»

«Мария, ты спишь».

«Что?»

«Да-да, ты спишь».

Мария поняла, что это так. Никогда раньше такого не было, но сейчас она точно это знала.

«Я сплю?»

«Да, любимая, да. Мне надо сказать тебе то, что ты должна знать... Я мёртв».

«Что? Нет, не может быть этого».

«Маш, слушай меня. Я мёртв. А тебе надо жить».

«Нет. Нет. Я не могу без тебя».

«Ты должна. Ты должна растить нашего ребёнка».

«Я не могу без тебя», – Мария прижала любимого крепко-крепко, как только смогла.

«Любимая, ты должна... Ради нашего ребёнка».

«Я не хочу просыпаться. Я не хочу быть без тебя».

«Это твоя судьба, любимая. Ты должна это пережить... Ты должна. И мы будем вместе».

«Я не смогу. Без тебя не смогу. Любимый, пожалуйста, не оставляй меня одну».

«Я всегда рядом».

Они поцеловались и снова обнялись. Так и сидели у бере-

га, пока не настало утро. Сон закончился.

Мария открыла глаза. Уже ярко и солнечно. А на душе так тяжело. «Это просто кошмар. Нет, это правда. – витали мысли. – Так кошмар ли правда?»

Девушка огляделась вокруг: красивая и игривая река, ветерок, поддувающий берёзку стоящую на пригорке, и зелёная трава у растаявшего берега. Надо же, только растаяло, и уже свежая весенняя трава. А, может, она уже давно; вчера было так темно... Но что это за сон?

Мария никак не могла понять, что это было. Неужели всё это правда?

«Всё это правда», – шептала земля под ногами.

Ей не хотелось верить, что это так, но и тот внутренний голос всё время помогавший раньше тоже говорил об этом. Тот голос когда-то говорил ей, кто её суженый, что она убежит с шахты, а сейчас он говорил вот это.

Мария прикрыла лицо ладонями и заплакала.

Мгновения стали ещё медленнее, чем раньше. Река текла также безостановочно. И сколько прошло времени одному Богу известно.

«Чего ты плачешь, доченька?» – сзади послышался добрый открытый голос немного старого человека.

Маша, оставаясь на прежнем месте, быстро обернулась и убрала ладони с лица. Прямо перед ней, метрах в десяти, стояла бабуля, невысокого роста, но с удивительно прямой осанкой как у двадцатилетней, и с такими же чистыми кари-

ми глазами как у неё самой.

«Господи, что со мной происходит?» – подумала Маша. Её лицо немного покраснело, по щекам катились слёзы, и рот немного приоткрытый тихо хватал воздух. Этот новый свободный воздух! Которого никогда не было раньше. Он так сильно пьянит, что снится то, что никогда не снилось, и чудиться то, что невозможно... Что здесь может делать эта бабуля? К речке пришла отдохнуть? Будь она из маки, никто из лагеря её бы не выпустил.

Девушка хотела было отвернуться, но бабуля начала приближаться и вот уже была в одном лишь шаге: лапти, тёмно-коричневая юбка ниже колен, красный шерстяной свитер и такого же цвета косынка на голове, прикрывающая светлые, ни чуть не седые волосы.

«Как ты доченька?»

Что делать Маша понятия не имела. Она протянула руку и аккуратно потрогала женщину: «Вы мне не кажутся?»

«Нет-нет».

«Вы из маки?»

«Маки? Нет. Нет... А что это?» – теперь и бабуля запуталась в том, что её спрашивают.

«Партизаны. Они воюют с чумами», – после этих слов горечь Маши слегка спала, и она вытерла лицо тыльными частями ладоней.

«А кто такие чумы? Это вы играете что ли?»

Это становилось уже не смешно. Если человек этого не знает, объяснять всё остальное смысла не имеет.

«Ах... Это просто звери. Ничего особенного. – а вот по поводу игры и правда возник вопрос: всё так похоже. – Игруем? Может быть и играем. Я сама не знаю. Я не в первых рядах...»

«А ты потерялась, да?»

«Да... Можно и так сказать...»

«А как тебя зовут, доченька?»

«Мария».

«Очень приятно. Ольга Юрьевна».

Маша сама не знала почему, но знала, что ответ будет подобным – эта бабуля – Ольга. Однако, это пока ей ни о чём не говорило.

«Ну раз ты потерялась... пойдём тогда к нам», – сказала Ольга Юрьевна.

«К вам?»

«Да, к нам... с мужем».

Воздух был светл, и чист. И Небо легко и спокойно.

Единственная должность

Следующий день после восстания. Всё подавлено. Кабинет Советаний.

Помещение столь же пустое, что и раньше. Однако есть стены и достаточный свет.

Почти у середины, но ближе к дальней от входной двери стене, стоит Гора. Справа и чуть позади него – Богатый, слева – Волин. Оба его заместители.

Напротив Гавриила Бражик и Дожик из 420-ой и Голушко и Прескович из 647-ой сом. Они мрачнее тучи, и позади них ничего нет и только дверь.

«У менч к вам пара новостей, товарищи», – сказал Диктатор. Все присутствующие до сих пор находились под впечатлением вчерашнего. Никто из них толком не спал: погибло сто восемьдесят четыре болгарских шахтёра и вместе с ними их командир Валиков. Тело Гринифенко никто не видел. Откуда чумы узнали о восстании все, конечно, догадывались – им кто-то сообщил из своих; никто не знал, кто это сделал.

«Новость первая. Чумы вводят в нашей группе особый режим».

Эти слова в кабинете каждый воспринял по-своему: и с иронией, и с ненавистью.

«Особый режим означает, – продолжил Гавриил. – Что на-

ша группа получает автономию. *Самосуществование*. А это целый ряд возможностей. Во-первых, нам дают план на месяц, и сколько добывать за день мы решаем сами. Во-вторых, система наказаний резко смягчается. Как именно разъяснять не буду – слишком длинно. Помимо наказаний изменяется и уровень питания. Не то чтобы он станет таким, каким нужно, но всё-таки лучше. И, в-третьих, группой, всей будет теперь руководить человек. Именно человек, а не чум».

Реакция на всё это последовала совершенно неадекватная: по сути люди должны были бы начать радоваться, а они все покрылись извесью и зачерствели. Этот чумной юмор оказался им вовсе не по душе – когда это было, чтобы после восстания облегчали режим. Они вообще не видели в этом смысла. Они никогда не встречались с теми, кто занимается стратегическими вопросами. Они не знали, как действует *податная система*.

Но всё изменилось после очередной фразы Диктатора: «Новость вторая. Этим человеком буду я... Их командир уже подписал такой приказ».

Авторитет Горы не позволял сомневаться в его словах – он не шутит на такие темы.

«Гора, что всё это значит?» – Бразик не выдержал первым.

«Доминик, всё это значит то, что я сказал».

«Но... как это?»

«Сядьте все на пол», – скомандовал Гавриил.

Кроме серых стен, здесь был ещё и такой же серый бетонный пол. Все видели стеклянный глаза и слышали громогласный голос Диктатора, и ни у кого не возникло мысли не сделать так, как он сказал.

Гавриил отошёл чуть в сторону от центра, чтобы не стоять над ними грозной силой, извергая гром и молнии – так они вообще ничего не поймут.

«Говорю ясно и чётко. – вывел Диктатор, встав немного в стороне и уперев руки друг об друга впереди себя. – Делайте всё, как я говорю. Не задумывайтесь ни над одним моим приказом. Выполняйте. И пусть ваши люди выполняют. Ваша задача подчиняться моим приказам. Добейтесь этого же и от своих подчинённых. Всё должно исполняться в точности как сказано. Если кто-то решит не подчиняться – убейте. Убейте его сразу, чтобы не пришлось убивать ещё кого-то. Если кто-то затеет восстание – убейте. Убейте его и того, кто вместе с ним. Порядок. С этого момента это слово главное для нас.* Вопросы какие-нибудь есть?»

Никто не хотел и не мог задавать какие-либо вопросы, выслушав эту речь – слишком грозен был голос, и слишком тяжелы были руки того, кто это говорил. Никто не понимал, с чего это всеми любимый Гавриил Владимирович стал таким бессердечным. Никто, кроме Георгия, не мог ничего сделать, а Георгию уже ничего и не нужно было.

С этого момента началась новая эра во всём великом городе Донецк-Макеевка. *Владычество* чумов сменилось *дик-*

татурой Горы.

Вместе вечность

Маша шагала позади уже третий час. Не то, чтобы было тяжело, просто надоело идти, не зная куда, и молча. Она хотела было что-то спросить, но никак не решалась – бабуля настолько стремительно и быстро шла вперёд, что казалось: отвлёки её хоть на секунду, и она непременно обо что-нибудь споткнётся.

Маша умела терпеть, но не такие вещи.

«Извините, Ольга Юрьевна, а нам ещё далеко?» – спросила она. Стоило это сказать, как за очередным холмом показался весьма приятного вида деревянный домик, рядом с ним сарай такой же деревянный.

Бабуля остановилась: «Да вот уже пришли... Ой, что ж это я? Давай помогу». Она потянулась к девушке.

«Нет-нет. Что вы? Не надо. Я сама. Мне совсем не тяжело», – ответила Маша, ощущая на себе чуть странный и очень интересный взгляд. Какой-то ностальгический, о чём-то давно прошедшем, приятном и близком душе.

Ей не был понятен этот жест. Она вообще ещё толком не воспринимала эту женщину: лет семьдесят с лишним, носит-ся как угорелая и такая довольная, даже счастливая. Подобные люди прежде не встречались ей, тем более, что на шахте редко кто доживал до шестидесяти.

Но когда они вошли в дом всё стало ясно.

После входной двери шёл короткий коридор, а за ним просторная комната. Слева в углу что-то вроде глиняной печки с двумя стальными подставками. Посередине дубовый стол и два стула. На одном из них дед.

Ему точь-в-точь столько же, сколько и бабке, но может на год моложе. И волосы его тоже не седые, а светлые, но гораздо короче стриженные, похоже под *ёжик*. Лицо старо, но выглядит молодо. Одет в лапти, серые джинсы и такого цвета кофту.

«А это моя любимая жена пришла... – от самого сердца сказал он. – И гостей с собой привела».

«Знакомся. – ответила Ольга Юрьевна. – Это Мария».

Совершенно несоответственно живо своему возрасту со своего стула поднялся дед. Но видно было, что и тяжело ему, и кости его болят.

«Очень приятно, Мария. Владимир Иванович», – ему, как и бабуле, было, действительно, приятно принимать у себя кого-то. Когда такое было последний раз по виду сказать было нельзя, но очень давно.

«Ой, окно починил», – нежно произнесла бабуля.

«Да я ещё утром», – ответил дед с интонацией, пытающейся занизить его старания.

«Умница. Молодец, любимый. Какой ты у меня», – поласкала мужа Ольга Юрьевна и крепко прижала его к себе. Хоть Владимир и был на пол головы выше её, это нисколько их не

портило.

Маша стояла у двери и не знала плакать ей или улыбаться. Она всю жизнь мечтала о такой жизни. Именно о такой, как у них. Они оба счастливы, потому что друг с другом. Теперь она знала, что любовь и мир совместимы. Что это и есть настоящее счастье. И то, что у неё этого никогда не будет. Маша не хотела плакать, чтобы не расстраивать этих счастливых людей, но слёзы сами катились из глаз.

«Что такое доченька? Что с тобой?» – забеспокоилась Ольга Юрьевна и тут же подошла.

«Нет, ничего. Не обращайтесь внимания... Это так, само собой», – Маша до глубины души не хотела их расстраивать и рассказывать причину. Они не заслуживают это.

«Хочешь побыть одна?»

На этот вопрос Маша просто не позволила себе ответить положительно: «Нет-нет, что вы?»

Эти люди добрые, и относиться к ним надо точно также.

«Ты, наверное, ещё не завтракала?» – Владимир Иванович ко всему прочему обладал ещё и здоровым и сильным, хоть и хрипловатым голосом. И задав таким вот голосом совершенно неприемлемый для девушки вопрос, он показался ещё и жизнерадостным. В самом деле, какие завтраки на шахте с чумами?

«Завтракала? Да нет...» – честно говоря Маша вообще и не знала, что это такое.

«Ну вот, наверное, и от этого всё не так...»

Конечно, они оба понимали, что причина в другом: выколачивать эту правду им вовсе не хотелось – захочет, сама скажет.

«Да, может быть... от этого», – ответила Маша, продолжая не понимать, о чём идёт речь.

Девушку усадили у самого окна. Там ей было совсем неудобно – слишком много Солнца, но это ерунда, и она не пожаловалась: главное ничем их не обидеть.

«Первое или сразу второе?» – спросила Ольга Юрьевна.

Первое, второе... Очевидно, речь о еде, но что это за странный способ приёма пищи в несколько заходов. Что есть, то и ешь, чего делить-то?

Маша непонимающе покачала головой: «Не знаю... Как хотите».

«Ну, не стесняйся, доченька. Я вижу, что ты хочешь покушать», – бабуля чуточку улыбнулась. До этого она улыбалась только мужу. Но и сейчас это выглядело по-другому. Мужу она улыбалась совершенно естественно и так, будто делает это всю жизнь (что, конечно, так и есть).

Она поставила на стол сосновую тарелку.

Грибной суп. По цвету жёлто-коричневый, по запаху примерно такой же... Оказался очень вкусным.

«Нравится?» – спросила Ольга Юрьевна.

«Очень вкусно... Никогда в жизни такого не пробовала», – здесь выдумывать не пришлось. В то время как язык ощущал этот прелестный вкус, в голове витала масса мыслей

о том, во что обходится им эта еда – может они используют то, что оставили про запас, что решили поесть только из-за неё. А она всегда не любила, когда из-за неё люди жертвуют чем-то, она любила помогать сама.

«А вы часто так едите?» – спросила Маша, не поднимая глаз с тарелки.

«Когда сезон – да, а так – нет», – ответила Ольга Юрьевна и, встав со стула, увидела почти пустую тарелку: «О. Очень рада, что тебе понравилось. Хочешь ещё?»

Вопрос на засыпку: либо «да», чтобы подчеркнуть прекрасный вкус этого супа, либо «нет», если у них этого супа мало. Положение спас Владимир Иванович: «Не забудь, Машенька, ещё есть второе... Не влезет, и жена обидится».

«Да ладно тебе. – добродушно отреагировала хозяйка. – Обижусь... с чего обижаться?»

«На всякий случай, лучше не надо», – сказала Маша.

«Не хочешь больше?»

«Нет. Нет, спасибо».

«Тогда второе?»

Девушка быстро и слабенько покивала головой, ещё не зная, как бы можно было бы ещё скромнее ответить на этот вопрос.

Вторым оказалась картошка. Порезанная кружочками и слегка поджаренная на сковородке. Немного подрумяненная и совсем чуть-чуть подгоревшая с некоторых краешков.

Если эти люди готовят это сами, то, наверное, они по вос-

кресеньям ходят в гости к Господу Богу.

Только такое впечатление могло сложиться у Маши, после того как она всё это попробовала – как будто язык был создан, чтобы ощущать такие вещи.

«Нет. – подумала Маша. – Как бы ни было это вкусно, язык создан для того, чтобы говорить своему любимому, что любишь его, что не можешь жить без него и что всегда будешь ждать его. Для этого нужен язык. Для того, чтобы любимый ответил, что он всегда будет рядом. И это будет тем единственным, что будет двигаться вперёд, что не позволит сдаться, что даст то, что так необходимо душе. Для этого нужен язык, а всё остальное – лишь придаток».

«А это, если честно, – повествовал Владимир Иванович. – мы едим с утра до ночи... И мало того, очень это любим... А как тебе?»

Эта фраза Машу обрадовала – раз у них этого много, значит никаких жертв нет: «Вы прекрасно готовите. Большое спасибо».

Теперь настало время чая.

Ах как эти люди его пьют! Маленькие-маленькие пиалочки и чашечки из беленькой с чёрными полосками бересты. Они наливают в них слегка горячий чай и долго-долго смотрят на дно. Затем, когда отойдёт пар, пьют маленькими глоточками. Это мир и спокойная жизнь. И вся комната наполнялась этим. И так должно было быть.

«А знаешь, почему береста не смягчается от горячего

чая?» – спросил Владимир Иванович, продолжая смотреть гораздо глубже, чем это позволяла высота чашки.

«Нет», – ответила девушка совершенно искренне. Она и не задавалась этим вопросом, впервые видя изделие из бересты, которую она тоже не чётко себе представляла.

Тут дед начал рассказывать какая всё это тонкая работа, о том, что сделал это ещё его прадед, бывший шахтёром в Макеевке, и что, когда он смотрит на дно этой чашки, каждый раз видит своих предков, и те радуются ему и довольны им, и его женой.

Потом открылась Ольга Юрьевна. И ей видны её предки, и они радуются ей и довольны ей, и её мужем.

Они говорили об этом весь день и весь вечер. А Маша слушала их и знала теперь, какими красивыми бывают леса и луга, как легко здесь растёт пшеница, какие птицы остаются на зиму, а какие нет, и как надо их встречать. И всё надо было знать. И надо знать ещё больше...

Но день закончился, и зашло Солнце – остальное потом.

Конец первой части

Социальные сети автора:

Youtube – <https://www.youtube.com/channel/UC850VD9hdNOr1uzYFIJz3GA>

VK – <https://vk.com/homoludus>

Дзен – <https://dzen.ru/homoludus>

Livejournal – <https://homoludus.livejournal.com/>